

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Ю.П.Азаров

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Издательство
политической
литературы

БИБЛИОТЕЧКА
СЕМЕЙНОГО
ЧТЕНИЯ

Ю.П.Азаров

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Издание второе,
переработанное и дополненное

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1985

74.9
A35

Мне давно хотелось написать педагогику будней. Педагогику на каждый день. В малом, повседневном раскрыть основы великого, святого таинства — становления человеческой личности.

Но долгое время я не мог разрешить для себя такое противоречие. С одной стороны, современный родитель нуждается в конкретных советах, а с другой — в педагогике сложилось незыблемое правило: в воспитании нет и не может быть рецептов.

Я и в жизни наблюдал это противоречие: обществом накоплен мощный духовный потенциал, а педагогика полна схоластики, и в воспитательной практике семьи нередко имеют место формализм, грубость, бездуховность.

Передо мной вырисовывались две основные задачи. С одной стороны, попытаться приподнять педагогику до уровня духовных ценностей века. А с другой стороны, наряду с философским осмыслением психолого-педагогических закономерностей воспитания я ставил перед собой цель — дать родителям конкретные рекомендации, ответить на конкретные вопросы. Как воспитывать детей, чтобы в них гармонично сочетались гражданственность и человечность, физическое совершенство и моральная чистота? В какой мере воспитателю следует быть добрым и строгим, требовательным и мягким? Как соединить реализацию детского САМО (самостоятельность, самодеятельность, самообслуживание, самоактуализация, самораскрытие) с разумным руководством со стороны взрослых, чтобы избежать вседозволенности, чтобы предотвратить дурное, чтобы дети росли счастливыми, чтобы они стали полезными обществу людьми.

В выступлении на апрельском (1984 года) Пленуме ЦК КПСС, одоббившем Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы, това-

рищ К. У. Черненко подчеркнул, что наш стратегический ориентир — формирование всесторонне развитой личности.

Этим ориентиром я и руководствовался.

Мое стремление написать педагогику правил не означало попытки навязать читателю «воспитание по книге», ибо весь ход воспитательного процесса определяется характером жизни, сложившейся в семье родителей еще до рождения ребенка. Мы несем в свою семью мудрость общения, которая воспринята нами от предшествующих поколений, усвоена в годы нашего детства. Даже если мы протестовали против того воспитания, которое осуществлялось по отношению к нам, мы все равно в своих действиях почти всегда воспроизводим в чем-то тот педагогический опыт, который впитан нами с младенческой поры, в ходе физического и духовного роста. Мы невольно подражаем своим отцам и матерям, бабушкам и дедушкам, несем в себе заряд той социальной среды, тех социальных отношений, которые сформировали наши личности.

Наше воспитание является коллективистским. И коллективизм воспитывается прежде всего в семье, потому что родители готовят детей к жизни в обществе, построенном на коллективистских началах.

Школа и семья, следовательно, объединены общей целью и принципами воспитания — вырастить коллективиста. А отсюда вытекает еще одна особенность воспитательной практики советской семьи — ее органичная связь с обществом. Тенденции развития связей семьи, школы, производства, внешкольных воспитательных учреждений в последнее время усиливаются. Сплошь и рядом можно наблюдать такого рода явления: родители в школе или на производстве непосредственно занимаются с детьми — ведут кружки, спортивные секции, ходят в походы, проводят различные конкурсы, физкультурные мероприятия. Родители посещают занятия детей, выставки детских работ, являются активными соучастниками формирования юных граждан.

Вот почему, говоря о семье, нельзя не коснуться содержания отношений, которые складываются за пределами дома — в школе, во внешкольных учреждениях, в свободном общении детей «на улице», того комплекса влияний, который определяет стиль и методы семейного воспитания.

Глава 1

О ЧЕМ СПОРЯТ ПО ВОПРОСАМ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

(Диалог
с Бенджамином Споком)

Декларация прав ребенка. Минуло чуть больше двадцати лет с тех пор, как Организация Объединенных Наций приняла этот документ. Инициатива ООН встретила самую горячую поддержку всей прогрессивной общественности мира, приковав внимание многих правительств к проблемам защиты детей от голода, холода, эпидемических заболеваний, эксплуатации.

Как же значительны, необыкновенно важны действенные меры, направленные на защиту прав ребенка, какую весомость обретают слова, напоминающие человечеству о том, что мир детства может и должен быть прекрасным, как необходимо знать каждому природу этого мира и отдавать все свои помыслы, усилия воспитанию в детях добра, разума, красоты. Именно поэтому книги американского доктора, педагога, активного борца за мир Бенджамина Спока, пронизанные идеями человечности, прозвучали с такой силой на весь мир.

И вот доктор Спок у нас в Артеке. Он увидел воплощенными в жизнь свои идеи: все лучшее — детям, для детей. И может быть, здесь он понял до конца, сколь велик разрыв между его высокими гуманистическими идеалами воспитания и возможностью (вернее, невозможностью) их осуществления в капиталистическом мире.

В Артеке был продолжен спор с доктором Споком. Спор, который был начат на страницах печати у нас в стране, задолго до приезда к нам Спока. Безусловно, в центре внимания оказались и такие проблемы, как права и защищенность ребенка, проблемы гуманизма и личности воспитателя.

Считаю, что мне представился счастливый случай сравнить различные «дискуссионные подходы» к воспитанию, увидеть их через непосредственное общение с замечательным педагогом, каким является Бенджамин

Спок. Позволю себе начать анализ с характеристики такой важнейшей проблемы, какой является проблема личности воспитателя.

ЛИЧНОСТЬ ВОСПИТАТЕЛЯ

Значение личности педагога определяется мерой гражданственности, даром слышать диалог своей эпохи, как заметил один мыслитель, или, точнее, слышать свою эпоху как великий диалог. Улавливать в ней не только резонансы голосов прошлого, но и слышать голос будущего. Разрешать мысль как великое противоречие и мучиться неразрешенностью жизненных конфликтов. Бескорыстно служить великим идеям справедливого устройства мира и бесконечно верить им.

Такой мерой невольно измеряешь значение Бенджамина Спока.

Как бы два важнейших пласта в Бенджамине Споке. Один связан с политикой — здесь он сторонник социализма, яростный противник империализма, войны. Другой обусловлен профессиональной деятельностью, соединившей в себе искусство медицины и искусство воспитания.

Я отправился на международный детский фестиваль в Артек, куда был приглашен Бенджамин Спок, чтобы увидеть его в общении с детьми, обстоятельнее познакомиться с его взглядами на воспитание, приблизиться к пониманию его педагогической философии.

В том, что содержанием личности во многом определяются и педагогические взгляды, я никогда не сомневался. Точнее, личностный аспект в педагогике крайне важен, поскольку накладывает определенный отпечаток на весь педагогический мир того или иного мыслителя в этой области. Не скрою и своих ошибочных раздумий. Перебирая в памяти всех больших педагогов, я невольно для себя делил их (в сугубо личностном плане) как бы на два типа. Первый: Оуэн, Ушинский, Дистервег, Макаренко. Здесь я сталкивался с характером неистовым — горящие, как у пророка, глаза, нервы подобно тросам, могучая энергия рождает могучие формулы: если характер создается обстоятельствами, значит, надо изменить среду (Оуэн); если педагог дышит энергией — детская самостоятельность неизбежно развивается (Дистервег); только счастливый человек может воспитать счастливого человека; разорвитесь на части, но станьте счастливыми,

иначе вы не сможете воспитывать детей (Макаренко). В этом характере, казалось мне, преобладают мажорные интонации. И весь дух личности — реформаторский, бескомпромиссный. Другой тип, по моим предположениям, не являлся полной противоположностью первому, но здесь нежность души человеческой как бы смягчала тональность педагогических исканий. Здесь больше ориентаций на отношение к личности ребенка, здесь доброта в той изысканно-трепетной тонкости, которая и рождает интимность прикосновения, свойственную людям легкоранимым, мучительно сомневающимся. Здесь подлинно гражданская страстность рождается как великое откровение через собственную муку, боль, очищение.

Только больной, измученный, но готовый в любую секунду принести себя в жертву во имя одного несчастного ребенка Песталоцци мог сформулировать так свой основной метод влияния на детскую душу: «С утра до вечера я был среди них. Все хорошее для тела и духа шло к ним из моих рук... Моя рука лежала в их руке, мои глаза смотрели в их глаза. Мои слезы текли вместе с их слезами, и моя улыбка следовала за их улыбкой».

И как апофеоз этой линии духовного общения — Януш Корчак, переступивший с детьми порог фашистского крематория...

Завоевавший право сказать: «Сердце отдаю детям», В. А. Сухомлинский напишет в одной из последних своих книжек: «Имея доступ в сказочный дворец, имя которому — Д е т с т в о, я всегда считал необходимым стать в какой-то мере ребенком. Только при этом условии дети не будут смотреть на вас как на человека, случайно проникшего за ворота их сказочного мира, как сторожа, охраняющего этот мир, сторожа, которому безразлично, что делается внутри этого мира».

Конечно же такое деление педагогических линий на два типа весьма условно, неточно, уязвимо. Но реальность не сбросишь со счета, тем более что она заявляет о себе в педагогическом почерке, в педагогической палитре. Больше того, эти самые личностные нюансы находятся в особом сцеплении со всем мировоззрением личности, они индивидуальны и различны, а смыкаются в гражданственности, в той неумемной педагогической жадности, стремящейся охватить все факторы становления души человеческой, чтобы ребенку стало лучше, чтобы матерям и отцам жилось радостно. Поэтому и вершины у обоих типов одни и те же: создать системы, обеспечивающие

всестороннее и гармоническое развитие,— вот единая и последняя цель педагогической дерзости.

И эта общая цель снимает необходимость банального вопроса: «Какая из линий в педагогическом рисунке нужнее и правильнее?» Задавать такой вопрос так же неправомерно, как отдавать предпочтение Некрасову перед Тютчевым, Маяковскому перед Есениным, Фолкнеру перед Хемингуэем. Просто мы имеем дело с разными видами человеческой талантливости.

Все это я объясняю не случайно, поскольку в педагогике, как и в искусстве, шараханье то в одну, то в другую сторону всегда приносило немало вреда: убивало поэтическую форму в ущерб содержанию, а в педагогике порой разъединяло нерасторжимое — бережное отношение к личности ребенка и всю организацию жизни детей, гарантирующей суверенность этой бережности.

Какова же педагогическая палитра Бенджамина Спока? Каким образом эта сложная система «доктор Спок — современное американское общество — личность ребенка» сформировала те установки, которые пришлись по душе родителям во многих странах? Каков сам Спок как человек?

Не скрою, по многим публикациям о нем, да и по его книгам у меня сложилось определенное представление — скорее педагог корчаковского плана. Этаким добрый-предобрый, конечно же нежно-сентиментальный сказочный Айболит. А оказалось наоборот. И я рад тому, что рухнули мои построения о двух педагогических линиях. Укрепились вера в то, что подлинный воспитатель — это уникальная личность, в ней органично сплавлены гражданственность и человечность.

Лет десять назад по всему миру прокатилась волна дискуссии вокруг педагогических взглядов Спока. Появились статьи и в нашей печати. На страницах «Литературной газеты», в частности, было опубликовано такое характерное письмо геолога А. Силуянова из Кургана:

«Уважаемая редакция! В нашей стране хорошо знают американского педагога и педиатра доктора Спока по его замечательной книге «Ребенок и уход за ним», переведенной на русский язык. Сформулированные им прогрессивные, гуманистические идеи и педагогические принципы близки и понятны нам, они перекликаются с идеями и воспитательной практикой наших выдающихся педагогов А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого и других. Но вот за рубежом, о чем уже говорилось и в на-

шей печати, появились сообщения, что д-р Спок изменил своим принципам, отказался от системы воспитания, построенной на доброте и доверии к ребенку, и уповает теперь прежде всего на жесткость и дисциплину. Что же произошло с д-ром Споком? Мне не совсем понятно, почему нужно противопоставлять дисциплину доверию — разве одно исключает другое? И почему указание на то, что помимо доброты полезна бывает и жесткость, означает измену прежним взглядам?»

И в сентябре 1974 года я выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Доктор Спок против доктора Спока?». Вопросительный знак в заглавии статьи был поставлен не случайно, ибо я, как мне казалось, доказал, что никакого отступничества у доктора Спока не было. Три года спустя, встретившись со Споком, я показал ему эту статью. Споку понравился заголовок, а когда переводчица познакомила его с содержанием статьи, Спок в общем-то согласился с ней и подчеркнул, что никакого изменения своим принципам у него не произошло. Не скрою, я тогда как бы уходил от категорических, безапелляционных заявлений, так как кое-что мне самому оставалось непонятным, проблема была необыкновенно сложной, полемической.

И эта моя в некотором смысле «размышленческая» позиция дала основание некоторым читателям прийти к заключению, будто я все же упрекнул Спока в отступничестве. Впрочем, мне и сейчас многие товарищи, которые встречались со Споком, говорят, что все же некоторое отступление у него произошло. Я такой позиции не разделяю, поскольку вопрос, опять-таки подчеркиваю, сложен. И здесь надо говорить о целой системе противоречий, которые выявились в результате педагогической и общественно-политической деятельности этого замечательного человека.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРЕЖНИМ ДИСКУССИЯМ

Итак, доктор Спок, подчеркивалось в печати прошлых лет, с именем которого связана гуманистическая педагогика, выступил со статьей, в которой ратовал будто бы за твердость в воспитании детей.

Доктор Спок, антивоенный лидер, борец за мир, утверждает, что без жестких, последовательно проводимых требований не может быть действенного воспитания.

Доктор Спок, замечательный педагог современности, увидел вдруг в мягкости, доброте, родительской ласке главные противоречия воспитания детей в современной Америке.

Эта его новая позиция и вызвала в зарубежной печати бурю страстей.

Радио... Газеты... Телевидение... Десятки запросов... Все желают знать, зачем и почему понадобилось доктору Споку изменить своим убеждениям; проповедовать твердость и дисциплину вместо доброты, «переметнуться к консерваторам», отступиться...

Чем вызваны эти заявления? Похоже, кому-то захотелось скомпрометировать доброе имя истинного гуманиста современности Бенджамина Спока. Но только ли этим? И почему, казалось бы, частные вопросы педагогики стали общественно значимыми? Перед тем как ответить на все эти вопросы, волнующие читателя, и на главный из них — остался ли доктор Спок верен своим взглядам или изменил им, — я позволю некоторое отступление: необходимо объяснить, почему решение, что ставить на первое место — строгость или доброту, оказывается кардинальным в воспитании детей.

История знает немало случаев, когда одна книга или статья о воспитании приводила в движение общественную мысль, совершала своего рода очистительный переворот в сознании людей. Чем объяснить такой резонанс? Чем объяснить, что выдвижение на общественный суд острой педагогической идеи приводило к тому, что пульс общественной жизни мгновенно учащался и в полемику вступали крупные ученые, педагоги, писатели — Руссо и Толстой, Пирогов и Добролюбов, Макаренко и Сухомлинский?.. Они вторгались в самые глубины социальной жизни, через отдельные звенья микропедагогических явлений обнажали социальные противоречия и находили ту единственную правду-истину, которая долгие годы потом сопутствовала нравственному развитию общества.

Разрешая, казалось бы, семейные, отнюдь не глобальные проблемы воспитания — «пеленать или не пеленать?», «сечь или не сечь?», «наказывать или поощрять?», «строго выполнять режим или с некоторым послаблением?» — признанные авторитеты общества, например Руссо и Оуэн, Добролюбов и Толстой, указывали на причины существующего зла, пытались объяснить способы обновления мира. То есть брались не проходные или узкоспециальные темы, а такие, которые, по меткому выражению Ушин-

ского, становились общественными вопросами для всех и семейными вопросами для каждого.

Для нас, советских педагогов, проблема примата доброты над строгостью является одной из важнейших: правильное ее решение объясняет тонкие нравственные переливы, логику утверждения человечности в воспитании детей. Здесь малейшие недомолвки и неточности сказываются на всей системе педагогических подходов.

Подлинная педагогика, даже если она имеет дело с отвлеченными процессами, всегда учитывает мир детства, мир личности ребенка. Да! Именно от того, как мы прикасаемся к детям, как заставляем учить уроки и укладываем спать, как смеемся в их присутствии и рассказываем о себе, как угрожаем или поощряем,— от всего этого зависит становление детской души и даже в известном смысле судьба целого поколения. Не случайно советские ученые подчеркивают это. «Всю систему народного образования, политического воспитания,— пишет в своем исследовании доктор философских наук Г. Л. Смирнов,— пронизывают идеи добра и человечности, идея развития в человеке его лучших качеств...»

Много лет работая в школе и занимаясь педагогической теорией, я тысячи раз убеждался в том, что научное решение этой проблемы позволяет четко разделить авторитет от авторитарности, подлинную коллективность от ее суррогатов, свободу от вседозволенности, истинную любовь от слепой привязанности, необходимость бескомпромиссного подчинения нравственным законам от педагогического произвола и насилия...

Чем больше вчитываешься в статьи доктора Спока, тем отчетливее сознаешь, что здесь речь идет не столько о замкнуто-этических категориях, сколько о главных проблемах воспитания, которые неизбежно выходят на политику и идеологию общества в целом.

В одном из своих интервью доктор Спок сказал: «Знаете, поднялась такая буча после того, как я выступил с этой злополучной статьей... Все спрашивают обо одном и том же, все желают знать, зачем и почему я так написал. А уж письма! Вот, пожалуйста: «Стыдитесь, вы погубили молодое поколение». Или вот это: «В том, что мой сын стал преступником, виноваты вы...» Как все это глупо, как смехотворно! Они же ничего не поняли. Ничего! В своей статье... я лишь повторил все то, что твердил на протяжении трех десятков лет: «Не пасуйте перед своими детьми. Когда нужно, не бойтесь проявлять твер-

дость по отношению к ним». Но быть твердым не значит быть злобным: это значит воспитывать ребенка в атмосфере радости и дружбы...»

Итак, частный педагогический вопрос, что ставить на первое место — строгость или доброту, разделил людей (и так было всегда) на два противоположных лагеря. Первые — сторонники гуманизма — утверждают, что только в атмосфере доброты может быть осуществлено подлинное воспитание. К ним всегда принадлежал и Спок. Он писал в книге «Ребенок и уход за ним», что детям больше всего на свете нужна любовь преданных родителей, что дети, ставшие преступниками, страдали не от недостатка наказаний, а от недостатка любви, что каждый ребенок — личность.

Нельзя сказать, что сторонники второй концепции начисто отменяли ласку и доброту. Они просто отдавали предпочтение строгости и жестким требованиям. Никто из них, разумеется, не призывал «сокрушать дитяти ребра сизмалу», но они ратовали за беспрекословное подчинение детей воле взрослого.

Именно против таких авторитарных методов выступил около тридцати лет назад Бенджамин Спок. Тогда он на первое место ставил родительское тепло, свободу ребенка, его творческую деятельность. Был ли он тогда пермиссивистом — проповедником вседозволенности? Нет. Была ли его теоретическая концепция связана, скажем, с теорией свободного воспитания? Нет. Вносил ли он со временем какие-либо коррективы в развитие своих идей? Разумеется. Эти коррективы отражают и некоторую эволюцию взглядов доктора Спока, и противоречия американского общества.

Уже в 50-х годах Спок предостерегает матерей от крайностей в воспитании детей. «Проявляйте чуткость,— говорит он,— учитывайте желание и волю своего ребенка. Но осторожно, не позволяйте ребенку превращать вас в рабыню. Помните, что главенствующую роль должны играть родители, родительский авторитет. Я имею в виду настоящий авторитет, а не авторитарность, разумеется. Речь идет не о наказании ребенка, а об умении научить его тому, что хорошо и справедливо. Нужно добиться того, чтобы в наказании, как в методе воспитания, просто не было необходимости...»

Наблюдая, как многие родители совершают ошибки — культивируют вседозволенность, потакают капризам, способствуют зарождению у детей безволия и безответ-

ственности,— Спок специально перерабатывает свою книгу для второго издания и особо подчеркивает руководящую роль родительского авторитета, дисциплины.

И доктор Спок становится антивоенным лидером, одним из организаторов антивоенных маршей. Официальные круги привлекают его к уголовной ответственности по обвинению в заговоре с целью побудить молодежь не служить в армии. А прогрессивные силы единодушно присваивают ему звание гуманиста... Педагогические идеи Спока сомкнулись, как и следовало ожидать, с большой политикой. Сторонники гуманизма безоговорочно одобряют его идеи. А приверженцы ужесточения ему пишут: «Я сжег твою книгу!», «Я разорвала ее на мелкие клочки...» Они вопят хором: «Это Спок повинен в том, что наша молодежь такая недисциплинированная и безответственная...»

Да, Спок вынужден под их напором оправдываться: «Разве в странах, где моей книги никто и в глаза не видел, молодежь бунтует меньше?» Но, как и тридцать лет назад, он придерживается основного своего принципа: «Существо дисциплины, ее девять десятых — это любовь, которую ребенок испытывает к родителям».

Можно было бы сказать, что Спок не несет прямой ответственности за разноречивую интерпретацию своих статей. Но ведь каждый в ответе не только за то, что он сказал, но и в известной мере за то, как его поняли.

Можно было бы не обратить внимания на эти противоречия, учитывая и высокую порядочность доктора Спока, и весь его гуманистический опыт, и его заявления о том, что по коренным вопросам он взглядов не меняет.

Можно было бы подождать, пока сгустившийся полемический туман сам по себе рассеется. Но это вряд ли возможно, так как за тонкостью вопроса и кажущимися незначительными поправками стоят глобальные проблемы формирования личности человека и сложные противоречия в классовом обществе. Примерно сто лет назад нечто подобное произошло и в России. Известный врач и педагог Н. И. Пирогов под нажимом самодержавия и «общественности» согласился, правда с оговорками, с применением розог в гимназии.

В своих статьях Н. А. Добролюбов, резко осуждая непоследовательность Пирогова, писал тогда: «...г. Пирогов оказался слабым перед средою, и он уступил, уступил не в мелочи, а в принципе, уступил в том, против чего решительно и ясно заявлял свое мнение прежде».

По этому вопросу собирался выступить Ф. М. Достоевский. Интересны его пометки, сделанные в записных книжках. Приведу некоторые из них: «Настоящий суд над г. Пироговым был бы таков: «Что вы, Пирогов, добровольно перешли в партию обскурантов или только сделали уступку противникам?» Но обскурантизм в Пирогове невозможен, след., уступка... Довольно плохая и нехорошая, правда. Можно ли было без нее обойтись? Почти можно». И далее: «Он (Пирогов.—Ю. А.) ошибся, положим. Но действительность сшибает иногда и гениальных людей с ног... Пирогов нигде не соглашается с розгою как с принципом... Пирогов рассудил, что лучше сделать хоть что-нибудь, если не все».

Да, действительно, Пирогов не возводил розгу в принцип воспитания, хотя и не мыслил хорошей дисциплины без строгости и наказаний. Как и Спок, Пирогов ратовал за атмосферу любви, за доброе отношение к детям, за гуманизм... Но он был и не против твердости в обращении с детьми, ибо так считал не только он, но и многие его коллеги.

Противоречия Пирогова в какой-то мере напоминают противоречия, которые обнаружились во взглядах доктора Спока. Сам факт, что доктор Спок решительно отказался от высказанных им в своих последних статьях суждений, внес некоторую ясность в дискуссию и с еще большей силой подчеркнул сложные противоречия воспитательной практики современной Америки. Приведу ответы, которые дал Спок в своем интервью для журнала «Эуропео».

«Мне и в голову никогда не пришло бы утверждать,— обрушился доктор Спок на журналистку,— что родители должны подавлять волю своих детей. Точно так же, как мне не пришло бы в голову сказать: если твой сын вздумал повесить кошку на дереве, отнесись к этому спокойно, пусть вешает...»

Да, обскурантизм в докторе Споке невозможен. В больших социальных проблемах Спок не делает уступок.

«Видите ли, предшествующее поколение считало,— говорит он,— что только благодаря трепету перед отцовским или материнским авторитетом дети могут стать достойными гражданами... Я показал, что это чушь... И объяснил это, ссылаясь на собственный опыт. В детстве я боялся отца и мать. Да и не только в детстве, но и в юности. Боясь их, я боялся всего: учителей, полицейских, собак. Я рос ханжой, моралистом и снобом: против всего этого мне пришлось потом бороться всю жизнь.

Но сегодняшние дети! Сегодня в Америке ты уже не укажешь ребенку: «Сделай то-то и то-то», — если ты хочешь, чтобы тебя послушались, ты должен доказать разумность своего требования. Вы, наверное, заметили, с какой свободой молодежь критиковала университетские власти, когда поняла, каким суровым и принудительным порядком подчинена жизнь высших учебных заведений. Как они боролись за гражданские права, против войны во Вьетнаме! Знаете, я считаю, что война во Вьетнаме заставила молодежь крепко призадуматься. Она показала, какой раковой опухолью являются империализм, расизм, нищета, неравенство, загрязнение окружающей среды. И молодежь взбунтовалась и стала искать иные идеалы. Так вот: они, эти молодые американцы, и есть «дети» доктора Спока. Ребята, исполненные смелости и чувствующие себя вправе задавать себе и другим любые вопросы».

Трагизм доктора Спока состоит в том, что он пытается примирить непримиримое, стремится отстоять гуманистическую систему воспитания в милитаристском, алчном обществе, которое в силу своих противоречий если и допустит какую-то толику «спокизации», то непременно потом жестоко отыграется на детях, что-то изуродует в них, испоганит, уничтожит...

Так что же следует ставить на первое место — ласку или строгость? Ответим словами замечательного советского педагога В. А. Сухомлинского, который, полемизируя со своими противниками, писал: «Я не могу согласиться с тем, что ребенка надо любить с какой-то оглядкой, что в человечности, чуткости, ласковости, сердечности кроется какая-то опасность... Я уверен, что только гуманностью, лаской, добротой... можно воспитать настоящего человека...»

В лучших традициях советской педагогики, у истоков которой стоят Н. К. Крупская и А. С. Макаренко, была вера в светлое начало человека, было такое понимание доброты, которое никогда не исключало требовательности, целесообразной строгости и уважения к достоинству ребенка. Эти традиции мы развиваем в современной школе.

ЕЩЕ РАЗ О СТРОГОСТИ И ДОБРОТЕ

Я рассказываю Споку о дискуссии, которую вела «Литературная газета» на своих страницах. Дискуссия назы-

валась «Кого и как мы растим». Один из вопросов был таким: «Почему иной раз доброта оборачивается злом в воспитании детей?»

— Так не бывает,— резко замечает доктор Спок, будто на такой вопрос он отвечал неоднократно. И тут же встречный вопрос: — Приведите мне пример.

— Выходит, кашу маслом не испортишь,— ухожу я от ответа, поскольку разделяю позицию доктора.

Спок смеется и добавляет:

— В жизни очень мало нравственных аксиом, но одна из них такая: доброта никогда не приводит к злу.

— Тогда почему же в США, да и не только в США, вокруг этой проблемы «строгость — доброта» столько споров?

— В Америке действительно есть много ученых авторитарного направления, которые считают, что если к ребенку относиться строго и даже с жестокостью, то он вырастет вежливым и, главное, послушным человеком. А если к детям относиться по-доброму, то они вырастут избалованными, распушенными, ублюдками.

Я пытаюсь заметить, что авторитаристы, наверное, не так уж прямолинейны, что в их представлении строгость не является синонимом грубого насилия, окрика, ругательств, что здесь дело в чем-то посложнее. Спок просит меня не перебивать его (он любит изложить свою мысль до конца, исчерпывающе, и это он делает с методической аккуратностью и последовательностью). Снова он подчеркивает, что никогда не был сторонником вседозволенности, что существуют разные манеры воспитания, индивидуальные почерки.

И я так понял доктора Спока: можно предпочесть и строгое воспитание, основанное на непринужденности в обращении с ребенком. Если вы выбрали строгую манеру воспитания, то надо быть в этой манере последовательным. Умеренная строгость в смысле требования хороших манер, беспрекословного послушания (замечу, что эти же мысли он высказывал и в 50-е годы: никогда он не возводил в абсолют культ терпимости и избалованности), аккуратности, выполнения режима и т. д. вреда ребенку не причинит, если действия родителей основаны на доброте и если созданы условия для того, чтобы дети росли счастливыми и общительными. Такую строгость Спок исповедует как одно из важнейших звеньев своего педагогического и врачебного кредо. Но есть еще и иная, авторитарная строгость, когда родители грубы с ребенком,

когда постоянно недовольны им, подозрительны, не делают скидки на возраст и индивидуальные различия. В таких условиях ребенок вырастает малодушным, бесцветным или жестоким человеком.

Спок как бы вычленяет два вида строгости. Строгость, основанная на доброте, и строгость, основанная на раздражительности, нетерпимости, ожесточенности. Последняя и формирует жестокого человека, а иногда и озлобленного преступника.

Слежу за мыслью Спока, который напоминает мне: я же об этом подробно рассказал в своих книжках.

Молчу не потому, что я этих мыслей Спока не знал, а потому, что я убежден еще и в том, что все это не так просто, что за всеми этими, в общем-то, правильными рассуждениями доктора стоит нечто большее, чего Спок не касался в своих книжках. Почувствовал ли он эти мои ожидания — не знаю, но он понял отлично, что я жду от него какой-то особенной диалектики взаимоперехода и взаимосвязи различных манер воспитания, которую он и раскрыл в своей беседе. В общем-то, все выглядело так: строгость не исключает мягкости, а мягкость без строгости опасна.

При мягком обращении, как и при строгом, говорит Спок, можно воспитать послушного ребенка, если ваше воспитание основано на уважении к личности сына или дочери. Дело не в том, что родители предпочитают непринужденность в обращении и не настаивают на абсолютном послушании и аккуратности. Важнее другое — чтобы ребенок любил людей, и это поможет воспитать общительного и внимательного к другим людям человека... И снова оговорка, как бы возвращающая канву его мыслей на тот самый первый круг, на котором расположена строгость, основанная на доброте. Мягкость тогда даст положительный результат, если родители не побоятся проявить твердость в тех вопросах, которые они считают особо важными.

— При мягком воспитании можно получить, значит, и скверный результат?

— Разумеется,— утверждает Спок, снова недовольный тем, что я вклинился в его слаженные построения.— И это случается тогда, когда родители не ожидают от ребенка понимания своих потребностей, когда бездумно подчиняются ребенку, когда ущемляют себя в своих человеческих и родительских правах. Когда у слишком мягких родителей вырастают назойливые, избалованные

дети, то это вовсе не потому, что эти родители мало требовали от своих детей, хотя и это не исключается, а потому, что они стеснялись или боялись настаивать на своих требованиях, или потому, что бессознательно поощряли детский деспотизм.

Спок говорит о чрезмерной мягкости родителей как о вредном явлении в американском семейном воспитании, как о самой острой проблеме, возникшей потому, что нынешнее поколение родителей не желает поступать по отношению к детям как к людям второго сорта, ругать и лишать их всего. Многие родители (я так понял Спока) отвернулись от строгих традиций предыдущего поколения, а усвоенные ими по новым теориям (психологическим и социально-психологическим) новые установки, рассчитанные на воспитание добротой, не подкреплены ясным пониманием твердого педагогического руководства, которое непременно должно исключить какую бы то ни было распушенность и вседозволенность. Таким образом, родители оказались как бы на полпути.

Одним из методов воспитания Спок назвал метод терпения, который вовсе не означает вседозволенность, а скорее родительское умение ждать. Нельзя действовать по принципу угорелой кошки. Если ребенок не откликается на поощрение, то наказание только ухудшит дело, поэтому надо подождать, избегая раздражения и отчаяния, позволить ребенку проявить свою независимость и самостоятельность и, выбрав удобный момент, вернуться к своим требованиям. Всеобщей основой воспитания Спок, как и Сухомлинский, считает потребность в другом человеке, потребность любить детей. Не заставлять, а научить ребенка быть добрым — в этом главная направленность воспитательных действий родителя. Если ребенок не сумеет полюбить людей, то невозможно будет даже научить его поверхностным манерам.

— Но что значит научить любить людей? Каких людей? Как это возможно в обществе, построенном на несправедливости? Где тот предел истинной доброты, который смыкается с подлинной гражданственностью?

Я явно лезу на рожон со своими вопросами. Нет, я не вступаю со Споком в политический спор. Свою позицию Бенджамин Спок сформулировал достаточно ясно. Менястораживает, и не то чтостораживает, а будто оставляет в тени, где-то в неясной глубине, то самое главное, что является сутью человеческой доброты.

Я вижу Спока как бы в двух измерениях. Спок, у кото-

рого все правильно, мудро, величественно: богат, добр, добился в жизни самого главного — говорить вслух, без оглядки все, о чем думает, не скрывая своих убеждений. И дело не только в его олимпийских и политических победах, в том, что его признала общественность мира, он еще и по-человечески счастлив: вот моя молодая жена, вот мои талантливые сыновья, мои внуки, мои увлечения, мои прекрасные яхты. И для такого Спока нет особенных проблем в доброте. Здесь доброта ограничивается методическим советом, здесь ее общечеловеческий смысл зауживается до элементарной общечеловеческой нормы действия, обязательных микроначал, которые свойственны роду людскому. Действительно, если больной просит воды, ему принесет каждый — и в этом не будет доброты, не будет нравственного содержания. Ибо здесь нет выбора, нет противоречия между личным творческим «я» и моральной нормой.

Но есть еще другой Спок. Спок, выступивший против всей системы. Спок, чье политическое лицо дорого всем простым людям. Спок, защищающий детство от эксплуатации, несправедливости, лжи, лицемерия. Спок, отважившийся выступить против веками складывающейся иерархии насилия, унижения, деспотизма. Спок, решившийся пойти за свои убеждения на тяжкие испытания. Это Спок страдающий, Спок, избежавший волей случайностей суровой кары в несправедливом обществе.

И для такого Спока доброта становится проблемой, непосредственно связанной с коренными вопросами жизни общества. Здесь начинаются искания. Снова замечу: где дело касалось забот детского врача, где Спок был специалистом, там он давал исчерпывающие ответы. А там, где сложная противоречивость вышла за пределы его компетенции, где необходим серьезный и глубокий философский, этико-психологический анализ, там Спок оказался несколько беспомощным. Мне хотелось бы, воспользовавшись некоторой аналогией, обозначить связь между гражданскими убеждениями педагога и его методикой общения с детьми.

Ушинский. Поразительное сходство у всех больших педагогов. Даже во взглядах на доброту, строгость, мягкость. И связь между макроустановками и микроприемами аналогичная. Ушинский в своей семье был, как и Спок, добрым и строгим по отношению к детям. И его нежная любовь не исключала суровой требовательности. Вот как об этом пишет его дочь В. К. Ушинская (Пото)

в своих воспоминаниях об отце: «И в обхождении с нами далеко не было любовности к нам от родителей или любования нами, ласки без конца... Но наоборот, чувствовалась при внимательном отношении к нам какая-то сдержанность. Ласка была редкостью, но редкость, кажется, особенно чувствовалась и потом долго не забывалась. Может быть, отец и чаще ласкал бы нас, но нас было много, и, может, боязнь обидеть при этом, обойдя кого-либо из нас, была отчасти причиной, а чувство справедливости ко всем нам было особенной его чертой... Другой стороной его отношения к нам, детям, было строгое преследование исполнения нами своих маленьких детских дел. Это сказалось как в уроках и занятиях с нами, так и в требовании от нас той детской помощи, которую мы, особенно старшие, могли оказать в семейной обстановке... Он и потом редко допускал нас высказывать безапелляционные мнения и критиковать с видом знатоков то, что было выше наших суждений».

Итак, три добродетели: любовь к детям, основанная на справедливости, труд как форма саморазвития и помощи другим и интеллект как постоянная разумная осмысленность поступка, основанная на глубине познанной культуры. И эти три добродетели неразрывно связаны со всем мировоззрением Ушинского, его политическим и философским кредо, с его могучей идеей народности и верой в человеческий прогресс. Я невольно сравниваю некоторые позиции Ушинского и Спока в таком важнейшем вопросе, как отношение к милитаризму. В одном из писем к Н. А. Корфу¹ Ушинский писал: «Чему мы должны учить теперь детей? — раздувать их народные страсти и народное самолюбие, вливать в них ненависть к чужеземцам, приучать стрелять и резать. Вот какие школы мы должны устраивать — и это неизбежно, необходимо. Вот куда повернули людей Наполеоны, Бисмарки и Вильгельмы — да поразит их кара небесная!»

Соответственным было и отношение к Ушинскому со стороны властей, официоза. Его книги, как и книги Спока, признаются вредными, находят, что они дурно влияют на молодежь, развращают. Об этом писал Ушинский в одном из частных писем к его превосходительству товарищу министра просвещения И. Д. Делянову: «...название в р е д н ы х к н и г кладет самую оскорбительную печать на всю мою педагогическую деятельность. За что

¹ Корф Николай Александрович (1834—1883) — русский педагог и методист, деятель в области народного образования.

же это? Неужели за то, что я всегда шел прямой дорогой?»

Нет, разумеется, Ушинского (как и Спока) преследовали не за то, что он исповедовал «методическую доброту» (больше ласки и меньше строгости), а за его дух, за его настроенность, которая выразилась в верности декабристским идеям, клятве, сформулированной им в юношеские годы рылеевскими словами: «Известно мне: гибель ждет того, кто первый восстает на угнетателей народа», за его сотрудничество с «Современником», за его солидарность с освободительным движением шестидесятников, за его пламенную любовь к народу.

Три «методические добродетели», так сказать, на микроуровне сомкнулись со своим основанием на макроустановках: любовь к народу, труд, избавляющий каждого от эксплуатации, справедливое просвещенное устройство общества. Нет, не так уж все просто с этой самой добротой. Не случайно проблема доброты в философии и педагогике на протяжении веков волнует человеческие умы.

Понятие доброты неизбежно превращается в схоластику, если отрывается от сегодняшних забот трудового человека, от той несправедливости, которая царит в мире капитала.

И когда я увидел, что Спок это хорошо понимает, он вырос в моих глазах.

РАНГ УЧИТЕЛЬСКИЙ, РАНГ ПРОРОЧЕСКИЙ

Хотел того Бенджамин Спок или нет, а его книги облетели весь мир в сравнительно короткий срок и завладели умами и сердцами миллионов людей. Подавляющее большинство этих миллионов — женщины, воспитывающие своих детей. И поскольку опыт педагогический в своих основных позициях через новые поколения имеет тенденцию к повторению, то мы фактически имеем дело с миллиардами людей. И если еще учесть, согласившись со Споком, да и не только с ним, а со многими учеными мира, что личность, в том числе и будущего мужчины, складывается в первые три года, когда получают развитие или затормаживаются наследственные данные, можно вывести прямую зависимость между материнским воспитанием и структурой общества, его ценностями и способами их утверждения.

Две глобальные мировые идеи смыкаются во всей

деятельности Спока, во всем его облике, в каждом движении, в каждом утверждении. Это идея судьбы ребенка, его счастья, его самочувствия. И вторая — это идея человечества, идея спасения жизни. Потому Спок и представляется, выделяя две свои главные должности на этой земле: «Я буду исходить из своего опыта детского врача, а также противника войны во Вьетнаме». Именно такими словами начал он свое выступление на пленарном заседании международного фестиваля в Артеке. И Спок развивает эти главные свои, глобальные идеи таким образом.

— Школы могут быть могучим средством в воспитании понимания и любви ко всем народам и расам. Школы должны воспитывать отвращение к войне и всем формам насилия. Этим аспектом обычно пренебрегают в Соединенных Штатах частично потому, что у нас не было сражений (или бомбежек) на нашей территории уже больше двухсот лет, в противном случае ужас войны был бы свеж в памяти народа. Другая причина заключается в том, что в США приняты другие виды насилия со времен еще первых поселенцев: насилие против коренного населения Америки — индейцев, а также негров. А в более поздние годы — насыщенные насилием телевизионные программы и кинофильмы, которые изготавливаются по заказу промышленных кругов, заинтересованных в сбыте своих товаров. Исследования четко показывают, что насилие на экране стимулирует в некоторых зрителях стремление совершить реальное насилие, а также понижает всеобщий моральный уровень. Американские промышленные круги поощряли появление определенных тенденций — например, грубого индивидуализма, жесткой конкуренции в ущерб гуманным ценностям. Это в значительной степени привело к высокому уровню преступности и той легкости, с которой руководители нашей страны втягивают ее в войны и другие, не менее трагические формы вмешательства...

Мне кажется, что Спок и стал большим педагогом в том числе и потому, что его частная педагогическая и медицинская деятельность сомкнулась с масштабами мировых проблем. Ведь педагогика, как мы уже отметили, неотделима от политики. А вопрос, для чего и как мы растим детей, неизбежно выводит и на проблемы государственного устройства, и на проблемы взаимоотношений между народами. Но как специфическая область деятельности педагогика имеет дело с предельной конкретностью

человеческого бытия: возрастные границы, учение, игра, рост, становление характера маленького человека. Здесь крайне важно восприятие детской целостности. Целостности как гармонии, которая выступает, больше чем где-либо, как единство различного, где различное обнаруживает себя в детской образности, в детском характере, в детской яркости, в детской самобытности, в детской неиссякаемой энергии.

Книги Спока стали педагогическими бестселлерами, потому что Спок, даже когда говорит об отношении ребенка к еде, сну, одежде, даже когда говорит об особенностях питания, о жирах, крахмале, сахаре, не утрачивает специфики понимания детскости. Это не просто доступность изложения, это и та целостность видения, которая через конкретность образа передает необходимый характер отношения к растущему человеку, где всегда присутствуют доброта, смех, игра, поощрение.

У литературы, как и у педагогики, предмет один — человек, его мир, его противоречия, его радости и тревоги. Кроме того, педагогика нынешняя, как наша, так и зарубежная, допускает порой одну и ту же ошибку: не использует в качестве метода анализа детской жизни художественное обобщение, в котором целостно, нерасчлененно передается типичность тех или иных состояний детства. Грустно, что слово «эмпирическое» в значении педагогической конкретности стало чуть ли не ругательным, а проблема влияния личности воспитателя на душу ребенка считается некой второстепенной прибавкой на том основании, что наука будто бы исследует не личностные влияния, а «работу голых методов, средств» и прочее. Это пренебрежение к подлинно человековедческим проблемам воспитательного процесса лишает педагогику полноты жизни, яркости и образности передачи подлинных процессов, которые совершаются в общении взрослых и детей. И объясняется это двумя причинами. Первая — невежество, нежелание и неумение разобраться в природе детства. И вторая — увлеченность схемами, неизбежно превращающаяся в наукообразие и схоластику.

В педагогике органично соединено масштабное и то малое, которое составляет суть жизни человека. И близкое — то, что непосредственно формирует. И далекое — то, что является гарантией тех или иных условий жизни: политических, экономических, трудовых, эстетических. И эта масштабность непременно проходит через тончайшие капилляры «малого», через зауженность близкого,

через психологические механизмы развития личности.

Подростковый максимализм не вообще характерная черта детей старшего возраста, а скорее рубеж процесса взросления человека. Ребенок, оказавшись на этом рубеже, ведет себя по-разному, и педагогу необходимо угадывать появление этих опасных состояний. Конечно, эти состояния в разных социальных условиях проявляются специфично и могут приводить либо к полнейшему краху личности, либо к нравственно-эмоционально-эстетическому подъему всех сил растущего человека. Как бы то ни было, а психологическая закономерность эта подмечена и психологами, и педагогами, и литераторами. Таким образом, обращаясь к литературным героям, педагог оказывается более вооруженным и психологически и эмоционально.

Я давно обратил внимание, что воспитатель нередко правильно воспринимает литературного мальчонку, проникается его заботами, тревогами, радостями. Но видя такого же ребенка в жизни, относится к нему по-иному. Кто из преподавателей литературы не сочувствовал, скажем, дубовскому беглецу, у которого и двойки, и конфликты в семье, и бродяжничество? И сколько в жизни таких ребят стояло в учительских и как те же педагоги-словесники отчитывали детей, не верили их искренним доводам, ибо один вид не внушал доверия, пугал, отталкивал: пуговицы оборваны, брюки в грязи, ссадины на руках... И весь он, этот мальчуган, полон злобы, нетерпения — ах, как это все раздражает порой педагогическое «я». Я не помню класса и школы, где бы не было такого максималистски настроенного мальчишки. Точнее, там, где их не было, жизнь детского коллектива превращалась в тошнотворную скуку, а дисциплина вырождалась в отвратительное смиренное послушание, когда любая несправедливость принималась как должное, замалчивалась, утопала в безразличии.

Я недавно встретился со своим воспитанником Леней Сомовым. Как его несло в свое время на вершины максималистских рубежей, как он стал обвинять ребят, педагогов, родителей — все не по правилам, все нечестно. И девчонки такие хитрые бестии, и товарищи такие ничтожества, и педагоги — им палец в рот не клади: обманут.

В эти мгновения бушующего подросткового отрицания будто взрывается вся энергия человека, накал страстности появляется такой, что готов уничтожить и других и себя.

Как снять это состояние? Как помочь? Как прийти на помощь ребенку? Загонять энергию внутрь — все равно что пытаться приостановить пулю из выстрелившего ружья! И эта же энергия, только что казавшаяся губительной и разрушительной, вдруг, если ее направить вовремя, становится созидательной силой, тем единственным скрепляющим материалом, без которого не может быть становления ни коллектива, ни личности.

Я бы таких ребят, как Леня Сомов, вспомнил десятки, — это они были стражами справедливости, они добивались хороших результатов в учении, спорте, в организации детской жизни. Благодаря их энергии, вспышкам их подросткового максимализма жизнь превращалась в ликование, в систему нежных прикосновений, снимающих любую боль.

Нет, я совсем не хотел обидеть Бенджамина Спока, когда стал говорить, точнее, подчеркивать то, что природа доброты определяется и классовой структурой общества, и характером распределения благ. Вообще я старался как бы наводящими вопросами говорить в унисон с человеком, который открыто выступает против той системы, в которой живет.

— Я не знаю, как вы себе представляете капиталистов? — несколько с раздражением спросил Спок. — Я тоже принадлежу в какой-то мере к этому миру. Когда говорят о жестокости капиталистов, допускают некоторые искажения. В личной жизни капиталисты не жестоки. Они любят своих детей, семью. Дают детям уроки музыки, помогают лечить зубы. Глава династии Дюпонов был большим другом матери моей первой жены. И он постоянно искренне говорил о любви к своему шоферу. Но в то же время вел яростную борьбу с профсоюзами, которые боролись за улучшение положения рабочих «Дженерал моторс». Эти люди относились к рабочим как к пиявкам. И это представление о рабочих как о пиявках сложилось потому, что они очень далеки от них. Многие социологические исследования подтверждают то, что у людей легко вырабатывается чувство страха по отношению к тем, кого они плохо знают.

Мне трудно определить, что Спок имел в виду, когда заметил, что это очень хорошо, что Артек пригласил к себе в гости и его, Спока, и многих других. Но его заключительная фраза: «Мы такие же, как они, как все» — прозвучала для меня так: «Многие капиталисты не есть наши враги».

И Спок пояснил:

— Если бы приехали несколько миллионов американцев в Советский Союз, не стал бы развиваться в США такой предрассудок, как антисоветизм. А что касается капиталистов, то их ценят по той прибыли, которой они добиваются. И эта погоня за прибылью заслоняет им возможность видеть народ, улучшать его жизнь, медицинское обслуживание, образование.

Сила Спока в оригинальности его противоречий. Он всем ходом своих суждений утверждает коллективизм как главное звено в воспитании (я ниже поясню, почему, вопреки Споку, я сделал такой вывод). И он выступает против коллективизма по исключительно политическим соображениям. Он за развитие личности всестороннее и гармоническое. И отлично понимает, что оно невозможно в обществе неравенства. Спок ратует за процветание сознательности и ориентируется на фрейдовское подсознание. Он ратует за воспитание уважения к учителям и родителям, и он же призывает, когда это необходимо, сопротивляться установкам учителей и родителей. Он борется за самостоятельность детей, за полную самостоятельность. И он апеллирует к твердому руководству, без которого не может быть воспитания.

ВОСПИТАНИЕ И ПРАВСТВЕННЫЙ ДЕСПОТИЗМ

Спок — прагматик. Но его прагматизм, основанный на здравом смысле и на человеческой мудрости трудовой Америки, разумен. И поскольку вся антиавторитарная направленность Спока связана с отрицанием и существующей системы эксплуатации, и политической лжи, и экономической структуры американского общества, то общая гуманистическая позиция четко просматривается в любом, казалось бы, прагматическом объяснении метода или приема.

Спок — ниспровергатель тех «ценностей», которые против человека. Поэтому его гуманизм действен. Гуманизм — его идеал, его вероисповедание. Конечно же, я не все узнал о Споке, но, зная общую направленность прогрессивной, гуманистической педагогики Запада, склонен был сделать вывод, что у нас есть и должны быть точки соприкосновения, особенно в трактовке частных приемов воспитания. Я заговорил со Споком о Сухомлинском, о его идеях. Спок заметно оживился.

Я не берусь сравнивать идеи Сухомлинского и Спока, это во многом разные педагоги. У них разные характеры, разное поле деятельности. Один — директор школы, другой — детский врач. Но у них много общего, поскольку и Сухомлинский и Спок вобрали в себя те прогрессивные ценности, которые всегда были дороги человечеству в борьбе против различных форм дегуманизации воспитания. Общее у них в том, что оба создали *добрые* педагогики. И конечно, сам факт, что в Соединенных Штатах Америки оказался такой прогрессивный мыслитель, как Спок, примечателен еще и тем, что политические взгляды Спока как бы перекрещиваются с его педагогическими установками. Он любит нашу страну, наших детей, наши принципы воспитания. Он постоянно подчеркивал, что сожалеет о том, что в Артек — для него это маленький социалистический лагерь — приехали не 32 миллиона американских школьников, а всего лишь 32 подростка. Спока невозможно было оторвать от детей: он всматривался в их лица, играл с ними, спрашивал, отвечал на вопросы, трогал руками. Он органично вписался в это удивительное королевство детской радости. Его мажорная педагогическая линия как бы нашла для себя благодатную почву в среде общительных, доверчивых и открытых ребят из нашей страны и социалистических стран, стран Африки и Азии. И, как и следовало ожидать, его тянуло к вьетнамским детям: высокое интернациональное чувство Бенджамина Спока сливалось с его добрым пониманием детства. Я невольно для себя сравниваю педагогические интонации Спока и Сухомлинского. Мне особенно дорога грустная глубинно-нравственная позиция последнего (научить ребенка видеть в чужих глазах не только радость, но и горе, одиночество, безысходность, научить ребенка любить детей, маму, папу, дедушку, бабушку, свой родной дом, свою родную землю), его ориентация на воспитание таких качеств, как сочувствие, сострадание, соучастие, сотрудничество, его постоянные апелляции к человеческой совести, к индивидуальным ее границам, к бескомпромиссности нравственных норм.

— Как? Научить любить? Разве это возможно? — спрашивает меня Спок.

— А разве нельзя научить?

— Конечно, нельзя научить, потому что ребенок сам, через свой опыт, должен приобрести эти свойства.

— Правильно. Известную марксистскую формулу можно было бы выразить так: «Человек является твор-

цом и своего собственного воспитания, и самого себя».

— Это марксистская формула? — спрашивает Спок: ему очень пришлось по душе это положение.

— Педагогическая авторитарность как раз и начинается там, где на этом отправном принципе ставится крест. Все реакционеры всех времен и народов были сторонниками авторитарного воспитания. Что думает по этому поводу мистер Спок?

— Похоже, что так.

И Спок рассказывает, как он прочел однажды своему противнику слова о том, что нельзя судить о воспитанности по тому, как ребенок ест или сидит за столом, на что этот сторонник жесткого воспитания подметил: «Вот с этого как раз и начинается распушенность и безнравственность». Спок смеется и продолжает:

— Тогда я сказал, что эти слова принадлежат Сократу. Но для него Сократ не авторитет.

Мне очень хотелось поделиться со Споком тем, что психологические корни авторитарности таятся в чрезмерном честолюбии взрослых, в абсолютизации своей власти, в непонимании прекрасной природы детства. Но Спок будто почувствовал мое намерение, сам заговорил примерно об этом.

— Эти люди (имеются в виду авторитаристы. — Ю. А.) сами в чем-то неполноценны. Они видят в каждом ребенке потенциального преступника, потому что сами являются сформировавшимися преступниками. Они подсознательно завидуют молодежи. И этот мотив зависти приводит их к агрессивным выступлениям против любых честных действий молодого поколения.

Меня поразила мысль о зависти авторитаристов к молодому поколению. Это интересное, хотя совсем не новое объяснение причин и источников авторитарности. Аналогичную мысль высказывал и Лев Толстой, подвергая критике существующие в царской России методы воздействия на детей.

«Воспитание есть возведенное в принцип стремление к нравственному деспотизму, — писал он, — воспитание есть — я не скажу — выражение дурной стороны человеческой природы, но явление, доказывающее неразвитость человеческой мысли и потому не могущее быть положенным основанием разумной человеческой деятельности — науки.

Воспитание есть стремление одного человека сделать другого таким же, каков он сам (стремление бедного

отнять богатство у богатого, чувство зависти старого при взгляде на свежую и сильную молодость,— чувство зависти, возведенное в принцип и теорию). Я убежден, что воспитатель только потому может с таким жаром заниматься воспитанием ребенка, что в основе этого стремления лежит зависть к чистоте ребенка и желание сделать его похожим на себя, то есть больше испорченным».

Стремясь как-то подытожить беседу, я задал Споку вопрос в несколько развернутой форме:

— Гуманистическое воспитание противоречит капиталистической системе. Реакционеры всех видов — фашисты и неофашисты, милитаристы и эксплуататоры — заинтересованы в воспитании частичного человека, функционера, всесторонним образом приспособленного к системе. Это, в общем-то, вы показали довольно обстоятельно. Но есть еще и другая сторона — психолого-педагогическая. Как воспитывать сильную личность, практического, целеустремленного человека, способного противостоять злу, обеспечить свою семью и воспитание детей? Как преодолеть авторитарность в поведении воспитателя?

Я узнаю о том, что Бенджамин Спок интересуется проблемами преодоления авторитарности не только в семейном воспитании, но и в условиях школы и, если можно так сказать, во внешкольной работе. Его старший сын Джон — директор уникального детского музея игр в Бостоне.

— Это такой замечательный музей, где на детей никто не кричит, где ребятишки могут все трогать руками, скажем, залезть в вигвам и смолоть муку из кукурузы, как это делали аборигены,— поясняет Спок.— Вот этот антиавторитарный принцип должен пронизывать все воспитание и в школе и вне ее.

И мы начинаем говорить о некоторых нюансах преодоления авторитарности, не все же объясняется структурой общества, есть еще и общие психологические правила, основанные на законах развития детства.

Порой действия педагога-авторитариста, замечаю я, внешне нелегко отличить от подлинного мастера, гуманного в своих целях, результатах, способах их достижения. Эта трудность кроется не только в изощренности почерка авторитариста и даже не в блистательной манере исполнения педагогических приемов. Трудно распознать авторитарную технологию еще и потому, что авторитарист-виртуоз все усилия направляет не на демонстрацию своей

силы, а на то, чтобы скрыть ее. Там, где подлинное мастерство мучительно ищет ответа на вопрос, какое действие лучше применять, чтобы поднять человека, авторитарист решает просто и быстро. Ведь куда легче разрушить, смять, принизить. Для педагога-авторитариста система отношений подобна тонкой и прочной сети, которую даже не он, а сами дети набрасывают на себя. Он руководит этим процессом самозапутывания. Если подлинный мастер все время думает над тем, чтобы система отношений способствовала развитию задатков и способностей ребят, творческих созидательных сил в детском коллективе, утверждению высших форм в нем, то педагог-авторитарист до предела сужает сферу самостоятельной деятельности, поощряя лишь ту, которая способствует утверждению авторитаризма, бессловесному послушанию, разобщению в среде детей.

Если активность и самостоятельность ребят развиваются с авторитарных позиций, то это «развитие» очень скоро приведет к тому, что они или откажутся от общественной активности, утратят веру в высшие ценности — в солидарность, подлинный коллективизм, в коммунистические идеалы, — или будут использовать эту активность в самых низменных целях. Авторитаризм — смертельный враг детской самостоятельности.

Преодоление авторитарности — одно из главных условий научного, подлинно авторитетного педагогического руководства. И здесь главное — высокая культура педагога, его способность выработать в себе четкое, не допускающее никаких отклонений, примесей, опошлений, искажений научное педагогическое мировоззрение и, в частности, позицию в подходе к детской самостоятельности и своей роли как педагога в этом процессе. Суть этой позиции в том, чтобы всегда уметь различать передовые идейные и нравственные силы, питать их, делать все для их утверждения и развития (и эти силы всегда есть в детском коллективе, в педагогическом коллективе, в нас самих, в окружающей школу социальной среде). В том, чтобы неустанно обогащать самыми прогрессивными социальными элементами содержание жизни детей, находить, стимулировать самые высокие формы отношений. Таким образом, заключаю я, единственный способ преодоления авторитарных элементов — это широкое развитие демократических начал, воспитание гражданственности и человечности. Только при таких условиях может вырасти хороший семьянин и хороший гражданин.

Бенджамин Спок соглашается с моими доводами и приводит пример в пользу гуманистического воспитания:

— Я служил во время войны в морском флоте в качестве доктора-психиатра. Наши главные усилия были направлены не на избавление людей от страха, а на выявление людей, подходящих к службе в этом трудном роде войск. Два года у нас ушло на то, что мы выявляли мелких преступников, которые всегда были и плохими солдатами. У них не было ответственности ни перед флотом, ни перед родиной. Хорошими солдатами оказывались те, кто были и хорошими гражданами, семьянинами, добрыми людьми, которые приобрели ранее опыт уважения и к своим учителям, и к своим родителям.

Сильная личность, по Споку,— это те парни, которые и сейчас выступают против войны, которые и сейчас борются против дискриминации цветного населения, против любой социальной несправедливости.

Конечно, эта борьба сложна, поскольку молодежи надо выступать и против своих близких, родных, знакомых: очень многие родители были возмущены своими детьми, отказавшимися служить в армии, чем испортили себе карьеру.

— Какой же вывод? — спрашиваю я.

— Менять надо всю систему,— отвечает Бенджамин Спок.

— Конечно же кроме социальных проблем есть еще и проблемы сугубо психолого-педагогические,— говорю я.— Как воспитать счастливого человека — один из труднейших вопросов.

— Несомненно,— отвечает Спок, и мы долго обсуждаем с ним, насколько индивидуальны представления людей о счастье, насколько эти представления зависят от традиций и культуры того общества и того окружения, в котором сформирован воспитатель, в котором живет и воспитывается современный ребенок.

Глава 2

КАК ФОРМИРУЕТСЯ ЛИЧНОСТЬ

(ОСНОВЫ
КОЛЛЕКТИВИСТСКОГО
ВОСПИТАНИЯ)

СЧАСТЬЕ ВАШЕГО РЕБЕНКА

Когда мы говорим о счастье своих детей, то неизбежно опираемся на традиции и представления, которые живут в нас, взрослых. Они, естественно, определяют собственные взгляды на счастье каждого из нас. Отсюда и разница в средствах и методах.

Одни, чтобы сделать ребенка счастливым, заботятся о его всестороннем развитии, тратят время и силы на поиски лучших учителей, чтобы занять сына или дочь музыкой, фигурным катанием, научить иностранному языку, увлечь искусством, приохотить к книгам... В одной семье рос мальчик,— им можно было залюбоваться: вежлив, эрудирован, спортивен. А в девятом классе он неожиданно стал резким, нервным. Родители на цыпочках перед ним ходили, думали — пройдет, объясняли: возрастное. А через полтора года юноша глубоко обидел отца и мать. Значит, развитие его оказалось все-таки дисгармоничным.

Другие, чтобы сделать ребенка счастливым, пекутся о его самочувствии. Установки этих родителей: пусть играет, сколько хочет, развивается согласно своим наклонностям, поступает, как ему вздумается. И в первые годы такой стиль воспитания необъяснимо притягателен: ребенок свободен, раскован, остер на слово, предприимчив. А через какое-то время вседозволенность порождает своеобразие. Самостоятельность, не озаренная светом разумности, не подкрепленная потребностью совершать добрые поступки, выводит подростка на опасную грань потребительства. В нем разжигается страсть достижения любых целей любыми средствами. Без труда, без усилий, без напряжения. «Хочу» и «дай» — формулы его бытия.

Предвижу вопрос: так что же, и так плохо, и эдак нехорошо? Выходит, всестороннее развитие противоречит

гармоничному воспитанию? Отнюдь. Но гармоничное воспитание должно вестись гармоничными же средствами.

Основа основ этих средств — бережный подход к растущему человеку, то есть умение взрослых «переключаться» на трепетность детского мировосприятия, приближаться к подлинности детской души. Что это значит? Заметьте, стоит вам только сказать малышу: «Вот видишь, ты ударил куклу, а она и заплакала», как ребенок сразу же «видит» слезинки у резинового человечка, «слышит» всхлипывания игрушечного товарища. Такого рода восприятие — закон детской жизни.

Вот эту-то особенность ни в коем случае нельзя обходить: делая замечания ребенку, предъявляя к нему требования, надо самому четко сознавать, к кому их предъявляешь.

Соблюсти меру в воспитании практичности и чувствительности, способности переносить трудности и душевной щедрости, силы воли и доброго отношения к людям — без всего этого не сформировать коллективиста-творца, доброго человека и настоящего гражданина.

Конечно, вопросы сложные. Как подойти к ним? С чего начинать? С заботы о здоровье или занятий искусством, с учения или самообслуживания? Но с чего бы вы ни начали, важно, чтобы трудовое усилие соединялось с нравственными началами, чтобы любое занятие ребенка вело к формированию гражданственности и человечности.

Нередко родители говорят:

— Не слишком ли сложны эти требования для каждой мамы и каждого папы? Так воспитывать детей могут, вероятно, только особо одаренные профессионалы-педагоги?

Все родители обладают педагогической интуицией.

**Великое счастье — дать простор
этому человеческому дарованию**

Талант великой радости воспитания, приобщения к возвышенным минутам человеческого счастья в самом будничном труде скрыт в каждом. И развернуться может мгновенно — стоит только захотеть, задуматься. Попробуйте-ка проанализировать действия сверстника наших детей и их любимца Тома Сойера. В самую черную минуту отчаяния на него снизошло вдохновение! Вспомните, когда все его друзья шли купаться, а ему надо было красить бесконечно длинный и унылый забор, какая блестящая педагогическая идея пришла ему в голову!

— Что, брат, заставили работать? — насмешливо посочувствовал Тому его приятель Бен. Но Том подчеркнуто демонстрировал свое полнейшее безразличие ко всем мирским утехам и необыкновенную, упоенную страсть к порученному делу. Как художник, он водил кистью, отступал назад и любовался творением своих рук. И когда Бен, сначала пораженный, а затем томимый желанием приобщиться к искусству новоявленного мастера, стал кланяться, Том снизошел: как бы нехотя уступил Бену кисть и ведро с белилами в обмен на сочное яблоко.

Юный герой Марка Твена конечно же хитрил. Но ведь в его поступке просматривается, как сказал бы современный социолог, неосознанная, неоформленная догадка: чтобы приобщить к неинтересному, казалось бы, безрадостному труду, надо показать наслаждение, какое может доставить этот труд. Наслаждение куда более заманчивое, чем простое пользование такими дарами жизни, как яблоко, солнце, река.

Детство — особое психическое состояние. Оно — синоним творчества и энергии. Если вы хотите, чтобы сын или дочь немедленно пошли за вами, перестройтесь таким образом, чтобы состояние самых лучших минут вашего собственного детства вспыхнуло вдруг и озарило вас и детей. Если вам удалось пробудить первые признаки неодолимой полезной детской потребности, думайте над тем, как поддержать радостное стремление ребенка работать — самое ценное из человеческих стремлений.

Заметьте, Том Сойер не дремал, когда сидел на бочке, грызя яблоко и наблюдая за тем, как усердствует Бен. Его мысль неустанно работала: он расставлял сети для новых добровольцев. Мальчишки подходили то и дело, начинали с насмешек и — оставались белить забор. Работа превратилась для них в увлекательное занятие.

Воспитание неизбежно перестает быть действенным, если лишает удовольствия как наставников, так и питомцев. Мало того, общение с детьми должно быть радостным, даже веселым. И, разумеется, не сопровождаться затаенно-ироническими оттенками — дети их улавливают и распознают.

Большой знаток людской психологии, Ф. М. Достоевский устами Алеши Карамазова сказал: «Знай же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоми-

вание, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома... какое-нибудь этакое прекрасное, святое воспоминание, сохраненное с детства, может, самое лучшее воспоминание и есть. Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь».

Счастье — нравственная обязанность человека

Заботясь о счастье ребенка, надо поставить перед собой в качестве не последней цели, чтобы таких счастливых минут в детстве было как можно больше.

Все это не так просто. Практическая «философия жизни» порой опрокидывает теорию, оказывается сильнее научных доводов, опыта человеческой культуры. «Нам в детстве жилось нелегко,— рассуждают некоторые родители,— пусть наши дети не знают перенесенных нами трудностей. Пусть они растут счастливыми». Смысл этих суждений прост: хорошо кормить, хорошо одевать. Ни в чем не отказывать. И такая установка на счастье нередко оборачивается бедой и для взрослых и для детей.

Наука о воспитании — это наука о том, как сделать человека счастливым.

— Научить? — слышу я голос своего оппонента.— Научить быть счастливым? Это вздор.

— Но почему же? — готов вступить я в спор.— Если счастье — это переживание полноты жизни, постоянный подъем творческой энергии, связанный с раскрытием духовных и физических сил ребенка, то гармоничное воспитание гармоничными средствами может и должно научить человека, как стать счастливым.

— Значит, вы ограничиваете счастье только эмоциональной стороной? Разве счастье не является нравственной категорией?

— Оно имеет отношение к нравственности. Ведь жизненный подъем детской энергии является генератором творческой среды.

— Как это понимать?

— Когда детские глаза светятся умом, любовью, щедростью. Не случайно Макаренко называл счастье высшей нравственной обязанностью человека, подчеркивал, что оно разрешается на стыке двух величин: личности и коллектива.

— Значит, счастье — это и обязанность?

— Давайте подойдем с другой стороны. Если ребенок

выполняет наши требования со слезами на глазах, то, согласитесь, такое повиновение ведет к деформации личности. Противоположностью счастья является горе, опустошенность, когда жизнь проходит без радостных всплесков души, когда неспособность к достижению целей, самоутверждению оборачивается незащищенностью, заниженностью притязаний, страхом раскрыть себя, скованностью. Вы считаете все это нормой, а счастье — отклонением?

— Я так совсем не считаю. Просто жизнь состоит из ряда обязанностей, которые человек должен выполнять независимо от своих душевных всплесков, от того, интересно ему это или нет.

— Но мы же говорим о воспитании, задача которого сделать все неинтересное интересным, увлекательным. Только охотное выполнение долга формирует подлинность убеждений, закаляет детский организм, скрепляет жизненными силами все стороны детской души, делает ребенка целенаправленным и энергоспособным.

— Разве не трудности закаляют человека? Больше того, необходимо, наверное, воспитывать способность переносить страдания?

— А почему трудности должны делать ребенка несчастным? Какие трудности? Умственные и физические занятия? Потеря друга? Обиды и оскорбления?

— Хотя бы эти...

— Настоящее воспитание ставит своей целью научить достойному преодолению трудностей и преград. Что касается страданий, то их ведь специально не организуют. Может быть, я не прав, но склонен занять такую позицию: все, что мешает человеческому счастью, должно быть по возможности преодолено в воспитании.

— А не воспитаем ли мы в результате этаких оптимистов-бодрячков, которым будут чужды сострадание, сочувствие? Мне ближе все-таки позиция Сухомлинского и Корчака, которые не отделяли сочувствие от сострадания. Мне кажется, стоит только чуть-чуть допустить отклонение, как правильная счастливость выльется в этакий фанфаронский марш по головам. Ведь сострадание — это величайшая способность человека переживать чужое горе, как свое собственное. Нельзя заглушать то, что принадлежит человеческой культуре...

Таковы две точки зрения. У читателя может сложиться мнение, будто спор чисто философский и к практическому воспитанию не имеет отношения. Это не так. Подлинный

воспитатель — всегда философ. И как только перестает им быть, так оказывается во власти деятельного невежества. Ребенок живет, а не воспитывается. Чем ярче его жизнь, тем больше позитивных эмоций, тем полноценнее и здоровее воспитание. Детство является особым психическим состоянием, в котором чувства и разум слиты. Одну из примет этого состояния можно назвать эвристической склонностью души: постоянные открытия, неумная энергия. Взмолвленная пылкость несется, будто на крыльях, решения приходят мгновенно, увлечения и интересы накатываются, как волны в шторм. Удивительная концентрация энергии!

Итак, мы рассмотрели одну сторону детской гармонии: эмоционально-деятельностную, экспрессивно-творческую, увлеченно-самозабвенную. Развитие ее требует выполнения ряда правил: не избавлять ребенка от полезных занятий, а окружать ими; не втискивать в рамки, выкроенные по меркам наших представлений, а постоянно расширять диапазон собственно детских увлечений, помнить — не нашу, а свою жизнь должен прожить ребенок.

Но есть еще вторая сторона человеческого «я» — это тонкость души, это та сфера личности, которая находится в самых глубинных пластах духовно-нравственных образований. Это и мера культуры ребенка, это уровень развитости человеческих потребностей, который в конечном счете определяет подлинность счастья. Как формировать эту изначально первородную сторону, как к ней прикасаться?

То, что нельзя в нее вламываться, брать на вооружение грубые средства, насилие — это понятно. А вот какие ключи надо подобрать, чтобы помочь ребенку самораскрыться и самоосуществиться — без чего о счастье не может быть и речи?

Зароните в душу ребенка хотя бы крохотную, но жгучую потребность в полезной деятельности — только в этом случае детское самосовершенствование может стать неодолимым желанием.

Философы, психологи, педагоги и социологи сходятся на одном: основание человеческого «я» составляют потребности, их сочетание, противоречивый синтез желаний, мотивов сопротивлений, удовольствий и неудовольствий, разочарований и надежд. Потребности, которые вырабатываются с нашей помощью самим ребенком, его усилиями, его собственным напряжением. Потребности, которые

дорисовывают контур личности, прочерчивают главные линии человеческого поведения, определяют отношение ребенка к себе, к своим близким, к другим. Потребности, которые соединяют детскую активность с добрым отношением к людям, человеческую радость с трудом, самораскрытие с развитыми формами общения.

Если у ребенка потребность в деятельности вытеснила потребность в другом человеке — неизбежно появление самовлюбленности.

Если потребность в другом человеке, в других людях приглушила интерес к своей собственной неповторимости, к своему собственному «я» — происходит обезличивание человека, исчезает то ценное начало, которое ведет к развитию дарования и способностей.

Если интерес к самому себе и сила самоутверждения станут доминировать в поступках нашего питомца — это чревато зарождением самых разных и весьма неприятных свойств: эгоцентризма, неприспособленности к жизни, бездеятельной мечтательности и т. п.

И только в постоянном сочетании эти три потребности — в деятельности, в человеке, в самосовершенствовании — могут обогатить друг друга.

Но не кроется ли тут одно неперемное условие: ребенка может растить счастливо только счастливая семья?

Если так, то в какой же мере наше родительское счастье определяет счастье ребенка? Как научить детей понимать и трудные минуты в жизни своих родителей, бабушек и дедушек, окружающих? Как вызвать у ребят потребность вникать в чужую судьбу, в чужое горе? Как сделать, чтобы проявление сочувствия не было бы для ребят тягостной обязанностью?

Как-то мне пришлось беседовать с одной крайне огорченной мамой. Она жаловалась: я все дала дочери, что могла, отказывала себе во всем, а в ответ — черная неблагодарность. Почему? За что? Я ответил: да, это несправедливо. Ребенок не должен за счет ущемления близких удовлетворять свои потребности, это губительно скажется на его характере, на личности. В этом вопросе Макаренко был категоричен. Он считал: если родители ходят в кино, шьют прежде всего себе (а потом детям) красивую одежду, работают с интересом, одним словом, счастливы, то их жизнь сама непременно станет условием гармоничного воспитания ребенка. Больше того, самочувствие родителя является, говорил он, одним из основ-

ных методов воспитания. «Хотите, чтобы были хорошие дети,— будьте счастливы. Разорвитесь на части, используйте все свои таланты, ваши способности, привлечите ваших друзей, знакомых, но будьте счастливы настоящим человеческим счастьем».

Мне нередко возражают: мол, все это хорошо говорить, а как практически поступать? Да так, просто, но твердо и поступать. Когда я покупаю себе красивую вещь, то вижу мелькание завистливых искорок у своего сына. Но и замечаю вместе с тем: ему доставляет радость, что его отец имеет эту вещь. И в его мальчишечьей оценке — «фирменно» — звучит гордость. И она, эта гордость, «побивает», как выразилась одна моя ученица, вот эту завистливую искорку. Но я непременно при этом говорю, что мы постараемся и ему купить нечто «фирменное». И знаю — он будет ждать, когда что-то будет куплено маме (и он сам будет принимать участие в покупке), а потом уже ему. Такова логика здоровых семейных отношений.

Конечно, детская бессердечность — это самое тяжкое горе. Истоки ее в том, что ребенок, находясь в своеобразном счастливом «небытии», просто не желает замечать ни горя, ни одиночества, ни других сложных переживаний взрослых. Детская жестокость нередко является следствием «избытка здоровой психики», которая не хочет соприкоснуться с людской болью. Но она, эта детская психика, будет по-настоящему здоровой, когда смягчится участием в чьей-то чужой судьбе. Но отнюдь не таким путем надо добиваться участия, каким пытаются заполучить его некоторые мамы: я тебе новую куртку — ты мне сердечную доброту.

— Значит, все-таки нельзя воспитывать только радостью, только на высоких, ликующих тонах? — слышу новый вопрос.

— Естественно, ограничиваться только радостью никак нельзя. Ведь, скажем, страдания никто специально не готовит. Но коль они имеют место в жизни, надо научить ребенка с достоинством выходить из трудных ситуаций, при этом не забывая о других. Подчеркиваю — о других.

Имею в виду воспитание такого свойства характера у ребенка, как доброта: ведь это и долг, и нередко отказ от собственных удовольствий. И не тот добр и щедр, у кого всего много, и он какую-то часть отдает другим, а тот, кто готов отдать последнее. Но речь идет вовсе не о жертво-

приношениях! Для ребенка становится величайшим открытием испытание себя настоящим благородством.

Постижение радости благородного поступка, поведения в целом — в этом высшая мера проявления человеческого духа как в области гражданского, так и личного поведения.

Человека воспитывает вся жизнь, и от обстоятельств много зависит. Но еще больше зависит от самого человека. Личность потому и личность, что утверждает нравственные начала и независимо от условий проявляет себя достойно в любой среде.

Но некоторые педагоги утверждают, что достаточно правильно организовать жизнь ребенка, главным образом трудовую, и тогда вообще все встанет на свои места в его характере.

Это не совсем так. В мире чувств ничего не происходит само собой: это не менее сложная и трудоемкая работа сердца, мозга, души, чем учение или любая другая работа. Поэтому я бы сказал: «Если вы научите ребенка любить — вы научите его всему!»

Такой вывод может показаться неожиданным. Давайте проверим его. Скажем, если труд не опосредован отношением к человеку, то какова цена этому труду? В труде ребенок может познать всю полноту человеческого счастья, всю полноту своей любви к человеку — не имеет значения, к кому именно: к отцу или матери, бабушке или тете Даше, товарищу или близкому человеку, учительнице или целому коллективу школы. Ведь смысл человеческого существования и заключен в том, что человек, живя для себя, живет и для других людей. Если человек только для себя (со своим трудом даже!), то зачем такой человек? — так сформулировал в свое время соотношение «я» и «мы» Горький.

Мы уже говорили, что в решении проблемы, как гармонично совместить в одном человеке силу духа, закаленность с душевной тонкостью, умением сопереживать, чуткостью и добротой, готовых рецептов нет. Но есть основной принцип — воспитание счастливого ребенка. Снова повторю вопрос: во имя чего труд, любой нравственно-гражданский поступок? Только во имя человека. Во имя семьи, товарищей, коллектива, общества. Во имя полного раскрытия дарований и способностей каждого на благо всех.

ЛИЧНОСТЬ ФОРМИРУЕТСЯ ВСЕЙ СИСТЕМОЙ ОТНОШЕНИЙ

Становление личности ребенка напоминает мне чем-то полет птицы в весеннюю пору: вроде бы знает, куда летит, и вроде бы — нет, то, набрав высоту, камнем падает вниз, то стремительно уносится под облака. Удивительная концентрация свободы, силы, энергии!

Глядишь на мальчонку, и вроде бы в его глазах появился тот радостный блеск открытия самого себя, без которого не может быть личности. Торопишься остановить мгновение, а глядь — ничего и нет!

Может быть, желаемое выдаем за действительное? Обманываем самих себя?

Но снова ждем. Следим с пристрастием. Так хочется ускорить все: чтобы и талант обнаружился, и способности, и здоровьем чтобы не был обойден.

Мы, будучи уверенными, что знаем своего ребенка, говорим ему много слов — красивых и правильных, строгих и добрых. Но как часто то единственно необходимое слово оказывается придавленным нашим самолюбием, высокомерием, авторитарностью. Психология взрослого по отношению к ребенку строится на непременном стремлении воспитывать, воспитывать, воспитывать. Поэтому и «давим» на воспитание, чтобы, признаемся, обеспечить какой-то относительный покой и себе. Мы принимаем в расчет занятия с детьми, как и сотни бытовых дел, начиная от стирки и кончая чисткой картошки. Напоминаем постоянно детям о своей загруженности.

Но у ребенка тоже забот немало. Если бы можно было на киноплёнку зафиксировать, как планирует иной школьник свое время, мы, рассмотрев ее, посочувствовали бы тем драматическим коллизиям, в которые он попадает изо дня в день. Пять уроков и к каждому готовиться надо. В перемену надо удачно выменять два гвоздика на стеклянный шарик и две марки на поломанный выключатель, а затем этот поломанный выключатель сменять на кусок телефонной трубки. Потом, после уроков, кружок или занятие музыкой. К тому же надо быстро убежать из дома, чтобы на лыжах прыгнуть с самого большого трамплина, — и все это держать в тайне. Потом за каких-нибудь двадцать минут выучить уроки и — главное — чтобы мать не вздумала проверять. Отец — это хорошо.

Ему скажешь: «Уже все выучил». А он в ответ: «Молодец. Теперь книжку почитай» — и сунет что-нибудь с мелким шрифтом. Говорит, пора уже серьезную литературу читать. Конечно, не совсем удобно читать и одновременно смотреть телевизор, но если наловчиться, то можно в книжку и не глядеть. Главное, ее повыше держать, на уровне глаз, и периодически задавать отцу умные вопросы вроде: «А что такое «конвенция», «брахманы»?»

И вот что удивительно. Живут люди. Вроде бы знают друг друга, и все же у каждого свой мир. Свои маленькие и большие тайны. Что же это такое — мир человека, именуемый психологией личности?

С помощью линейки и циркуля можно, конечно, вычертить структуру личности. Но как далека она будет от живого маленького человека! Кроме того, структура передаст лишь статику основных черт личности. Разумеется, без плоти и крови, без тайн и надежды, без грустных интонаций и задорного смеха.

Значит ли это, что в психологической структуре личности ребенка нет устойчивых элементов? Конечно, не значит. Устойчива сама личность как нечто целостное. И суть этой целостности в том, что она сохраняется лишь в движении. Без движения, без действия нет характера, способностей, темперамента, самосознания и ценностных ориентаций личности.

Научной педагогикой и психологией доказано, что в формировании личности ребенка участвуют и сам ребенок, и обстоятельства, и воспитатели, а процесс становления личности происходит в различных сферах деятельности.

Всемогущая потребность растущего человека познать, освоить постоянно открывающийся перед ним мир часто приводит к самым неожиданным результатам. Его организм, чувства, психика не только безудержно тянутся к импонирующим жизненным явлениям, но и как бы сливаются с ними. Дети становятся неотъемлемой частью этого живого, необыкновенного, властного и яркого мира желаний, стремлений и притязаний. Возникают своего рода органические связи с окружающей действительностью, способствующие физическому и нравственному росту личности.

Что такое река, лес, товарищи, футбольное поле, игра в перышки, просто хождение по улицам для ребенка? Это не нечто второстепенное. Это и жизнь, и цель, и источник огромных наслаждений, нравственных, эстети-

ческих, физических. Это целый мир переживаний, столкновений характеров, воли. Это напряженный поиск самого себя, своего места в жизни, своего отношения к вещам, к природе, к обществу в целом.

Посмотрите вокруг глазами своего детства. Побывайте в тех местах, где вы жили ребенком. И вы почувствуете, как самые обыденные вещи станут одухотворенными даже не в силу своей красоты, а в силу того, что эти детали реального мира врезались в память вместе с вашими далекими переживаниями детства.

Вы обзрываете не просто зеркальную гладь реки, а отдельные ее уголки. Вот с этого обрывчика вы впервые прыгнули, прыгнули для того, чтобы вас не посчитали трусом. Этот обрывчик вам долго не давал покоя. Снился. Вы и сейчас смотрите на других малышей, которые петушатся, скачут на одной ноге, стараются перекричать друг друга, смотрите — и вас охватывает волнение, смешанное с грустью о безвозвратно ушедших в прошлое чудных годах детства.

Человек считает себя счастливым, когда у него есть возможность стремиться к наслаждению, к удовольствию, к удовлетворению своих потребностей. Очень часто ребенок, приходя домой, садится выполнять уроки во имя одной цели — поскорее забыть о них и убежать к сверстникам. Многие родители используют «улицу» как один из главных факторов, побуждающих детей к учению. «Выучишь уроки, а потом пойдешь гулять», — говорят они. Говорят, не сознавая, что, возможно, это «гуляние» и окажется главным воспитателем ребенка. Говорят, будучи уверенными в том, что осуществляют воспитание. Думают о «воспитании» и забывают о той жизни детей, которая приносит им радость, к которой они стремятся и которая становится главным организующим условием развития детей, основой их воспитания.

Не случилось ли вам видеть восторженные или заплаканные ребячьи лица в тот самый момент, когда киносеанс неожиданно прерывался? Как органична в этот момент связь настроений, запечатленных на киноленте и лицах детей. Их настолько увлекает мир, созданный на экране, что они забывают о самих себе. И все это оставляет определенный след в их душах, шлифует самую природу характера, личности ребенка.

Ребенок сам творит свое воспитание. Задача взрослых состоит в том, чтобы помочь ему в полную меру развить свои способности, и помощь эта состоит отнюдь не

в благоговении перед совершенством детской природы, а в создании воспитывающих условий, в умении разумно организовать жизнь ребенка, увлечь такими занятиями, которые полнее раскроют его природные данные.

Как по-разному подходят родители к воспитанию детей, мы покажем на конкретных примерах, в основе которых лежат наблюдения и обобщения автора.

Знакомя читателей с жизнью Вовки Зарубина и его сверстников, я хочу чуть-чуть приподнять тот занавес, за которым скрывается интимный мир ребенка, его чувства и влечения. Мне хочется еще раз показать, что с нашими детьми в каждую минуту может происходить нечто очень важное, способное стать определяющим в их развитии.

**Ребенок постоянно находится
во власти острейших противоречий.
Помогите ему преодолеть преграды.
Не отмахивайтесь от детских невзгод**

...Вовка учит уроки. Изредка из кухни раздается голос матери: «Читай вслух». Сегодня Вовка получил по природоведению двойку — на улицу его не пустят. «Мхи и лишайники растут с северной стороны», — машинально твердит Вовка, глядя в окно. За окном — товарищи. Им нужен Вовка, иначе игра в футбол не состоится.

— Мам, ну я уже выучил все, отпусти на улицу, — тянет он.

— Никаких улиц, запомни, ты сам себя наказал.

Вовка приоткрыл окно. «Выходи быстрее!» — кричат ребята. Душой он уже с ними. Да и перемахнуть через окошко одна секунда! Но мама! Как разведет потом: «Я для тебя все, а ты...» А ребята показывают новый мяч, ярко-желтый, блестящий. Приходит решение пойти и по-настоящему попросить мать, которая часто повторяет: «Ты лучше прямо всегда говори». «Вот если она меня поймет сейчас, — думает Вовка, — я все для нее сделаю!»

Мать посмотрела на сына: «Ну, что еще?» «Мама, — сказал Вовка, — если ты отпустишь меня на улицу, я никогда не буду получать...»

Больше Вовка ничего не успел сказать. «Ах ты негодник! Ты еще условия ставишь!» — Мать замахнулась на сына полотенцем, и Вовка выбежал из кухни. Первым делом он швырнул на стол учебник. Теперь уйти без

спросу он уже считал себя вправе. «Мхи и лишайники растут с северной стороны», — выпалил Вовка, спрыгивая с подоконника.

Однако обычного удовольствия от футбола он не получил. Нервничал, спорил, дважды бросал игру. Под конец подрался с Лешкой. Уже совсем стемнело, а возвращаться домой не хотелось. Несколько раз он заглядывал из-за кустов к себе в окно. Соседка что-то показывала матери. Они обе смеялись. Этого он никак не ожидал. «Ребенка нет дома, а она хоть бы что, — подумал он с обидой, — не нужен я ей, ну и ладно». Потом слышал, как мать звала его, как ребята ей отвечали: «Да был он здесь». Вовка знал: теперь мать побегает, поволнуется. Он тихонько вышел со двора и побрел вдоль улицы. Пришел домой поздно.

Вот невзгоды одного дня Вовки Зарубина. Были, конечно, и радости. Он не только решил контрольную по арифметике, но и ловко передал решение задачи на соседнюю парту, где сидел Лешка. Ну, а самой большой его удачей было то, что он заступился за Костю Боева. Костя самый маленький в классе. Ребята дразнят Костю «хромым» (он действительно хромает на одну ногу). Когда сегодня Виктор Швагин стал дразнить Костю, Вовка пригрозил ему: «Получишь». «От тебя?» — рассмеялся Виктор. «От меня, — сказал Вовка. — Вот скажи еще раз». «И скажу», — и раз десять прокричал нараспев «хромой». Вот тогда Вовка и ударил его.

Костя принес сегодня в класс книжку «Легенда о Тиле». Дальше Вовка не запомнил. Рассказывал Костя о ней все перемены. И как интересно! «Ты сам читаешь книжки, — допытывался Вовка, — тебя никто не заставляет? Вслух читаешь?» Вовка никак не мог понять, как это можно самому взять и читать книжку, вместо того чтобы пойти гулять или, скажем, мастерить что-нибудь дома, если на улицу не пускают.

Сегодня он решил сам попробовать. И если бы не эта дурацкая история с двойкой по природоведению, он, наверное, много бы прочел.

**У каждого ребенка целый мир тайн.
Эти тайны с особой силой оживают перед сном.
Не оставляйте ребенка в одиночестве,
когда он охвачен тревожным состоянием.
Забота о добром и спокойном сне —
это забота о нормальном психическом
развитии ребенка**

В комнате было темно. Свет от фонаря падал на кровать, где лежала лицом к стене мать. Мальчик прислушался. Хотелось спросить ее о чем-нибудь. Но боялся услышать в ответ: «Я с тобой не хочу разговаривать». Снова в голове замелькали события дня. После уроков они решили с Костей забежать на почту за марками, но его задержала учительница. «Чем объяснить твоё поведение?» — спросила она строго. Потом говорила, что он на уроках все время отвлекается, сидит за партой развалясь и всякое такое. Затем пришли старшеклассники-шефы. Учительница попросила их прямо при всех: «Поговорите с Зарубиным: ведет себя безобразно». А те как пристали: «Чем ты интересуешься? С кем дружишь? Что тебе непонятно?» Вовка молчал. И думал, что, вот если сейчас его отпустят, он еще догонит Костю и они вместе выберут самые интересные марки. Когда же наконец все кончилось и он помчался на почту, Костю там не застал.

«Скорее бы уж стать взрослым», — мечтал Вовка.

В голову лезли самые неожиданные картины. Вот он большой, и у него дети, которым он все разрешает. «Как же это ты, братец? — обращается он к сыну, который получил двойку. — Ну ничего, давай разберемся». Сын говорит ему: «Марки нужны, знаешь, какие в магазине новые марки?» «Ну что ж, давай сходим за марками». Приходят в магазин, ему, отцу, все улыбаются, предлагают марки. Кто-то говорит: «Какой добрый отец». И сын шепчет отцу: «Ну, папа, я теперь буду стараться». Потом приснилось ему что-то очень страшное. Он заплакал во сне. Открыл глаза: мать склонилась над ним.

Мать склонилась над сыном. Понятны ее тревоги. Она воспитывает его одна, без отца. Отец умер, когда мальчику было два года. Кем станет сын? Каким человеком вырастет? Вспомнилось свое нелегкое детство в военную пору. Как ей хотелось учиться дальше, закончить вуз, несмотря ни на какие трудности. А вот сын, которому, казалось, предоставлены все возможности, учится из-под палки. Только одно на уме: гулять, гулять. Анну

Ивановну никогда никто не заставлял учиться. Она перебирала в памяти семьи знакомых, родственников. Многие из них уделяли куда меньше внимания воспитанию детей. Она, кажется, все отдает сыну, во многом себе отказывает, и вот результат. А что будет дальше? В чем она ошибается? Может быть, меньше обращать внимания на проказы сына? Ведь мальчишка...

Она вспомнила, как брат ее, который недолго гостил у них, заметил: «А знаешь, сестра, за утро ты раз десять сказала Вовке: «Быстрее, а то опоздаешь в школу».

«Что же ты предлагаешь? — спросила она брата. — Не опаздывать же ему в самом деле». «Пусть лучше опоздает, чем привыкает к няньке. Пусть с вечера сам ставит себе будильник, сам встает, сам одевается, сам завтракает. Я согласен, что он может и опоздать. Но это сначала. А ты знаешь, как в школе встречают опоздавших? Весь класс кричит: «Соня!», учительница выговаривает. Не очень-то приятная процедура для опоздавшего. Сам не захочет. Твои заботы, бесконечные напоминания ничего, кроме вреда, не принесут. Будь требовательнее, иначе испортишь парня».

Тогда Анна Ивановна поспорила с братом. «Слава богу, уехал, — бурчал Вовка, — нашелся мне еще один учитель». «Не смей так говорить о нем», — пригрозила мать, хотя внутренне разделяла Вовкино настроение.

Слова брата, которого она всегда считала чересчур рассудочным, прозвучали для нее как черствое наставление. Она верила в то, что добро порождает только добро, а жестокость — только жестокость. Сегодня от нее не укрылся виноватый взгляд сына, его, как ей казалось, готовность попросить прощение. «Но тогда откуда у него сознательное стремление причинить мне боль?» — задавала она себе в который раз один и тот же вопрос. Может быть, причина в том, что у нее не всегда хватает терпения и выдержки?

Анна Ивановна задумывалась над тем, как воспитывают другие матери своих детей. На родительских собраниях учительница всегда ставила в пример Юру Винника. Его мать, Мария Алексеевна, даже рассказывала как-то о своем опыте на собрании. Она говорила известные вещи, и Анна Ивановна это знала, сама делала, а сын рос все-таки не таким, каким бы ей хотелось. Единственно, чему позавидовала она, это спокойной уверенности Марии Алексеевны, ее знанию того, что ей нужно для достижения цели. Не в этом ли главное?

**Вся суть раннего воспитания
таится на перекрестьях игры и труда.
От «безоблачного» детства к лени, праздности,
потребительству — всего один шаг**

О том, как воспитывала своего сына Мария Алексеевна, как развивала его интересы, как предъявляла требования, добиваясь их совпадения с желаниями ребенка, есть смысл рассказать. Приведем несколько моментов из жизни еще той поры, когда Юра не ходил в школу.

По вечерам Мария Алексеевна читала сыну книжки. Она наблюдала за ним и видела — Юра увлечен судьбой героев. Мать спросила как-то: «Ну, о чем я тебе читала? Расскажи». У сына вырвалось: «Забыл». И это слово он повторял каждый раз, когда ему предлагали рассказать о прочитанном. «Неужели ничего не помнишь?» — настаивала мать. «Все забыл, — твердил Юра и тут же просил: — Ну, читай же дальше». Или: «Прочти еще раз».

Она задумалась: «Память у мальчика неплохая. Сам научился читать, считает до двухсот. Когда ему было три-четыре года, знал наизусть всего «Мойдодыра», а сейчас не может выучить стихотворения в десять строк». Решила так: «Больше читать не буду. Ни строчки». И захлопнула «Мюнхгаузена» на самом интересном месте. Сын стал упрашивать. А Мария Алексеевна сказала: «Ты помнишь все. И пока не перескажешь хотя бы кусочек — читать не буду!»

Сын пристально смотрел на мать. Он словно говорил: «Ну хорошо, ты раскусила меня. Но мне неинтересно пересказывать, даже скучно. Ты сильнее меня, и потому заставляешь».

Так показалось Марии Алексеевне, и она взглядом своим ответила: «Ничего не выйдет, дружок. Ты не разжалобишь меня своей грустной миной». А вслух сказала: «Пересказывать интереснее, чем читать». Сын согласился. Разумеется, предварительно поторговался: «Чтобы только всю до конца прочла книжку».

К удивлению матери Юра вдруг сосредоточился и попросил: «Прочти еще раз вот отсюда и досюда». Мать прочла. «А что такое «повелитель»? А что такое «казначей»? А что такое «ярость»? А что такое «дочиста»?» — посыпались вопросы. Раньше такого не было. Мать стала объяснять.

Мария Алексеевна еще больше удивилась, когда Юра почти слово в слово пересказал прочитанный эпизод.

Мать повторила «опыт» дважды и убедилась, что мальчик может усвоить (с небольшими отклонениями) прозаический текст в сто с лишним слов. Да к тому же ребенку приходится размышлять, напрягаться, работать.

Все это так, все, наверное, правильно. Но вовсе не потому мы так подробно рассказали об этом эпизоде. Сущность его значительно глубже, серьезнее. Вот это словечко «забыл» в какой-то мере отражает сложность развития дошкольника.

С одной стороны, малыш восприимчив, живет эмоционально, образами. Яркий, красочный мир его всецело поглощает, и ему неохота мыслить.

Разумеется, ребенок мыслит и без нашего вмешательства. Мы же говорим о роли воспитателя, который должен создать необходимые условия для более плодотворного развития ребенка.

Что может получиться, если этого не сделать? «Забыл» превратится в привычку не задумываться. Вырабатывается самое опасное — лень думать. Это состояние в условиях школы обычно характеризуют так: мальчик способный и, если бы захотел, был бы отличником.

Вторая ситуация.

Юра играет с детьми. Ему пора есть. Но он не бросит игру из-за еды. Он боится оторваться хоть на несколько минут от деятельности, которая доставляет ему огромное удовольствие. И сколько обиды, даже злости рождается у малыша, когда мать насильно уводит его в дом: «Я не буду есть! Я не люблю суп!.. Я больше никогда не буду играть!.. Я буду стоять в углу!..» В этих словах не только чувство обиды, но и сознание «фатальности», всесильности окружающих обстоятельств. Убежденный в несправедливости взрослых, ребенок возбуждает в себе мрачные чувства. «Вот возьму заболею и умру», — говорит он. Мать пытается успокоить: «Такой пирог на столе, а ты умирать собрался...»

А мальчик говорит серьезно, он уже видит себя в постели, окруженным испуганными родными. Все ему обещают: «Будешь играть, сколько захочешь, только выздоровей...» И что интересно: через каких-нибудь несколько минут жуткие образы безвременной его кончины вытеснены приятно щекочущими запахами супа, пирогов и прочей снеди. «А умирать не стоит, — смеется мать, — лучше помыть руки и за стол». После обеда мальчик опять убегает к друзьям.

Еще одна ситуация.

Юра уже долгое время занят игрой. Мать говорит: «Пойдем, книжку почитаем». Сын увлечен и отвечает, что никаких книжек он не хочет. «Ты ведь не знаешь, какая книжка. Про тигров, бегемотов и четырех котов... Почитаем, а потом займемся одним интересным делом. Впрочем, если не хочешь...»

Сын догоняет мать: «Скажи, какое интересное дело? Ну скажи! Ты обманываешь?» «Разве я когда-нибудь тебя обманывала?» И сын соглашается: сначала читают книжку, потом готовятся к приходу отца: у него сегодня день рождения, надо успеть испечь пирог, накрыть праздничный стол...

Вот мы и подошли к одному из главных вопросов педагогического мастерства. Казалось бы, что еще нужно, кроме доброго отношения к детям? В нем действительно один из главнейших принципов педагогики. Несомненно и то, что гуманизм, вооруженный системой средств, методов и приемов, выработанных наукой, становится более сильным, более действенным.

Зачастую родители не замечают, каким тоном они говорят с детьми, как спрашивают о полученных отметках, вообще о школьных делах, как предъявляют требования, как радуются удачам или выражают свое огорчение. Все эти «как» и есть область педагогического искусства, стиля взаимоотношений родителей и ребенка. Следует различать форму и содержание этого стиля. По тону здесь может быть много оттенков, начиная от простовато-грубоватого до нежно-интимного. В одной семье обычны поцелуи и объятия, в другой «нежностей» стыдятся. В одной семье пользуются уменьшительно-ласкательными обращениями, в другой культивируют мужественную суровость, подчеркнутую строгость. В одной предпочитают деликатные выражения, условности, в другой называют вещи своими именами.

Все это разные формы отношений, содержанием которых может быть подлинный гуманизм, основанный на взаимоуважении и взаимопонимании.

Дети же обладают исключительной способностью распознавать за любой формой общения суть его содержания, то есть истинное отношение к себе.

Мы рассказали о том, как Мария Алексеевна, пользуясь разными приемами, игровыми методами, правильно сформулированными требованиями, приучала Юру к определенному порядку, воспитывала в нем способность понимать необходимость тех или иных занятий. Она созна-

тельно переключала внимание и энергию мальчика на те виды деятельности, которые должны были прививать сыну полезные привычки, чувство долга. Она не строила иллюзий на тот счет, что воспитанность придет сама по себе, явится ответом на ее любовь к мальчику. А вот Анна Ивановна все позволяла Вовке, и эту свою нетребовательность рассматривала как проявление доброты, которую впоследствии должен будет оценить сын.

Общение со сверстниками — важнейшее условие нормального развития ребенка

Юра Винник учится вместе с Вовкой в третьем «Б» классе. Отличник. Необыкновенно спокойный. Избегает шумных игр и шалостей. Всегда такой чистенький и причесанный. Ходит в музыкальную школу. Когда ребята протяжно-визгливо дразнят его за спиной: «Сыно-чек», он вздрагивает, но никогда не оборачивается. Первым потянулся к Виннику Костя Боев. «Ты знаешь, сколько у него книг? — рассказывал он Вовке, — а картины какие, а радиодеталей сколько! Хочешь, пойдем к нему?» Вовка в ответ только плечами пожал. К Винникам они отправились в воскресенье: Костя, Лешка Миронов и Вовка. Застали они Юру за интересным занятием: он сооружал крепость с бойницами, подземным ходом, орудиями, телефоном. Крепость располагалась в саду — лучше места не придумать. Стали строить еще одну. Предстояло сражение. Вышел Юрин отец, Павел Федорович. Он попросил зачислить его ну хотя бы в саперы. Для ребят это было не совсем обычно. Еще больше ребята удивились, когда вышла Юрина мать. Мария Алексеевна сказала, что она будет ведать медпунктом, который разместится в комнате. Там же будет и «плен». И пообещала, что с пленными будут обращаться очень гуманно, даже выдадут ореховое варенье.

Подготовка к сражению была необыкновенно веселой, хотя и пришлось здорово потрудиться. Пот лил градом: копали новые траншеи, запасные позиции. Когда уже все было готово к бою, стали разрабатывать тактику и правила «войны». Как-то само собой получилось, что командовать стал Вовка. Он возмущался нерасторопностью своих солдат, бранил их за малодушие, то и дело кричал: «Быстрее! Огонь! Снаряды! В обход! За тылом смотри!» Ребята не обижались. Зато сколько было радости, когда удалось водрузить флаг на вражеской крепости!

Потом пили чай. А после Костя попросил показать картины, Юра вытащил огромный альбом с репродукциями. Медленно перелистывая его, он рассказывал о каждом художнике. Потом стали говорить о книгах. Книжки читали Костя и Юра. «Я тебе могу дать почитать кое-что», — предложил Вовке Юра. Вовка был несколько удивлен (никаких книг, кроме учебников, он не читал), но отказаться не решился.

Дома он, захлебываясь от восторга, рассказывал матери: «Ты знаешь, как у них интересно? Книги, картины! Мать какая замечательная...»

Когда ребята ушли, Мария Алексеевна словно невзначай заметила:

— Если бы я была мальчишкой, я бы непременно подружилась с Вовкой. Наверное, он хороший товарищ. На него можно положиться.

— Да, — поддержал Павел Федорович, — такого не проведешь. А как он учится, Юра?

— Не очень. Дина Дмитриевна говорит, что у него способности, но ленивый и плохо ведет себя. Смешит всех у доски. Кривляется.

— Все-таки он мне понравился. Ловкий, энергичный, наверное, очень смелый. Ты обратил внимание, Юра, как он быстро догадался о вашем маневре обойти с тыла?

Мы часто бываем недовольны детьми. Думаем: «Откуда это у них?» Но если мы глубже заглянем в самих себя, то сможем увидеть причину проявления «нежелательных качеств» в нашем ребенке. «Яблоко от яблони недалеко падает» — это пословица с фатальным оттенком. Но в ней мудрость народа. Наш характер, наша культура, наши убеждения, наш темперамент неизбежно оказывают влияние на ребенка.

Мы хотим, чтобы дети переняли лучшие наши черты. И это совершенно естественно. Но дело в том, что характер ребенка складывается под влиянием всей его жизни. Ребенок впитывает в себя все, что он видит, с чем сталкивается. В процессе своей деятельности он перерабатывает полученные данные, что-то принимает, а что-то отбрасывает. При этом принято может быть и дурное, и хорошее.

Если мы подчеркиваем, что наши достоинства и недостатки, черты нашего характера могут выступать в качестве воспитательных средств, то само собой разумеется, что знание всех своих особенностей и возможностей содействует более рациональному влиянию на ребенка.

Мария Алексеевна отдает себе отчет в том, что она может дать своему сыну, а в чем лучше повлияет на развитие мальчика ее муж. Жизнь, которой живет Юра, насыщена: учение, общее развитие, воспитание необходимых привычек, досуг на воздухе, комнатные игры. Мать сумела привить сыну любовь к живописи, музыке. Она привлекает мальчика к решению нравственных задач, учит его разбираться в людях. Отец Юры — радиолубитель. Трудно сказать, станет ли Юра, занимаясь с отцом, радиолубителем, но то, что в процессе совместных занятий он получит определенные трудовые навыки, некоторые знания по физике, это уж точно. В квартире, где живет Юра, одна из комнат скорее напоминает мастерскую. У окна небольшой верстачок. Рядом стол с деталями, стеллажи для инструментов, поделок и моделей.

Сердцевиной гармонического развития является энергия. Страсть движет воспитанием. Увлеченность, бесстрашие, отвага — без этих качеств нет личности

В семье, казалось бы, созданы все условия для всестороннего развития мальчика. И тем не менее Мария Алексеевна чувствует, что в ее воспитательной практике есть существенный изъян. Он кроется в чрезмерном программировании всей жизни сына. Юра сам почти не выбирает поле действий. Его деятельность является преимущественно результатом точно созданных и рассчитанных ситуаций. То есть инициатива исходит не от самого ребенка, а от родителей. И хотя создается впечатление, что Юру интересует дело, выбранное матерью или отцом, подлинного интереса у него нет. Не исключена возможность, что когда-нибудь сын скажет родителям: «Вы за меня думали, вы рассчитали каждый мой шаг, каждое мое движение. Хватит! Я хочу хотя бы один раз в жизни поступить так, как именно мне хочется. Пусть я ошибусь, но это будет моя ошибка, которую я сам исправлю».

Трудно сказать, какая это будет ошибка. А вдруг она окажется роковой?

Да, Юра аккуратен, прилежен, внимателен на уроках и при подготовке домашних заданий, точно выполняет все требования взрослых. И только там, где нужны инициатива, решительность, а возможно, и риск, он беспомощен. Мария Алексеевна понимала, почему ученики дразнят его «маменькиным сынком». Она чувствовала в этом и свою вину.

Теперь, сравнивая сына с его товарищами, она обратила внимание на то, что Вовка более живой, из него прямо-таки рвется энергия. Она понимала, что Вовка менее воспитан, менее организован, чем ее сын. Вовка может сесть где угодно и как угодно, не заботясь о том, испачкает при этом брюки или нет. Он вмиг перелезет через любой забор, перепрыгнет через любую канаву.

Мария Алексеевна впервые задумалась над тем, что в воспитании сына надо что-то менять, нужно как-то расшевелить мальчика. Она понимала и другое: что внести эту поправку в жизнь сына очень трудно и что для этой роли, наверное, самый подходящий человек — Вовка Зарубин, который стал теперь часто у них бывать. В том, что для самого Вовки общение с ее сыном будет тоже полезным, Мария Алексеевна не сомневалась. Впрочем, результаты уже сказались. Вовка начал читать книжки и однажды заговорил не о футболе, рогатках, пистолетах, а о книгах и картинах.

Мария Алексеевна ясно отдавала себе отчет в том, что «внесение поправок» в развитие сына будет протекать не легко и не безобидно. В этом она скоро убедилась.

В одно из воскресений Юра пришел домой со слезами. За ним с виноватым видом плелся Вовка.

Ребята катались на лыжах. Вовка с Юрой оказались на самой высокой горке. Внизу трамплин. Вовка предложил спуститься, но Юра смотрел вниз со страхом. Съезжать наотрез отказался: высоко! Тогда Вовка стал уговаривать Юру. Юра колебался. И случилось так, что Вовка слегка подтолкнул товарища с горки, а затем съехал сам. Упали они вместе. Вовка смеялся, а Юра обиделся и поплелся к дому. Вовка бросил ему вдогонку: «Ну и катись!» А потом, подумав, решил сам пойти к матери Юрки. «Понимаете,— стал он убеждать ее,— там нисколько не высоко и совсем не страшно, я ему говорил, а он никак. Ну я и... Вот пойдемте, посмотрим. Там такой маленький трамплинчик». — «А что, в самом деле, это мысль! Пойдем посмотрим». Юра удивленно взглянул на мать, ему никак не хотелось идти к той злополучной горке. «Я как раз собиралась в магазин. Пойдем, Юрок», — весело сказала мать, и сын неохотно согласился. Горка была недалеко. Вовка с криком «Вот смотрите!» разбежался и на этот раз красиво слетел с трамплина. Юра с завистью смотрел на товарища. «А ты попробуй, Юра, это же действительно не страшно», — сказала мать, а Вовка с криком «Я еще не так могу» снова влезал на горку. «Иди,

Юра! Не бойся!» — кричал Вовка, демонстрируя свое мастерство. Юра стоял на месте, не шевелясь. Мать сказала ребятам: «Ну, вы побудьте здесь, а я пойду».

На обратном пути Мария Алексеевна увидела сына съезжающим с горы. «Мама,— кричал он,— совсем не страшно!» И в голосе, и в движениях сына Мария Алексеевна уловила раскованность, а в лице живую радость.

Говорят, надо быть близким детям. Как достигается такая близость? Какова ее мера? Макаренко, например, говорил, что нужна не только близость, но и некоторое расстояние.

Близость — это прежде всего помощь ребенку в трудной ситуации, когда он находится в состоянии внутреннего конфликта.

Съехать с горки — пустяк. С точки зрения взрослого. Для ребенка же подобный поступок может оказаться решающим. Страх, который однажды одолеет, способен пустить корни, сковать душу. Необходимо учить ребенка преодолевать страх.

Этим самым родители избавят своих детей от ненужных и тяжелых страданий, своевременно предотвратят появление таких черт, как мнительность, трусость. Совершенно естественно, что помочь может тот, у кого больше знаний, опыта. Взрослые, обладая этими серьезными преимуществами перед детьми, сами должны определить меру вмешательства.

Без авторитета нет воспитания.

Авторитет родителей достигается

высокой требовательностью

и уважением к ребенку, к его интересам

Раньше мне казалось, что взрослый, занимающийся воспитанием, должен непременно быть только вместе с детьми, а не «над». Потом я пришел к выводу, что «вместе», во-первых, иллюзия. Даже те, кто утверждает, что близость с детьми достигнута, что расстояния никакого нет, обманывают самих себя. Во-вторых, «только вместе» невозможно, так как помимо общности у взрослых и детей есть, разумеется, различные сферы занятий, деятельности, которые находятся в разных плоскостях. Это «разъединение» закономерно и естественно. Больше того, дети это различие сфер должны хорошо понимать, это научит их считаться с жизнью своих родителей, с их интересами.

Позиция воспитателя по отношению к детям не может быть постоянной. В одних случаях он должен быть «вместе» с детьми, в других «над». И только одно можно утверждать с уверенностью: возведение в абсолют одной из этих позиций неизбежно ведет к отчуждению, к ненормальным отношениям. Абсолютизация позиции «вместе» приведет к тому, что родители для детей, как писал Макаренко, станут Гришками и Машками, приведет к панибратству, к развитию детского эгоизма. Возведение в абсолют позиции «над» — прямой путь к грубому насилию над личностью ребенка.

Прилежание кажется Вовке недостижимой вершиной. Посоветовавшись с Анной Ивановной, Мария Алексеевна однажды сказала Вовке: «Ты как-то говорил, что можешь все, если захочешь. И я верю в это: ты сильный человек. Подари мне одну тетрадь по арифметике без единой помарочки». — «У меня нет такой тетради», — сказал удивленный Вовка. «Я знаю, — улыбнулась Мария Алексеевна, — но через месяц у тебя могла бы быть такая тетрадь».

Вовка, конечно, не осознавал той власти, которую с некоторых пор приобрела над ним Юркина мать. В ее присутствии ему хотелось быть лучше, смелее, увереннее. И это ему удавалось: он мог выбрать самый спелый арбуз, он мог мигом открыть любую банку консервов, мог даже починить ботинок. И каждая его удача сопровождалась восклицаниями женщины: «Смотри, Юра, какой Вова ловкий и умелый!» С семьей Винников Вовка ездил на рыбалку с ночлегом и даже на два дня в деревню. Он замечал, что мать в последнее время, когда он начинал расхваливать Винников, уже всех подряд, мрачнела, и даже боялся, как бы однажды она не сказала: «Хватит о Винниках. Больше туда не пойдешь».

Одним словом, для Юркиной матери он сделал бы что угодно, не только тетрадку без помарок. Но сколько трудов доставила она ему! Сколько раз он переписывал! И вот однажды такая тетрадка без помарок была закончена. Мария Алексеевна взяла тетрадку и положила ее рядом с Юркиной. Конечно, тетрадь Юры была куда чище. Как ни старался Вовка, а углы все равно чуть-чуть отгибались, края потемнели, в некоторых местах были заметны отпечатки пальцев. Но Мария Алексеевна не обратила внимания на эти мелочи. Она сказала: «Действительно, Вова, ты сильный человек! Спасибо тебе большое».

Нельзя сказать, что у Вовки после этой тетрадки появились и прилежание и аккуратность, но то, что намечалось какое-то совершенно новое отношение к занятиям, было очевидно. Это заметили и учителя.

Думая о своем сыне, Мария Алексеевна постепенно разобралась в допущенной ею ошибке — в чрезмерной изоляции его от окружающей среды. В отличие от Анны Ивановны, которая всегда пугалась того, чтобы сын не сдружился с «плохими мальчишками», она постаралась сблизить Юру с Вовкой Зарубиным, который отнюдь не считался пай-мальчиком.

Иногда общение ребят, которые симпатизируют друг другу, обрывается родителями только лишь на том основании, что один из них плохо учится, так называемый «двоечник». Между тем у некоторых мальчишек тяга к общению настолько велика, что она определяет собой все их поведение. Вовка Зарубин и часа не мог прожить без товарищей. В школу он мчался сломя голову, потому что ждал встречи с ребятами, из школы он уходил последним. Мать жалуется: «Нет у сына интересов серьезных. Он знает только одно: «товарищи и гулять».

Прекрасный интерес! Интерес к человеку! Наверное, было бы правильно идти от него к другим интересам. Да и мы уже заметили, что Вовкины приятели благотворно влияют на него: Костя приохотил к чтению, Юра вместе со своей матерью — к другим занятиям. В то же время дружба с Вовкой оказалась полезной и для Юры.

Искусство воспитания как раз и основывается на умении видеть и использовать для воздействия на ребенка все то многообразие отношений, которые формируют его как личность.

«ВНУТРЕННИЙ ВЗОР» ВОСПИТАТЕЛЯ

Опытный воспитатель, будь он родитель или учитель, обладает способностью педагогического видения. Как часто мы слышим да и сами говорим: «Я вижу по глазам», «Я прочел на его лице», «Я заметил в нем перемену».

Чем младше ребенок, тем отчетливее отражаются на его лице желания, тем легче «считывать» с его лица внутренние процессы, которые происходят в нем. По мере его развития взрослые постоянно настаивают на том, чтобы

ребенок управлял своими эмоциями, подавляя желания, сдерживал себя. Некрасиво громко смеяться, кричать, хмурить лоб (а то морщины будут), говорят они, ты должен улыбаться — так приятней другим, мужественно переносить боль, холод, жару и т. д. Взрослея, ребенок и сам начинает понимать, присматриваясь к взрослым, практическое значение выдержки и умения управлять своим лицом, движениями.

Дети отлично знают, кого они смогут провести, а кого нет. «Этого не обманешь, — говорят они, — он как посмотрит, так деться некуда — сразу всю правду выложишь. А этому что ни скажи — верит».

Таким образом, есть воспитатели, которые обладают зорким глазом, остротой видения, способностью подметить то, что скрыто от взора других, и есть такие, у которых эти качества отсутствуют. Совершенно естественно, что преимущество у тех, кто видит, кто тонко чувствует и точно определяет душевное состояние воспитуемого. Видение — это умение по мельчайшим внешним признакам (мимика, интонации, движения) определить внутреннее состояние ребенка, его опасения, надежды, желания. Это, на наш взгляд, одно из важнейших условий педагогического мастерства.

Видение можно рассматривать в двух аспектах. Видеть в значении «читать». Это своего рода мгновенная обработка поступившей информации с привлечением опыта, аналогий, сравнений.

Второй аспект видения — это не только понимание, но и оценка. Когда ребенок сталкивается с нашим взглядом, он часто ощущает и наше отношение к нему. В тот момент, когда мы оцениваем его поведение, он, улавливая наш взгляд, тоже занят «считыванием» наших реакций. А они так различны. Это и недовольство, и досада, и радость, и поощрение, и запрет...

Выражение «глаза — зеркало души» в равной мере характеризует взгляд и взрослых и детей. И если мы педагогическое видение рассматриваем как двусторонний процесс, то следует остановиться на этих двух сторонах: «мы — глазами детей» и «дети в нашем видении».

Искусство педагогического видения вырабатывается в результате длительного опыта, после тщательной самопроверки и анализа полученных данных. Этим искусством может овладеть каждый, кто сознательно поставит перед собой такую задачу.

Беда взрослых, поглощенных своими заботами, заключается в том, что на каком-то этапе они теряют возможность видеть. Работа, тревоги личной жизни часто не дают им возможности сосредоточиться, посмотреть на ребенка свежим взглядом, задуматься о нем.

Правильное педагогическое видение — решающее условие воспитания ребенка. Смотрите, что получается. Изю дня в день мать твердит сыну: «Этого ты не умеешь, ты еще маленький». Вовка где-то свыкся в глубине души с такой оценкой. Он и сам стал думать: «Чего мне стараться, все равно ничего из этого не получится». Анна Ивановна рассматривала непоседливость сына, его неумную энергию как недостаток; Мария Алексеевна взглянула с другой стороны, и для нее этот недостаток обернулся достоинством. Однажды Вовка сидел у Винников — решали задачи. Мария Алексеевна заметила сыну: «Смотри, как Вова быстро соображает». Вовка был поражен. Он соображает лучше Юрки Винника, первого ученика в классе! Если раньше он безропотно соглашался с тем, что предлагал Юра, то есть полностью полагался на его авторитет отличника, то после, казалось бы, случайно брошенной реплики Марии Алексеевны стал сначала возражать ему, а затем и предлагать свои варианты: «Нет, давай попробуем решать задачу другим способом. Смотри, и проще и быстрее».

Впервые Вовка поверил в себя. «А я быстрее всех решаю задачи в классе», — как-то сказал он матери. «Не хвастай, этого быть не может. Лучше посмотри в свой дневник, — вздохнула мать. — Способности еще ничего не значат без усидчивости и трудолюбия». Чего-чего, а этого Вовке действительно не доставало. Собственно, он уже и смирился с мыслью, что будет всю жизнь страдать из-за своих недостатков. Он часто получал плохие отметки за то, что небрежно, грязно писал, за кляксы, чернильные отпечатки пальцев. А иногда ему было просто скучно напрягаться, следить за собой. Он завидовал Виннику, который всегда был готов выполнить любое задание учителя. Но когда смотрел, как Юра старательно выводит ровные цифры, видел его аккуратную прическу, свежий воротничок и чистые руки, то понимал, что стать таким он все равно не сможет.

И все-таки его тянуло в дом Винников.

Детское общение бурлит противоречиями — без этого нет развития.

Умелое разрешение противоречий — основа творческого воспитания

Однако вскоре пришел, как показалось Вовке, конец его дружбе с этой семьей. И конечно, он, Вовка, сам во всем виноват. Случилось вот что. Вовка и его друзья летом частенько забирались на чердак старого, полуразвалившегося дома, который должны были снести. Ребята привели в порядок чердачное помещение: убрали мусор, сняли паутину, почистили и вымыли смотровые окна, даже побелили часть стен. Из досок сделали стол и две лавки. В углу были спрятаны продукты: сухари, сахар, лук, соль. Ребята приходили сюда в свободное время, здесь играли, а Костя рассказывал вычитанные из книжек истории. Отсюда они наблюдали за улицей. Однажды Вовка предложил переночевать на чердаке. Так как из дома никого наверняка не отпустили бы, был разработан идеальный план обмана родителей: Костя и Вовка сказали, что они переночуют у Винников, а Юра хотя и долго не соглашался, но попросил родителей отпустить к Вовке Зарубину, у которого сегодня мать работала в ночную смену. Вечером в магазине Мария Алексеевна встретила Анну Ивановну и удивилась: «Вы не на работе?» Обман раскрылся, и матери отправились к Боевым. Кости тоже дома не оказалось. Тогда родители заволновались, стали звонить в школу, в милицию, обратились к дружинникам. Мальчиков начали разыскивать.

Между тем ребята рассказывали друг другу сказки, ежились от холода, но испытывали величайшее наслаждение и от того, что им так ловко удалось провести взрослых, и от ощущения собственной свободы и самостоятельности. К полуночи ребята вконец замерзли, и Юра первым высказал мысль: «Не пойти ли нам домой?» В это время ребята как раз и услышали голоса, шаги, мелькнул свет фонариков. До них донеслось: «Они и днем здесь бывают». И чей-то женский голос: «На чердаке они». Снизу закричали: «А ну, выходите!» По лестнице уже кто-то поднимался.

— Рассказывайте все по порядку,— строго потребовал участковый.

— Не имеете права задерживать,— решил произнести с достоинством Вовка, но прозвучало у него это довольно жалобно.

Дежурный по детской комнате милиции велел подождать, и мальчишек на несколько минут оставили в покое. Вовка успел предупредить: «Никому ни слова. Ничего с нами не сделают». Потом их долго расспрашивали, стыдили, отчитывали. Один из дружинников тут же написал в школу письмо, в котором просил принять меры.

Костя Боев заревел в тот самый момент, когда на пороге показались родители — Анна Ивановна, Мария Алексеевна с мужем и отец Кости...

...Боев вел Костю, не произнося ни слова. Как только они вошли в дом, Костя истошно закричал: «Папочка, не бей, больше никогда не буду!» Отец снял пиджак, схватил ремень, оттолкнул мать и тихо сказал сыну: «Иди сюда». Костя заплакал. «Не вой! Рассказывай все, как было», — снова приказал отец. Костя сбивчиво забормotal: «Мы пошли... договорились... залезли на чердак».

Отец видел, как сын хочет всячески вывернуться и избежать наказания. «Откуда это в нем?» — думал он. И решил, что сейчас одним махом выбьет из сына все недостойное боевского рода.

Уже не было ни слез, ни крика. Слышны были одни сплошные захлебывающиеся звуки.

Ночью младший брат спросил: «Очень больно?» Костя снова заплакал и забормotal в подушку: «Я убью его, вот увидишь, убью...»

Костя в такие минуты ненавидел отца.

Физическое воздействие — самый дурной способ воспитания. Оно травмирует детскую душу, убивает добрые чувства у взрослых, ведет к разобщенности, ненависти друг к другу.

Строгость, когда она безмерна, превращается в жестокость. Жестокость родителей, в свою очередь, как правило, порождает детскую жестокость и озлобленность. И если родители не способны быть разумно строгими, если требовательность переходит в насилие и оскорбление, то рано или поздно эта жестокость обернется против них самих.

...Павел Федорович злился: «Надо оградить Юру от дурных влияний. Вовка — хулиган, распущенный мальчишка, Юре он не пара».

Мария Алексеевна молчала, изредка вставляя одни и те же слова: «Ну перестань, поговорим дома». Дома Павел Федорович категорически заявил: «Чтобы его ноги здесь не было. И ты, — обратился он к сыну, — чтобы больше с ним не знался». Юра кивнул головой. Он был согла-

сен с отцом, во всем виноват Вовка. И зачем мать навязала ему эту дружбу?

Уже в постели он думал о том, как все хорошо обошлось, его избавили от дурной компании. Он видел себя хорошим, умным, похожим на папу.

Одной Марии Алексеевне не нравился ни исход событий, ни лицо сына. Она до мельчайших подробностей восстанавливала в памяти себе его поведение, и оно вызывало у нее тревогу. «Так быстро отказаться от товарища, с которым ему было интересно и хорошо,— рассуждала она.— Так охотно принять на себя роль жертвы, уйти от ответственности и от вины. Все тот же ни в чем не повинный паинька, маменькин сыночек».

Мария Алексеевна высказала свои соображения мужу, но он только отмахнулся: «Оставь мальчика в покое».

По-разному смотрят родители на воспитание своих детей.

Павел Федорович совершенно точно знает, что он хочет от сына. Отличник, золотая медаль, вуз, непременно аспирантура. Затея жены относительно «прививки» сыну энергии с помощью Вовки его вначале даже заинтересовала. Он был против «тепличного» воспитания. Хотел видеть сына общительным, уверенным в себе, здоровым. Ему понравилась выдержка сына в милиции. Юра, по его мнению, держался с достоинством. Сразу видно — воспитанный мальчик. Отец вспомнил, как вежливо и, однако ж, без подобострастия сын попрощался и с милиционером и с дружинниками. То есть сын рос уверенным и самостоятельным мальчиком. Мужчиной. И что это выдумала жена? Это он никак не мог понять. Точнее, не хотел понимать.

Что же увидел в поступке сына Боев? «Меня в детстве пороли,— рассуждал он,— за это только спасибо родителям». Своим главным достоинством Боев считал то, что он «работающий, как никто». Опять же бережлив, чужого не возьмет и своего не отдаст. Так он понимал честность. Другим важным своим достоинством считал то, что он хороший семьянин: все в дом несет, лишнего себе не позволяет. Таким он хотел видеть и сына. И бил для того, чтобы не стал Костя ветрогоном и шалопаем. Бил за двойки, за лень бил, за грубость. А однажды отец сказал сыну: «Замечаю я — не туда мозги у тебя направлены. Умничаешь слишком. Читаешь много. А жизнь — штука не книжная, болтунов не терпит». А Костя читал по-прежнему много, и очень хотелось ему встретить чело-

века, с которым можно было бы обо всем прочитанном поговорить. Пробовал писать стихи, очерки. Даже на конкурсе в школе премию получил.

Посмеивался сначала отец над увлечениями сына, а потом махнул на него рукой.

Самое тяжкое преступление, какое может совершить родитель, — это предать ребенка. Верить всегда, чего бы это ни стоило, что бы ни случилось. Только такая вера способна воспитать родственную душу, человека, любящего своих родителей.

Ту ночь Вовка запомнил надолго. Сон не шел. Он лежал с открытыми глазами, вслушивался в дыхание матери. От сердечных капель, которые размешал ей Вовка в стакане с водой, матери лучше не стало. Вызвали «скорую помощь». Сделали укол. Мать уснула.

Когда она проснулась, Вовка сидел рядом. Он взял ее руку и стал быстро-быстро говорить: «Мамочка, я больше никогда не буду, вот увидишь! Хочешь, я сам признаюсь: я деньги у тебя из кошелька взял и еще весной брал два рубля... Никогда больше не буду, только выздоровей». Мать погладила сына... От этого прикосновения Вовка заплакал.

Стало жалко самого себя. И обидно, что он такой плохой и неблагодарный.

Анна Ивановна смотрела на сына и понимала, что происходит в его душе. Пусть что угодно говорят люди, он у нее хороший.

В такие минуты она очень хотела верить: ее сын вырастет настоящим человеком, добрым, честным, отзывчивым.

Каждый день ребенок приобретает не только положительный, но и отрицательный нравственный опыт. Лицемерие, двоедушие, ложь, самовлюбленность, наслаждение своей подавленностью или одиночеством — с этим надо бороться каждый день и каждый час.

Боев по-своему заботится о сыне, но его попытки проникнуть в душу Кости вызывают в мальчике протест. Это — грубое вторжение. Отца Кости не интересует душевное состояние сына. Главное для него — уличить, а затем сломить его, то есть перекроить мальчика в соответствии со своими взглядами.

Значит ли это, что активное вторжение в мир ребенка нежелательно? Нет, не значит.

Сила воздействия как раз и заключается в том, чтобы, видя в маленьком человеке личность, активно влиять на ее развитие, обязательно соблюдая при этом элементарные нормы этики.

Важно отметить и другое. В моменты наивысших эмоциональных напряжений, так называемых «взрывов», мы бываем особенно проницательны. Неожиданно перед нами открывается то, о чем мы раньше только догадывались.

Попробуйте проанализировать свое состояние в момент самой бурной вашей реакции. С одной стороны, в один миг вы вдруг увидели то, что раньше было скрыто от вас. Ваше видение настолько сконцентрировалось на этом, что все остальное поблекло. И тут же рядом с глубиной проникновения — полная слепота. Если человек не в состоянии в период вспышки преодолеть эту слепоту, это «невидение» всего окружающего фона, который не менее важен, чем эта самая постигнутая вдруг истина, то он просто не в состоянии окажется не только правильно использовать полученную информацию, но и удержать ее, освоить разумом.

Прибегая к методу «взрыва», А. С. Макаренко сознавался в том, что «взрыв», обращенный в среду детей, доставлял ему самое настоящее человеческое страдание. А нервы у него, как он выражался, были подобны тротилам. Категорически выступая против самой идеи воспитания страданием, Макаренко искал способ «замены» естественно, стихийно возникающего бурного чувства управляемым, организованно направленным потоком эмоций.

Кажется, все очень просто: надо соотнести внутреннее состояние ребенка с внешними проявлениями его, то, что находится глубоко внутри, с тем, что на поверхности, в повадках, в манере держаться, говорить, смеяться. И вот тут-то подстерегает непредвиденное: нам казалось, что мы хорошо знаем ребенка, и вдруг в один миг мы открываем, что наше знание было ошибочным, что ребенок-то совсем иной.

Дети обладают удивительной способностью приспосабливаться к реакциям взрослых, каким-то особым чувством быстро постигать их вкусы и потребности и в угоду им подавать себя. Именно это свойство приспособления дает им возможность сохранить, как ни странно, самих себя, свое истинное «я». Костя Боев перед отцом паинька, весь внимание, готовность выполнить любое его требова-

ние. Но таков ли он на самом деле? Сможет ли он когда-нибудь простить отцу унижение в нем, Косте, человека? Горькие обиды, причиненные в детстве, оставляют след на всю жизнь. И чем ближе человек, нанесший обиду, тем сильнее след, тем труднее ее забыть. Обиды калечат нравственно, рожают комплекс неполноценности, от которого избавиться очень трудно.

Мы не замечаем порой, как наряду с приобретением полезных привычек, наряду с положительным у ребенка одновременно постепенно накапливается и отрицательный нравственный опыт. Он приобретает умение «правдиво» лгать, «откровенно» лицемерить, «доверительно-нежно» вымогать. Из-за педагогической близорукости мы иногда не видим этого второго плана. А затем разводим руками: «Как же мы проморгали сына?»

Жестокость старшего Боева породила в сыне лицемерие, которое стало нормой поведения мальчика. Он заискивает и перед отцом, и перед товарищами. У мальчика даже выработалась жалобно-ласковая улыбка, за которой скрывается иной раз и злость и ненависть.

На следующий день после той злополучной ночи отец разбудил Костю. Мальчик вскочил мгновенно, глянул на отца. Отец терпеть не мог, когда дети не смотрели ему прямо в глаза. Он всегда говорил в таких случаях: «Значит, совесть не чиста». И у Кости всегда наготове такое выражение, которое устраивало отца — скромность, уважительность, правдивость. Прочитав все это в глазах мальчика, отец остался доволен, совершенно не подозревая того, что сын, защищаясь своими средствами, по сути дела, лгал. Возможно, слово «лгал» не совсем точно передает смысл взгляда Кости. Он всячески старался угодить отцу, ибо боялся его. А там, где страх руководит действиями ребенка, там неизбежно накопление отрицательного опыта.

По-иному складывались отношения в семье Зарубиных. Вовка рано почувствовал слабость матери и стал пользоваться этим. Мать старалась воздействовать на Вовку наставлениями, упреками, слезами. Она стремилась пробудить в сыне совесть, правдивость, честность. Поощряла его самостоятельность, радовалась той мужественности, которая, как ей казалось, начала проявляться в поведении сына. Понимала она и другое: мальчик может отбиться от рук, может попасть под плохое влияние. Конечно, она чувствовала: что-то в воспитании сына ею упущено. Но не могла понять что.

Она вспомнила, как сын завоевал себе право на самостоятельность. Сначала, когда был маленьким, если ему что-то запрещалось, кричал истошным голосом, падал на пол, бил ногами, визжал до тех пор, пока мать не сдавалась, не уступала. Малыша очень устраивало, когда мать говорила: «У него с нервами не совсем в порядке».

Но по мере того как Вовка подрастал, истеричность стала постепенно исчезать. Что же произошло? Вовка, мальчик самолюбивый, привыкший скорее командовать, чем повиноваться, там, на улице, быстро сообразил, что капризами и слезами в среде ребят авторитета не завоюешь. Его притязания были так жестоко однажды высмеяны ребятами, что он больше к средствам подобного рода не прибегал. Он понял: лидером становится тот, кто бесстрашен, кто готов в любую минуту доказать свою смелость. И он усвоил манеру независимости, в нем появился тот детский максимализм, который позволял ему утверждать: «Все, что захочу, то и сделаю». Эту манеру он перенес и на отношения с матерью. Не пустила его мать на улицу играть в футбол — выпрыгнул в окно, ей же хуже будет: пусть поволнуется.

Быстро усвоил Вовка и другое: настоящий вожак великодушен. Маленьких не обижают. Лежачих не бьют. Товарищи любили его за то, что он защищал слабых. Вовку просили: «Заступись». И он заступался. Но это была не только защита слабого. Скорее это было утверждение своей силы, расширение сферы своего влияния. Потом он научился «заступаться» чужими руками. Он говорил: «А ну, дай ему», а сам наблюдал. Если с «противником» поступали несправедливо, он вмешивался и заступался уже за него.

Мать считает Вовку добрым по натуре. Не будем спорить. Но сколько за этой добротой расчетливого, ложно-великодушного, кичливого и высокомерного? Во что разовьются эти качества, разумеется, во многом зависит от матери. У Анны Ивановны не хватало сил на такой решительный разговор с сыном: «Ну вот что, Вова, раз ты меня совсем не слушаешь, я тебя определяю в интернат». Строгий разговор необходим, но не для того, чтобы запугать мальчишку, а для того, чтобы дать ему почувствовать, что он не один в этом мире, что такие же права, если не больше, на получение радостей и удовольствий имеют и другие, что с этим он должен считаться. Впрочем, что-то подобное Анна Ивановна произносила не раз. Но говорилось это так, что сын был уверен: просто-напросто очеред-

ная нотация. «Какие еще там интернаты,— скорее чувствовал, чем думал Вовка,— разве она проживет хотя бы день без меня?»

Вовка все больше убеждался в том, что мать теряет власть над ним. И мать понимала, что не в состоянии довести свои требования до логического завершения, то есть добиться, чтобы сын считался с нею.

**Гибкость и мягкость в воспитании
не исключают решительности и твердости.
Справедливая, твердая нравственная позиция,
бескомпромиссно отвергающая всякие отклонения
морального порядка,— вот чего иной раз
недостает родителям**

Я в своей педагогической практике часто сталкивался с родительской растерянностью. Мне часто приходилось общаться с так называемыми трудными детьми из неблагополучных семей. Должен сказать — я в это всегда верил,— что большинство ребят из этих семей обладали многими достоинствами — волей, предприимчивостью, самостоятельностью, смелостью. Однако часто эти положительные качества оборачивались злом: именно смелость и решительность, инициатива и самостоятельность нередко приводили подростков в детскую комнату милиции и даже в колонию, на скамью подсудимых. Динамические свойства души реализовывались в безнравственном поступке.

Мне приходилось общаться с преступниками-рецидивистами. Я интересовался их детством. Старался выявить ошибки в воспитании, допущенные, в частности, родителями. И всякий раз — это подтверждали и сами преступники — выяснялось, что в детстве никто не проявил к ним разумной требовательности.

Полная свобода, полная безнаказанность и безответственность — вот та крайность, которая приводит ребят к совершению аморальных поступков, рождает жестокость.

Не менее опасна и другая крайность, которой придерживается отец Кости Боева,— подавление свободы, унижение достоинства ребенка, жестокие наказания. Ребенок протестует против насилия. В нем накапливается, если можно так выразиться, потенциал неприязни. А рано или поздно это скажется. Проявится тогда, когда у по-

взрослевшего ребенка давнее желание отплатить за свои страдания и обиды, выместить их на другом, пусть даже самом близком человеке, станет уже непреодолимым.

Интересная закономерность: наше педагогическое видение отстает от стремительного роста ребенка. Мы сегодня представляем его одним, а он уже ушел от «сегодняшнего» себя, и стал иным. И если мы не сумеем изменить свое прежнее представление, неизбежен конфликт. Способность быстро фиксировать все изменения в детях — это одновременно и переориентировка в отношении к ним.

В психологии есть такой термин — «внутренний взор». Если внешнее видение направлено на то, чтобы как можно больше зафиксировать наиболее значительного в становлении детей, во всей окружающей их обстановке, то «внутренний взор» позволяет увидеть самое существенное в развитии ребенка, увидеть его в тех ситуациях, которых еще не было, но которые вполне возможны.

Павел Федорович Винник исходит из такого убеждения: образованность — вот основное звено модели, в которую вписывается сама по себе нравственность. По его мнению, все очень просто: Юра умен, начитан, а все остальное приложится. Поэтому он не желает думать над тем, что подметила в сыне Мария Алексеевна.

А Марию Алексеевну беспокоило то, что сын так быстро отказался от товарища, так быстро согласился с тем, что он во всей этой ночной истории несколько не виноват, что его просто втянули дурные, скверные мальчишки, с которыми не следовало водиться. «Как все это нехорошо,— думала Мария Алексеевна.— Так и беды не миновать: вырастет черствый человек, трус, жестокий в своей безответственности».

Последующие события еще больше ее встревожили. Через два дня после этой истории Юра пришел домой весь в грязи, с порванным портфелем, заплаканный. «Они... побили,— всхлипывал он, рассказывая матери,— Вовка, и Костя, и Миронов еще... За то, что я честно, как говорил папа, рассказал все, как было...» «Где рассказал?» — спросила мать. «Сначала у директора, потом в учительской, а потом на совете дружины...»

В свое время Мария Алексеевна любила говорить о том, что ребята никогда не бьют зря. Что у ребят есть свои мальчишечьи законы, которые отвергают ябедничество, трусость. Она знала еще и то, что соблюдение этих законов и правил у ребят сопровождается порой жестокостью.

И это, разумеется, страшно. Теперь же, когда ее сын оказался избитым, она заволновалась и, может быть, поэтому забыла о том, что говорила когда-то. Выяснив у сына подробности, она отправилась в школу.

Там ее успокаивали: мальчик у нее замечательный, виноваты во всем другие, это они втянули Юру, ей нужно запретить сыну дружить с ними. Но чем больше ее успокаивали, тем сильнее росла в ней тревога, тем больше она убеждалась в том, что эти «другие», к которым в школе собираются «принять меры», в чем-то лучше ее сына.

Каждый день приносил новые неприятности и все новые доказательства того, что тревога матери не напрасна. На тетради сына огромными печатными буквами было выведено слово «предатель», с ним не пожелали сидеть за одной партой. Но самое удручающее то, что Юра считал себя во всем правым и радовался, что Вовку и Костю накажут.

**Если вы совершили нравственную ошибку,
не бойтесь ее исправить,
даже если это будет грозить
временным разрывом отношений
с близкими или с друзьями**

Мать мучительно думала, как поступить, сопоставляла факты поведения сына с тем, чего она постоянно требовала от него.

Как быть? Кто прав? Да, она всегда настаивала на том, чтобы сын говорил правду, как бы тяжело ему ни было. С точки зрения этих ее требований все казалось нормальным. Сын выполнил их. Он один сказал правду, не боясь наказания. Мария Алексеевна часто говорила сыну и о ложной смелости, показной романтике. Ведь Юра, наверное, знал, как отнесутся к его поступку товарищи. И все-таки он пошел на то, чтобы сказать правду. Не побоялся осуждения друзей. И не стал скрывать от товарищей того, что он расскажет все. Может быть, это и есть та принципиальность, которую она хотела воспитать в сыне? Но, честно признавшись, Юра обвинил во всем товарищей.

Она решила поговорить с сыном, но не знала, как и с чего начать... Все получилось как-то само собой.

Вечером мать, как обычно, читала вслух и вдруг отложила книгу: «А знаешь, сынок, я, кажется, поняла, что

надо делать. Завтра я пойду к Вове и извинюсь перед ним за тебя».

Юра был поражен. «А чем же я виноват?» — обиженно спросил он. «Неужели ты не понимаешь: ты лучший ученик, член совета дружины, ты обязан вести себя мужественно, а не сваливать свои ошибки на кого-то. И ребята по-своему правы. Даже в том, что отлупили тебя... Ты должен был и у директора, и у завуча, и на совете дружины сказать: я тоже во всем виноват. И тебе было бы намного лучше и ребятам».

Мать видела, как краска медленно заливает щеки сына. Она оставила его одного. Отца не было дома. Она стояла в кухне и прислушивалась к каждому шороху, который доносился до нее из комнаты. Ей было жалко сына... А немного спустя мальчик пришел к матери. Уткнулся головой в ее плечо и, всхлипывая, стал говорить: «Я завтра же всем им скажу: и директору, и вожатой, и ребятам...»

— Вот это ты молодец, что решил.

Мария Алексеевна пришла к верному выводу потому, что она глубоко вникла в ситуацию, тщательно проанализировала все обстоятельства. Она сумела разглядеть за внешним поведением сына его душевное состояние: избежав наказания, он все же признавал себя виноватым перед товарищами. Она сумела понять переживания своего ребенка, настроение его друзей. Это помогло ей повлиять на сына, подготовить его к принятию правильного решения.

Ведь хорошо известно: убедить человека в чем-либо легче всего его же собственными мыслями. Разумеется, для этого надо знать человека, уметь представить ход раздумий в различных ситуациях. Попробуйте нарисовать ребенку картину его возможного поведения в тех или иных случаях. Попробуйте вслух проанализировать его мысли и действия, желания и стремления так, чтобы он узнал себя в этом анализе. И если это «узнавание» произойдет, он непременно задумается над собственными поступками. А такие раздумья могут решающим образом определить его дальнейшее поведение.

Юра сделал так, как обещал. Ребята помирились, и их отношения — не сразу, но постепенно — наладились.

Ваше живое общение с детьми, не понукание, а совместный труд — вот что может пробудить детскую увлеченность учебными занятиями. Важно видеть в своем ребенке не просто ученика, а человека, гражданина, личность!

Большая часть детского времени занята школой — уроками и подготовкой к ним. Но разве ребенок воспитывается только в ходе учебных занятий? А сколько обвинений в адрес школы! Некоторые родители доходят до того, что вообще снимают с себя всякую ответственность за воспитание детей.

Несомненно, какое бы большое место ни занимала в жизни детей школа, главная ответственность за их воспитание все же лежит на родителях. Они лучше знают особенности своих ребят, имеют значительно больше возможностей влиять на них. Но не всегда педагогам и родителям удается найти единый подход к школьнику, выработать общие требования. Попробуем разобраться в этом.

Если учеба — это труд, то совершенно естественно, что я, как педагог, несу ответственность за этот труд и смотрю на ребенка прежде всего с точки зрения его отношения к этому труду. Так же, как и в условиях производственной деятельности взрослых, оценку человеку дают прежде всего по его деловым качествам, а затем уже личностным. У родителей, знающих своих детей во всех проявлениях, несколько иное видение.

Педагог, который одновременно организует труд двадцати — тридцати учеников, просто не в состоянии охватить своим вниманием всю сумму индивидуальностей сразу. Естественно, что его основные усилия направлены на воспитание у детей сознательного и добросовестного отношения к учебе, ибо от этого зависит качество их знаний. Именно поэтому чаще всего и случается, что педагога интересует не просто душа ребенка, а говоря словами Льва Толстого, «школьное состояние души».

Однако хорошим воспитателем, мастером становится тот педагог, который стремится преодолеть такую ограниченность взгляда на ученика. И помочь ему в этом могут родители.

Юра Винник не родился отличником. По своим способностям он даже уступает Вовке Зарубину. Но мать с первых дней учебы приучила сына к аккуратности, приле-

жанию, дисциплине, к четкому соблюдению режима. Поначалу Юра, как и Вовка Зарубин, рвался к детским играм, затеям, любил гулять и меры в этом тоже не знал: энергии-то хоть отбавляй. И вот тогда мать вводит в жизнь мальчика новые занятия, требующие напряжения, затрат времени и сил. Два раза в неделю — уроки музыки, два раза в неделю — технический кружок, раз в неделю — рисование, лепка.

Ритм, за налаживанием которого в первое время тщательно следила мать, стал впоследствии нормой в жизни сына. Так же, как и у Вовки Зарубина, у Юры на первых порах не ладилось с письмом. Мать садилась рядом с ним, когда он готовил уроки, и добилась, чтобы мальчик справился с этими трудностями. Вскоре и аккуратное письмо, и умение быть внимательным при выполнении письменных заданий вошли у Юры в привычку. А как часто можно наблюдать совсем иную картину: родители сурово отчитывают своего ребенка за плохие отметки вместо того, чтобы посидеть и позаниматься с ним, выяснить причину неуспеваемости, помочь наверстать упущенное.

Детям очень интересно заниматься со взрослыми. Когда рядом взрослый, это не просто надзор, это прежде всего живое общение, к которому так тянется ребенок. Но тут нужна своя мера. Мария Алексеевна заметила: ее сын начинает привыкать к тому, что она всегда сидит рядом во время приготовления уроков. Он уже просто говорил: «Мама, давай делать уроки». Мать вовремя поняла опасность этой привычки и постаралась отучить сына от нее. При этом она ни разу не сказала ему: «Нет, хватит, делай сам». Она прибегала к косвенному воздействию: отходила от сына по «неотложному делу», ссылаясь на занятость, нездоровье и т. п. Так постепенно Юра приучился к самостоятельному выполнению домашних заданий.

По-иному складывались учебные дела у Вовки Зарубина. С первых школьных лет мальчик привык: пока мать раз десять не скажет «садись за уроки», он и не подумает раскрыть учебник.

Как быть в таких случаях, когда у ребенка уже сложился отрицательный стереотип, когда вредные привычки стали прочными? Всякая ломка стереотипа может проходить болезненно, но может доставить и радостное переживание. Чаще всего удовлетворение ребенок испытывает тогда, когда необходимость изменить свое поведение им самим осознана и внутренне принята.

ПРЯМАЯ И ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

Специфика педагогической деятельности состоит в том, что воспитатель имеет дело с живым человеком, который, как мы уже говорили, и сам творит себя, и критически относится к окружающему миру, ко всем воздействиям и влияниям извне.

Каждый из нас может привести немало примеров семей, где родители хорошо воспитывают своих детей, казалось бы, не применяя при этом педагогических знаний. Не имея специальной научной подготовки, они обладают прекрасным педагогическим даром.

Как и всякие другие способности, педагогические развиваются в процессе самой воспитательной деятельности, в творческом применении постоянно накапливаемого опыта на практике. И вот здесь знания основ педагогики могут во многом помочь родителям. Они научат анализировать свои действия, точно устанавливать их воспитательную направленность.

Многие воспитатели убеждены в том, что они должны, обязаны реагировать на каждое нарушение ребенком норм поведения, реагировать быстро, неотложно. Стоит упустить в малом, рассуждает такой воспитатель, как один дурной поступок повлечет за собой следующий. Казалось бы, ход мыслей правильный: незамедлительность реакции — благо. Но как часто эта поспешность оборачивается злом!

Если воспитатель, поддаваясь первому рефлексорному побуждению, прибегает к крику, наказанию, то может ли такая реакция, даже вполне искренняя, но порожденная непониманием психологии ребенка, нежеланием считаться с его состоянием, привести к положительным результатам?

Что получается на деле? Отец Кости Боева еще до того, как увидел сына в милиции, до того, как выяснились обстоятельства его проступка, уже решил наказать мальчишку. Он не считал нужным вникать в мотивы поведения сына. Костя для него еще не личность. С ним можно не считаться.

Практика подтверждает, что нервная реакция — самое грубое средство воздействия, травмирующее ребенка, не дающее желаемого результата и потому вредное. К нему прибегают, не зная других средств или не желая раздумывать над их выбором.

И Вовка и Костя Боев в тот момент, когда они находились в милиции, отлично знали, как отреагируют родители на их затею с ночевкой на чердаке. А когда взрослые начинают «повторять» уже мысленно пережитую ребенком сцену, воспитательный эффект значительно снижается. Ребенок усваивает родительские штампы, и у него вырабатывается навык ответных штампов. Поговорите с пятиклассниками: спросите у них, как отреагируют родители на тот или иной их поступок, и большинство из них точь-в-точь воспроизведет вам их реакцию. И лишь два-три ученика не смогут предугадать возможный характер реакции.

Родители, действия которых зависят не от настроения, серьезно задумываются над формой выражения своих чувств и мыслей. Юра Винник никогда не знает, как выразит мать свое отношение к его поведению, потому что оно, как правило, всегда облекается в новую, часто неожиданную форму. Мария Алексеевна это делает сознательно, так как уверена, что новизна в предъявлении требований помогает достигнуть лучшего их выполнения. Она говорит об этом так: «Мне большого труда стоило отучить себя от немедленной реакции на дурное поведение мальчика. Вижу, бывало, что сын поступает неправильно, и тут же во мне вспыхивает желание остановить, одернуть, прикрикнуть. Мне удалось приучить себя сдерживаться. Сдерживаться для того, чтобы лучше продумать свое отношение к мальчику, выбрать наиболее правильную форму требования».

Когда родители жалуются, что дети уже «совсем истрепали им нервы», можно с уверенностью сказать: в таких семьях крик стал нормой общения. А это изнуряет и взрослых и детей.

Привычка к окрику сильна и опасна. Попробовав несколько раз воздействовать криком, человек уже не может остановиться. Крик как бы дает разрядку напряжения, доставляет кажущееся облегчение, создает видимость воздействия, прикрывает бессилие. И все дурное, что проявляется в крике — раздражительность, грубость, жестокость, вызывает у детей отрицательную реакцию, обижает, ранит и мешает по-настоящему понять, в чем же они в данном случае провинились.

Нельзя замыкаться

только на требованиях к ребенку.

Иногда полезно скрыть свою линию поведения

Не всегда нужно напрямую говорить с воспитанником. Бывают такие обстоятельства, когда просто необходимо избежать прямого, открытого разговора, который может чем-то задеть, обидеть ребёнка. Тогда воспитателю лучше воспользоваться так называемым косвенным педагогическим действием.

Как часто мы слышим замечания родителей, скажем, за обеденным столом: «Не чавкай!», «Как ты ложку держишь!», «Не ерзай!». Сколько этих запретов, досадных, надоевших! Все это прямые действия, негативные по форме. А ведь возможны и косвенные. Я слышал, как Мария Алексеевна рассказывала ребятам (разумеется, с целью) об одном своем знакомом, который удивительно хорошо — непринужденно, естественно, красиво — держался за столом. Она описывала именно те манеры знакомого человека, которых так не хватало ее сыну и его товарищам. И дети после этого разговора старались вести себя за едой иначе, хотя, казалось бы, прямых требований им никто и не предъявлял. Косвенное воздействие внешне несколько отдалено от объекта, но оно зачастую точно достигает цели: ребята ценят тактичность. Косвенное воздействие позволяет влиять, не задевая самолюбия ребенка, не подавляя и не раздражая его.

Косвенное воздействие не придумано педагогами. Оно вытекает из самой природы общения людей. Если у меня растет сын, то я знаю, что он в своем общении испытывает влияние всех тех, с кем сталкивается ежедневно. Естественно, что дети к каким-то влияниям безразличны, но есть люди, мнением которых они дорожат, порой даже больше, чем нашим, родительским. Я могу и лично непосредственно воздействовать на ребенка, а могу прибегнуть и к воздействию через этих «влиятельных лиц». Когда отец идет к учителю и говорит: «Вы знаете, мой сын... Попробуйте вы с ним поговорить...» — он прибегает к опосредованному воздействию. А разве не случалось нам в детстве слышать просьбу родителей наших товарищей и подруг: «Ты поговори с ним (или с ней), тебя-то он (или она) наверняка послушается». Опосредованность вовсе не обязательно свидетельство слабости или бессилия воспитателя. Это может быть показатель педагогической

грамотности, позволяющей достигнуть цели более уместными, тактичными средствами. И что еще очень важно — косвенное воздействие помогает развивать у детей инициативу и самостоятельность: ребенок, выслушав мнение, предложение, совет авторитетного для него человека, вроде бы сам принимает решение следовать ему.

Читатель помнит, как трудны были для Анны Ивановны первые школьные годы Вовки, сколько огорчений доставлял он ей своими выходками, нерадивостью. Правда, мать успокаивала себя мыслью: со временем сын поймет и оценит ее отношение к нему. Утешало ее и то, что Вовка стал лучше учиться. С пятого класса он увлекся рисованием, записался в городскую детскую художественную студию. Очень много дала мальчику дружба с новым классным руководителем, который нашел подход к нему и даже открыл в нем немало достоинств. Владимир Петрович не раз говорил на собраниях: Володя Зарубин хороший товарищ, любознательный и способный.

Надо сказать, что до пятого класса родительские собрания были пыткой для Анны Ивановны. Учительница, казалось ей, говорила только об одном Вовке — о его неаккуратности, недисциплинированности, неуважении к старшим. Как же она была благодарна Марии Алексеевне, которая на одном из родительских собраний высказала свое мнение о Зарубине: по ее наблюдениям, он очень способный ученик и хороший товарищ. Но это выступление только рассердило учительницу. Она, правда с оговорками, твердила свое: «Вот я и так пробовала, и так. Я говорила с ним и по-хорошему. Но в нем сидит бес...» Где-то в глубине души Анна Ивановна не соглашалась. Ей хотелось возразить: «Да посмотрите вы на него внимательней! Разве все дело в том, что он грязно пишет? Вы говорите, что у него есть способности к математике, а в дневнике по этому предмету двойки да тройки. В чем же дело?» Но она сдерживалась, молчала.

Однажды Анна Ивановна, ничего хорошего не ожидая, открыла дверь своей квартиры новому классному руководителю. Каково же было ее удивление, когда Владимир Петрович сказал: «Я пришел вас порадовать. Если вы позволите, я буду говорить в присутствии вашего сына». Вовка насторожился. С новым классным руководителем с первых дней его появления у него произошел конфликт: Вовка надерзил ему. И теперь, увидев в своем доме Владимира Петровича, он, разумеется, немного испу-

гался. Когда учитель начал расписывать Вовкины достоинства, тот только язвительно посмеивался, считал весь этот разговор педагогической хитростью и ожидал неизбежного перехода: «А теперь поговорим о недостатках...»

Но ждал Вовка напрасно. Он даже был раздосадован, когда учитель, попрощавшись, ушел, ни словом не намекнув на происшедший в классе конфликт.

Мы воздействуем на ребенка с целью вызвать у него необходимую, с нашей точки зрения, реакцию.

И эта ответная реакция содержит новую ценную информацию о развитии ребенка, помогает взрослым выбирать средства дальнейшего воспитательного воздействия, как прямого, так и косвенного. Знание природы обратных действий необходимо каждому воспитателю.

У детей как бы исподволь складываются представления о целях жизни, о характере общения, о нравственности, формируются наклонности и способности, развиваются, казалось бы, помимо воли родителей те или иные интересы. Этот собственный мир детского развития нельзя игнорировать, его надо уважать, всячески поощрять.

В вашем ребенке произошли какие-то изменения. Они явились результатом не только вашего влияния и воздействия окружающих. Он сам внес те или иные коррективы в свое развитие. Если этого не учитывать, воспитание неизбежно превращается в дрессировку, становится авторитарным по своей сути, а воспитанность может оказаться кажущейся, внешней, не соответствующей истинным склонностям и убеждениям ребенка.

Принято считать, что между нравственностью родителей и детей прямая связь. То есть, если родители скупы или расточительны, злы или добры, искренни или лицемерны, то соответственно именно такие качества воспитываются и у детей. Но случается и наоборот. Ребенок вдруг становится антиподом своих родителей, у него развиваются прямо противоположные качества.

Это чаще всего наблюдается в тех семьях, где родители слишком рьяно берутся за воспитание у своего ребенка тех или иных черт, качеств, навыков, за него решая, кем ему быть, чем заниматься. И если стремление родителей противоречит наклонностям ребенка, не свойственно его натуре, то такая рьяность, как правило, приводит к обратным результатам. Ребенок изо всех сил сопротивляется, более того, эти требования родителей вызывают у него отвращение.

Так случилось с Костей Боевым. Мальчик не может возразить отцу прямо и открыто, но втайне для себя он уже решил, что отец ему — не пример. Он пересматривает и отвергает весь уклад семьи, все то, что не соответствует его представлениям об идеале, о смысле жизни. Пусть эти представления еще смутны, не сформулированы, но в них страстный протест против установок отца.

Детский протест не всегда упрямство. В нем нередко — стремление прокладывать свои пути, изменять жизнь к лучшему.

Вот ответы Кости на анкету, обращенную к ребятам. На вопросы «Что мешает иногда найти общий язык с родителями?» и «В чем я хочу быть похожим на своего отца, мать?» Костя ответил: «Я не хочу быть похожим на своего отца, который помешан на собственности. Для него заработки — основное в жизни. Он считает каждую копейку, презирает тех, кто легко тратит деньги. Я ненавижу деньги и считаю, что собственность мешает людям найти общий язык друг с другом». Нет, ни за что на свете он не будет жадным, хозяином, как хочет отец. Культ наживы в семье Боевых породил в Косте прямо противоположное желание.

В семье Винников совсем иная проблема. До седьмого класса жизнь Юры катилась словно по рельсам. И мать даже побаивалась, как бы сын, покинув со временем эту накатанную колею, не оказался беспомощным. Но уже в седьмом классе Мария Алексеевна стала замечать, что сын готов не только сойти с намеченного ею пути, но даже проложить собственную дорогу. Он был все так же аккуратен, целеустремлен и последователен, но не слепо, как раньше, подчинялся матери, а делал лишь то, что ему казалось важным и полезным. К огорчению матери, он увлекся вместо классической музыки эстрадной, вместо «серьезной» литературы упивался фантастикой, вместо тенниса занялся боксом. Теперь он выслушивал советы матери чуть-чуть снисходительно.

Казалось, все это должно было радовать Марию Алексеевну. Разве не к этому она стремилась, когда хотела, чтобы сын дружил с Вовкой Зарубиным? Но в процессе воспитания часто бывает, хотим мы этого или нет, что дети вносят свои поправки в наше педагогическое воздействие.

**Важно поощрять стремление к независимости.
Конфликты, возникающие в ходе самоутверждения
ребенка, естественны**

С содроганием смотрела Мария Алексеевна на сына, который молотил пустоту быстрыми и четкими ударами. У боксеров это называется «бой с тенью». На потном лице Юры застыла, как виделось матери, злая улыбка, словно он с наслаждением бил кого-то, радуясь каждому удару. Он стал даже ходить как-то иначе: плечи приподняты, голова втянута. Как-то мать заметила: «Юра, ты со своим боксом забросил все: и музыку, и радио, не делаешь ли ты ошибки?..» Сын покачал головой: «Ты не знаешь, что для меня сейчас бокс...» Он так горячо говорил о своем увлечении! Особенно ее поразили слова: «Знаешь, мама, я хочу быть сильным и независимым. И бокс дает мне это. Надоело, что в классе каждый может меня толкнуть. Я больше не могу этого терпеть».

Мать попыталась разъяснить Юре, что силой люди вообще друг другу никогда ничего не доказывали, но сын только снисходительно улыбнулся в ответ.

Настоящая ссора разразилась в тот день, когда в дом явилась учительница музыки и стала жаловаться на Юру. Оказалось, что он пропускает занятия, сорвал концертную программу: вывихнул палец на боксе и не смог играть. Учительница говорила очень резко: «Музыка несовместима с таким варварским занятием, как бокс, где люди калечат себя и других. И пусть родители решают...»

Отец заверил учительницу, что в спортшколу Юра больше не пойдет. Учительница ушла, уверенная, что сделала доброе дело. После ее ухода отец обрушился на сына. Но Юра заявил, что не намерен бросать бокс, что скоро поедет на соревнования и что музыка ему порядочно осточертела за восемь лет. И вот тогда отец распахнул окно. Во двор полетели груши, перчатки, книжки о боксе.

Мария Алексеевна после ухода отца заметила сыну: «Я на твоём месте не стала бы доводить папу до такого состояния». Юра не слушал. Он выбежал во двор, собрал выброшенное и аккуратно положил все на прежние места. Тогда-то мать поняла, что сын не изменит своему увлечению ни за что.

У Юры была цель. Учился он хорошо, учителя его хвалили, знакомые родителей, соседи по дому превозносили его школьные успехи, его усидчивость, прилежание, начитанность. А вот в обществе ребят ему порой бывало

трудно. Здесь первым считался тот, кто был сильным, ловким, смелым. Юра тяготился физической слабостью. Он наблюдал за ребятами из старших классов. Там тоже были отличники, и среди них особенно нравился ему Витя Жильчиков. Ровесники его уважали, с ним считались даже хулиганистые ребята. Этого парня, здорового, сильного и веселого, любили малыши, он всегда заступался за них. Вот таким, как Жильчиков, и мечтал быть Юра Винник.

Как видим, увлечение Юры закономерно и естественно. А если это так, то вправе ли родители настаивать на своем?

Когда родители исходят только из своих собственных представлений о жизни — разлад между ними и детьми неизбежен. В таких семьях дети с нетерпением ждут своего взросления, чтобы выйти из-под повседневной родительской опеки и начать жить так, как хочется им.

Но увлечения в подростковом возрасте зачастую недолговечны и переменчивы, и опасения родителей напрасны. Если музыка приносила мальчику истинную радость, он непременно вернется к ней. А уж если она ему в тягость, то, возможно, стоит подумать, нужны ли ребенку эти занятия?

Будьте терпеливы: не воспитывайте слишком рьяно. У каждого ребенка — своя линия развития, свое ощущение возможностей.

...О подростках написано очень много. Этот возраст считают трудным. Действительно, все, что накопилось в ребенке за короткую его жизнь, вдруг начинает давать себя знать, бурно проявляясь в деятельности, в отношении к окружающему миру. Наверное, именно этот возраст более всего имел в виду А. С. Макаренко, когда писал: «По силе эмоций, по тревожности и глубине впечатлений, по чистоте и красоте волевых напряжений детская жизнь несравненно богаче жизни взрослых. Но ее колебания поэтому не только великолепны, но и опасны». Если в младшем школьном возрасте заботы, тревоги и устремления ребят, как правило, со всей очевидностью выражаются в их поведении, если в этом возрасте ребенок легко управляем и многое принимает на веру, то подростковый возраст с его усложнившимся внутренним миром проявляет необыкновенную категоричность и требовательность к окружающим, стремление к независимости, самостоятельности. Период бурь может продолжаться несколько лет и утихнет тогда, когда сила разума возьмет верх над эмоциями, то есть в юношеском возрасте. Считается,

что юноши более спокойны, чем подростки. Однако это спокойствие скорее чисто внешнее. Юноша весь уходит в себя. Он внутренне неспокоен.

Подростковый возраст — возраст пробы сил. И как важно не помешать ребенку испытать радость от первых самостоятельных шагов. Как важно помочь ему потягаться с жизнью, побороться с самим собой, применить весь свой багаж знаний, опыт, умение!

Избегайте неоправданных конфликтов с детьми

С подростком бывает трудно еще и потому, что наши представления не поспевают за его бурным развитием. Родители привыкли обращаться с ним как с ребенком, а он требует к себе совсем иного подхода, он вырос уже из тех детских одежек, которые, казалось, были ему впору еще совсем недавно.

В подростковом возрасте определяется и характер будущих отношений между взрослыми и детьми. Именно в этот период становится ясно, будут ли отношения детей и родителей дружескими или в них появится отчужденность, и тогда общение будет в тягость для обеих сторон.

Итак, подросток требует к себе особого подхода. Он настаивает на том, чтобы ему предоставили как можно больше самостоятельности. Он стремится утверждать себя везде, где только это возможно. Он отвоевывал себе кусочки самостоятельности сознательно или бессознательно, ему нужно, чтобы с его мнением считались, чтобы его внутренний мир признавали и относились к этому миру с должным уважением.

Его самолюбие становится необыкновенно уязвимым. Если еще год-два назад обиды забывались легко, то сейчас они глубоко западают в душу. Он готов любыми средствами защищать себя.

Все это объяснимо и естественно. И мы должны рассматривать особенности возраста как достоинства, а не как недостатки. Но что получается в жизни? Горячность подростка, его несдержанность порой оборачиваются тяжелыми последствиями. Мы уже говорили, что в подростковом возрасте сила эмоций преобладает чаще, чем сила разума. Подросток не в состоянии еще спокойно и четко обосновать свои требования. Вихрь чувств захлестывает его. Он хочет сказать просто правду, а получается грубость, пытается настоять на своем — и выглядит бестактным упрямым. Самый незначительный конфликт

может привести к вспышке, взрыву. Все это порой доставляет страдание и взрослым и детям.

Попробуйте в момент такого взрыва помолчать, а когда страсти утихнут, сказать: «Ну, а теперь давай поговорим спокойно». А может быть, следует дать подростку возможность уединиться. И вы заметите, что ему становится стыдно за свою несдержанность, резкость и он в дальнейшем будет задумываться над формой выражения своих мыслей и чувств.

Но легко сказать «попробуйте», когда в голову лезут примерно такие мысли: «Если ему так все спускать, что же будет дальше? Нет, я непременно должен ему показать, что я старший и главный в доме...»

Наши конфликты с подростком происходят в основном потому, что мы не принимаем всерьез его особенности, которые от него не так уж и зависят и которые обусловлены его физическим и духовным ростом.

Оговоримся сразу, и это очень важно. Мы сейчас ведем речь о тех ненужных, неоправданных конфликтах, виновниками которых являются сами родители, не учитывающие возможных обратных реакций детей. И это отнюдь не значит, что родители не могут, не имеют права давать бой подросткам по кардинальным вопросам, касающимся нравственности, мировоззрения, убеждений. Но это наше вмешательство ничего общего не имеет с мелочной опекой, дерганьем ребят по ничтожным поводам, насилием над их человеческим достоинством.

Почему, обращаясь к взрослому человеку, мы всегда думаем, в какой форме высказать ему требование или просьбу, чтобы не обидеть, чтобы наше обращение прозвучало уважительно. А вот с подростком это не обязательно, считают многие родители. Случается даже, что требования родителей, предъявленные к подростку в правильной форме, не приводят к желаемым результатам — ребенок весь ушел в себя, замкнулся. Думается, что не всегда и не от всякого подростка нужно добиваться немедленной реакции. В такой период ухода в себя в нем может происходить внутренняя борьба мотивов, иногда даже до конца неосознанная. И пока этот процесс не закончится, пока подростком самостоятельно не будет принято решение, позитивного обратного действия не возникнет.

В таких случаях отрицательная реакция подростка на действия родителей иной раз является средством его самозащиты. Он защищается от чужого вторжения в

тот момент, когда переживает борьбу различных мотивов и эмоций. Ускорять этот процесс часто бывает нецелесообразно — человек сам до конца должен пережить свое отношение к окружающим. Но и оставлять одного подростка в этот период нельзя. В любой момент может потребоваться наше незамедлительное вмешательство и помощь.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ИНТУИЦИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ТАКТ

Нередко наше предчувствие, наше педагогическое чутье помогают выбрать нужную меру воздействия, проявить педагогический такт.

Что же такое педагогическое чутье, интуиция? Можно ли им довериться? Какая связь между тактом и интуицией?

Как часто в голосе родителей слышатся тревожные нотки: «С моим сыном что-то творится неладное», «Он стал каким-то другим». Все эти предположения основываются на реальных фактах и в той или иной мере связаны с интуицией. Под интуицией принято понимать такое непосредственное знание-чувство, которое может и не опираться на систему доказательств. Интуиция — всегда сплав логического и образного строя мышления, всегда сплав предчувствия, основанного на отдельных, часто разрозненных фактах, и мысли, которая уже родилась, но у нее еще нет достаточных аргументов.

В чистом виде интуиции не бывает. Какими бы мгновенными ни были интуитивные решения, они всегда предполагают предварительное накопление данных. Озарению, моментальному нахождению правильного педагогического воздействия предшествует напряженный поиск. Воспитатель в своих действиях всегда в какой-то мере опирается на чутье, то есть ему приходится, основываясь на каких-то сведениях, с помощью интуиции «достраивать» систему своих представлений. Поэтому очень важно, чтобы опорные данные были надежны и чтобы их было как можно больше.

Скрепляя собственные предчувствия мыслью, сверяя их с педагогическими знаниями, воспитатель, казалось бы неожиданно для себя, находит живую интонацию обращения, свой стиль общения с детьми. Разумеется, выбор верной тональности воздействия определяется главным

образом общей педагогической культурой воспитателя, хотя во многом зависит и от его личных качеств.

Интуиция в воспитании детей совершенно необходима потому, что запас личных впечатлений настолько быстро растет, что освоить получаемую информацию, привести ее в стройную систему мы порой просто не в состоянии. Во взаимоотношениях взрослых и детей на раздумье порой нет времени, нужны немедленные анализ и действие. Это, однако, не означает, что на интуицию можно положиться всецело.

Предчувствие редко обманывает матерей

Родительские тревоги бесконечны, сыплется как снег на голову. Не прошло у Юры увлечение боксом, как появилось более страшное: он увлекся мотоциклом. Мария Алексеевна не раз тайком плакала, а когда сын уходил на тренировку, мрачные предчувствия не оставляли ее. Но она понимала — с Юрой спорить бесполезно. Страхи ее оправдались: Юра сломал ногу, надолго вышел из строя.

Снова зачастили к Винникам Костя Боев, Вовка Зарубин. Приходили и девочки. Делали уроки. Говорили о прочитанном. Спорили. Костя шумел, называя фантастику «мусором», а книжки, которые читал Вовка Зарубин, «халтурой». Костя приносил с собой томики стихов. А Юра признавал только научно-популярную литературу и фантастику. Книжки о перспективах развития науки, о жизни замечательных людей, фантастические романы об «автоматизированной» жизни особенно увлекали его.

Мария Алексеевна лишь изредка вмешивалась в эти разговоры, только отмечала про себя, как выросли ребята, как различны их интересы. Конечно, литературные вкусы Кости ей были гораздо ближе, чем увлечения собственного сына, но что поделаешь...

Из девочек чаще всего бывала Люда Стайкина. Однажды мать нечаянно подслушала их разговор. Люда говорила: «А хочешь, я руку себе сломаю?» Сын рассмеялся. «А ты боишься огня?» — Люда чиркнула спичкой. «Брось, — вяло протянул Юра, а потом закричал: — Ты что, с ума сошла?» «А я думала, тебе меня не жалко...»

Через несколько дней после этого разговора мать, придя домой, столкнулась в дверях с Людой. Застегивая на ходу пальто, девочка опрометью выбежала. Мария

Алексеевна спросила сына: «Что с нею?» Юра только махнул рукой: «А ну ее... Дура, как и все девчонки». Мария Алексеевна опешила. Ее возмутило даже не грубое слово, а то выражение лица, с каким сын произнес эту фразу. Правда, она заметила, что Юра прячет глаза, словно чего-то стыдится. Хотела поговорить с ним сразу же, но не нашла подходящих слов. А Юра спустя несколько минут как ни в чем не бывало ласково заговорил с ней. Зная, что доставит матери удовольствие, в десятый раз заверил ее, что с мотоциклом у него все покончено и теперь он всерьез займется музыкой.

Люда перестала приходить к ним. Мария Алексеевна как-то встретила девочку в магазине, но Люда, сделав вид, что не заметила ее, юркнула в сторону и исчезла. Мать рассказала об этом сыну. Юра рассмеялся. «А ты знаешь, мне грустно от твоего смеха», — сказала Мария Алексеевна и вышла из комнаты.

От факта к обобщению не прямая дорога. Нередко требуется и оглянуться, и призвать на помощь опыт, который, казалось бы, не имеет прямого отношения к данному факту. Да и факты по своей значимости бывают разными. Порой оказывается более важным не сам конкретный поступок, даже если он в какой-то части и противоречит нормам, а мотив, побудительная сила его, которую обнаружить бывает очень трудно, потому что она тщательно скрыта.

Вот факты, которые пыталась как-то связать в единое целое мать Юры Винника: развязный смех, грубое слово, неискренний взгляд.

— Какие же это факты! — удивился Павел Федорович, когда жена поделилась с ним своими мыслями. — Сплошная интуиция...

— Называй как хочешь, — ответила Мария Алексеевна, — но я чувствую, почти уверена: он плохо относится к девочкам.

**Педагогический такт зависит от того,
в какой мере ваши интуитивные предчувствия
проверяются глубоким анализом**

Как трудно у подростка с его бурно изменчивым настроением, с его непостоянством увлечений и привязанностей определить зачатки добра и зла. Здесь без серьезного анализа, без раздумий никак нельзя. Одних предположений недостаточно. Даже знание фактов — еще не все.

Предстоит самое сложное: войти в мир переживаний ребенка, помочь ему разобраться в своих мнениях, желаниях, взглядах, вместе с ним найти единственно верную линию поведения. А для этого нужны такт, деликатность, чувство меры, которые помогут выбрать и верный тон общения, и нужные слова.

Да, пока у Марии Алексеевны одни только предположения. Но настоящий воспитатель не имеет права ждать, когда все окончательно прояснится: неверные представления могут пустить глубокие корни.

В последнее время много говорится о том, что с детьми надо быть чутким и добрым, что нужно уметь поговорить с ними по душам, чтобы не обидеть их, не оскорбить. Это все правильно. Но как еще порой далеки наши рассуждения от конкретной жизни, в которой так много острых углов! Подлинный педагогический такт определяется не тем, что воспитатель просто добрый человек, а его гражданской заинтересованностью в судьбе ребенка.

Вот Костя Боев. Трудно ему дома. Но страдает он и от своего физического недостатка — хромоты. Дети в таких случаях нередко становятся раздражительными и ожесточенными. И здесь такт не только в том, чтобы утешить, а в том, чтобы избавить ребенка от тягостных раздумий, от ощущения своей неполноценности. Чаще всего в таких случаях откровенный разговор по душам, может быть, пока и не нужен. В этом был убежден Владимир Петрович. А вот разговор с отцом Кости был необходим. И начал он его так: «Костя очень впечатлительный, у него, несомненно, литературные способности, ему стоит готовиться и поступать на факультет журналистики. Но вот мальчик как будто чем-то обижен». Эти слова учителя задели Боева-отца. Он не стал ни о чем расспрашивать, пришел домой сердитый и тут же лег. Из головы не выходило: «чем-то обижен». Чем? Ведь живем-то не хуже других... В полуоткрытую дверь отец наблюдал за сыном. А сын сидел за столом и читал. Иногда вскакивал, невнятно разговаривал сам с собой, смеялся. В эти минуты лицо его удивительно преображалось. Наутро отец спросил: «Что ты читал?» Костя ответил нехотя: «Да так, книжку». И не стал рассказывать о прочитанном. Отцу захотелось поговорить с сыном о будущем, но Костя ответил что-то неопределенное. Отец подбодрил: «А ты не робей! Журналистом стать — это неплохо. А то, может быть, еще и писателем будешь».

Костя видел, что теперь отец охотнее ходит на родительские собрания. Он больше не ругал его. Наоборот, хвалил. А однажды отец заметил: «Глядишь, и среди Боевых ученые появятся». Он стал даже проявлять повышенное внимание к занятиям сына, просматривал книги, которые тот читал, иногда спрашивал: «А может, нужна еще какая? Так ты скажи — дам денег».

Костя радовался этим переменам. И еще с большим рвением занимался в литературном кружке. В восьмом классе он начал выпускать с помощью Владимира Петровича классный рукописный журнал. Писал сценарии для школьных представлений. А когда впервые в городской газете напечатали его небольшую заметку, отец вырезал ее и спрятал в бумажник.

Надо ли подробно объяснять суть проявленного педагогом такта, его умение задеть за живое Костиного отца и тем самым заставить его изменить свое отношение к мальчику? Важно здесь выделить один существенный момент. Учитель знал о переменах в доме Боевых. Он ощущал эти перемены в Костином поведении, видел их во всем его облике, в его школьных успехах и делах. Но он и словом не обмолвился Косте, что в чем-то помог ему. Вот высшая форма проявления педагогического такта — сделать доброе дело как само собой разумеющееся.

Однако к концу восьмого класса, почти перед самыми экзаменами, Костя вдруг захандрил. Посыпались двойки. К урокам он не прикасался. Приходил домой, раскрывал книжку и так, не прочитав ни строчки, мог сидеть часами. Смотрел в окно, следил за облаками. Но стоило ему услышать шаги отца или матери, как он брал в руки учебник и делал вид, что занимается. Точно так же он отсиживал и все уроки.

«Что-то с Костей Боевым случилось», — заговорили в школе. С математикой у него всегда не особенно ладилось, а сейчас и с другими предметами беда. Кто-то из учителей оказался проницательным: «Видно, влюбился парень...» Пробовал заговорить с Костей Владимир Петрович. Мальчик отмалчивался, пожимал плечами, словно не понимая, о чем его спрашивают. Впрочем, он и сам не знал, что с ним происходит.

Бестактность, грубое вторжение в интимный мир детства — тягчайшее зло

Отец, узнав о двойках, набросился на сына так, будто его в чем-то обманули: «Я из тебя блажь выбью! Или кончай дурить, или отправлю тебя на работу. Пойдешь учеником к сапожнику!» Отец ждал слов, обещаний, но Костя спокойно сказал: «Отдавай куда хочешь».

Отец вскипел: «Ах ты неблагодарный! Я для него все, а он издевается над нами!» Костя едва заметно улыбнулся. Спокойствие мальчика привело отца в бешенство. Он схватил Костю за плечи и прямо в лицо процедил сквозь зубы: «Чего тебе не хватает?» Сын смотрел на отца с откровенной усмешкой. «Ты не пяль на меня глаза, лучше в книгу гляди, вот сюда...» — И он ткнул сына в раскрытый учебник.

На следующий день Костя после занятий сам отправился в сапожную мастерскую к знакомому дяде Мише и предложил свои услуги: «Хочу к вам учеником, возьмете, а?»

Сапожник неопределенно хмыкнул. Он ловко орудовал поочередно то шилом, то иглой. От него пахло клеем, кожей, резиной. Костя немного постоял у порога, а потом сел. Сел и спросил: «А вы довольны своей жизнью?» И, не дождавшись ответа, продолжал: «А я вот не понимаю, для чего люди живут. Бегают, шумят, суетятся... Вот я хотел бы сказать кому-нибудь правду. Так разве поймут?»

И Костя не заметил, как разоткровенничался: «Нам классный руководитель говорил, что есть такой факультет, где на журналистов учат. Да разве туда поступишь...»

«А отец хочет, чтобы ты учился?» — спросил дядя Миша. «Сейчас не знаю, а раньше очень хотел. А мне теперь все как-то надоело. В общем, я и сам не знаю, чего я хочу. Да и поздно уже. Я все предметы запустил, так что теперь крышка...»

Костя принялся было еще что-то рассказывать, но дядя Миша перебил его: «Эх ты, слабак!..» «Это почему же?» — насторожился Костя. «Я остался без обеих ног, когда мне еще и двадцати не было. Раскис вроде тебя, даже попрошайничать начал. А меня вот в эту самую будку втащил Акимыч, ты его, наверно, здесь видел, он давно на пенсии, но заходит. Отогрел и усадил вот на это место. Стал обучать. Понимаешь, я летчиком хотел быть... Да что говорить...» Он неторопливо поправил фартук и принялся за второй башмак. Дескать, поговорили, и ладно.

Детские кризисы опасны.

Чем сильнее отчаяние, тем острее потребность в дружеском общении, в тактичной поддержке

В подростковом возрасте бывают у ребят иногда периоды своеобразных кризисов, когда многое пересматривается, когда ребенок по-взрослому, с новыми мерками подходит к жизни. Нередко в такие периоды он старается скрыть от других свои мысли и чувства. Будучи в удрученном состоянии, может смеяться, бравировать, прикрываясь маской лихачества, безразличия. Но если прислушаться, нетрудно заметить надлом, неуверенность, резкий спад в настроении. Иногда появляется мнительность, подросток начинает думать о себе неведь что. Не понимая, что с ним происходит, он боится поведать о своей слабости и вместе с тем пытается найти какой-нибудь выход, избавиться от гнетущего самочувствия.

Взрослому человеку такие состояния понятны. В подобных случаях он обращается за помощью к близким людям, а в иных случаях и к врачу. Подросток же находится вдвойне в трудном положении. С одной стороны, у него еще нет навыка говорить о своих переживаниях, нет опыта интимного общения. А с другой стороны, он не знает ни причин своего состояния, ни его характера. Раньше все решалось проще. Скажем, чтобы получить удовольствие (пойти гулять, в кино и т. д.), надо сначала выучить уроки. Или, чтобы чего-то добиться от матери, надо покапризничать, выпросить, настоять. Подросток же уже далек от такой примитивной схемы. Он достиг некоторой самостоятельности, но его запросы становятся все сложнее и многограннее, и он кидается из одной крайности в другую. А мы думаем, что он с нами рядом и что с ним ничего не происходит. Больше того, мы порой возмущаемся его безответственностью, твердим, что он уже большой! А он наши слова пропускает мимо ушей.

Что же происходит с Костей Боевым? А то, что бывает со всеми подростками. И девочка ему понравилась, и обидно, что она отвергла его дружбу. И хромоту он свою проклинал, и думал, что все из-за того, что он не такой, как все. Он казался самому себе необычайно несчастным. Завидовал товарищам, у которых, как ему думалось, все так легко получалось. И разумеется, не знал, что им так же — но каждому по-своему — трудно, что они так же, как и он, скрывают свои тайны, бравируют, острят, ухаживают за девочками и с наигранным безразличием проглатывают горькие пилюли.

Ему сейчас не по себе от того, что он оказался помимо своей воли неблагодарным, от того, что он со всех сторон зажат заботой окружающих. Он идет в школу, наперед зная, что там будет. Одни и те же вопросительные знаки на лицах: «Ну, взялся за ум?» Ему не хочется возвращаться домой. Вот если бы от него отстали, думает он, сразу бы все пошло нормально.

В таких случаях действительно надо на какой-то период оставить подростка в покое. Для этого тоже нужен педагогический такт. Оставить, чтобы он сам принял решение, чтобы сам пришел со своим переживанием к взрослому.

Налицо парадокс: мы ждем, когда подросток раскроется, думаем, как вызвать его на откровенный разговор, а он ищет, с кем бы поговорить по душам. И выкладывает наболевшее случайному знакомому. Новому человеку, который посмотрел на подростка свежим взглядом, быстрее удастся схватить общее состояние собеседника. Кроме того, такое общение строится на добровольных началах, что придает разговору на трудную тему непринужденный характер. А если этот знакомый — скверный человек? В этом отношении Косте Боеву повезло. Хоть он под конец и возмутился тем, что сапожник тоже начал его воспитывать, но дядя Миша вместе с тем помог парню глубже задуматься над своими тревогами.

С тех пор, как Костя забросил занятия, нагрубил учителям и ребятам, которые пытались поговорить с ним, он всячески избегал встреч с Владимиром Петровичем. Ему было стыдно перед классным руководителем, который сделал для него так много хорошего. Не только давал книги, рассказывал ему о писателях, об их творчестве, заражал своей любовью к литературе, а самое главное, поверил в него, в его способности. Еще несколько месяцев назад Костя приходил к своему учителю с радостью, просиживал у него часами, беседовал на самые разные темы и уходил, полный надежд, желаний, мыслей. Все это казалось теперь бесконечно далеким.

Ну а проработки на собраниях Костю раздражали настолько, что он перессорился почти со всем классом.

И все же Костя испытывал острую потребность пойти к Владимиру Петровичу, показать ему свои новые стихи. Эти строки родились почти мгновенно и казались Косте очень и очень стоящими. Здесь были и свежие образы, и неожиданные рифмы, и какое-то новое восприятие. Косте не терпелось почитать их, но только человеку, который мог бы их по достоинству оценить. Неделю он ходил

с тетрадкой, не решаясь обратиться к Владимиру Петровичу. А однажды, когда в классе никого не было, сунул тетрадь в портфель классному руководителю и стал с нетерпением ждать следующего дня.

Какова же была радость Кости, когда вечером к нему домой прибежал пятиклассник и сообщил, что Владимир Петрович ждет его. Костя мигом очутился в школе. Вошел в класс. Владимир Петрович встал из-за стола и поздравил мальчика с удачей. Косте не терпелось поговорить с учителем, рассказать о своих новых замыслах. Но Владимир Петрович перебил его. «Ты веришь мне?» «Да», — выдохнул Костя. «Ты можешь сделать то, о чем я тебя попрошу?» — продолжал учитель. «Да», — повторил Костя. «Так вот, ты сейчас пойдешь домой и сядешь за уроки. Вот тебе листочек, где выписаны все темы по всем предметам, которые ты запустил. До экзаменов осталось немного, а у тебя четыре двойки. Стихи хорошие, и ты напишешь еще лучше. Только об этом мы поговорим через две недели, когда подгонишь весь материал. Согласен?» Костя молчал. И тогда Владимир Петрович заговорил о том, о чем все время думал Костя. Учитель сказал, что если бы не эти стихи, которые действительно написаны талантливо, то он бы с Костей и разговаривать не стал. Что Костя не имеет права плохо учиться. Что он хочет видеть перед собой не тряпку и размазню, а настоящего мужчину, который может взять себя в руки. «Своими двойками, — сказал Владимир Петрович, — ты подводишь прежде всего себя, но не только себя — класс и школу. Но, может быть, тебе, Костя, на все наплевать?»

При последних словах учителя Костя резко поднял голову. «Нет, я докажу, — решительно произнес он. — Я сделаю все даже раньше, чем за две недели».

Не будем еще раз говорить о том, как важно вовремя поддержать подростка, вдохнуть в него уверенность и энергию. Продолжим наш разговор о такте, который в педагогической литературе часто трактуется односторонне — только как чуткость, мягкость, доброе слово и т. п. С этой точки зрения разговор Владимира Петровича с Костей Боевым был не безупречен. Более того, педагог употреблял резкие слова, настаивал, был категоричен. В его голосе не было ни интимных приглушенных интонаций, ни завораживающей обходительности, которую иные педагоги берут на вооружение при разговоре с трудными детьми и далеко не всегда добиваются желаемых результатов.

Перед нами два прямых, можно сказать, лобовых разговора — отца с сыном и учителя с учеником. Оба исходят из благих побуждений, оба не стесняются в выражениях, оба требуют немедленного исправления двоек. И вместе с тем разговор отца с сыном бестактен, грубо авторитарен. Разговор же учителя проникнут подлинно педагогическим тактом, не исключающим в некоторых случаях и такое средство, как разумное принуждение.

Мы часто боимся называть вещи своими именами и тем самым вредим делу, грешим в трактовке сути явлений, отходим от истины. Да, принуждение имеет место в воспитательной практике, если под этим словом понимать прямой его смысл — заставить ребенка сделать то, чего он не хочет делать, но что ему необходимо.

В описанном случае педагогический такт проявился в умении вызвать у мальчика желание заниматься тем, что ему в данный момент было не по душе. Именно поэтому мы считаем, что отношение к Косте со стороны педагога было тактичным. Он поставил мальчика перед необходимостью учиться. Он бросил на чашу весов и свой авторитет, и средства, направленные на пробуждение самолюбия и достоинства. Заставляя Костю принять его условия, воспитатель исходил из интересов мальчика.

ВАШ РЕБЕНОК В ШКОЛЕ

Вряд ли сегодня нужно доказывать, что школа — это не только учеба, а и мир общения, мир тревог и переживаний, радостей и поражений.

Мы интересуемся чистотой письма и сообразительностью своих детей, спрашиваем, что и как сказала учительница, какую оценку поставила в журнал. А вот как отнеслись товарищи к ответу, к замечаниям учителя, как сам ребенок отреагировал на реплику друзей, как он чувствует себя в среде одноклассников — эти вопросы нередко обходим. Нам почему-то кажется, что особых нравственных проблем в общении младших школьников нет. Но это совсем не так.

Представление, будто ребяташки начальных классов податливое сырье, из которого можно делать все что угодно, неверно. Чем младше школьник, тем непосредственнее и ярче его переживания, тем интенсивнее его тенденция к самоутверждению. И чем сильнее эта тенденция, тем значительнее кажутся ему его поражения, обиды. Подросток,

готовя себе костюм на новогоднюю елку, может быть, где-то втайне и надеется на получение приза, но он вместе с тем уже подготовлен прошлым опытом, что приз, возможно, достанется кому-то другому. И не очень-то огорчается, если не будет отмечен похвалой взрослых.

Для первоклашки-шестилетки — все в новинку. Он выслушал слова учительницы, безусловного авторитета: «За лучший костюм — подарок». И эти слова он воспринимает как нечто, адресованное ему. Как естественное и закономерное он воспринял бы разве вариант, когда каждый получил за костюм подарок. Собственно, в хороших школах так и поступают — в классе 20—30 ребят и 20—30 призов.

**Поинтересуйтесь тем, как ваш ребенок
относится к слабым ученикам, как помогает им,
какими методами завоевывает авторитет**

Моральные качества детей проявляются в общении друг с другом, в любой деятельности. Дети иногда радуются неуспеху своих товарищей, откровенно высмеивают опоздавших или растерявшихся у классной доски. Они всецело на стороне учителя...

Но уже к шестому-седьмому классу ребята многое пересматривают, у них складываются иные моральные критерии. Возьмем, к примеру, отношение детей к отличнику.

Перед уроком кто-то из ребят выразил общее мнение: «Задачу на прошлом занятии толком не объяснили. Класс не справился. Так и скажем: не поняли, надо еще раз объяснить...»

Отличник выполнил задание даже не потому, что хотел выделиться, а потому, что ему было интересно. Но он немедленно может потерять свой авторитет, если станет утверждать, что задача пустяковая, что, мол, все дураки, что он ее решил в один миг, и т. д. А если он скажет учителю, что он тоже не до конца уверен в своем решении, что в задаче много сложностей, — таким заявлением он может укрепить свой авторитет. Такое выступление отличника активно в двух моментах: во-первых, поддержал ребят, солидарен с ними, а во-вторых, еще раз зарекомендовал себя скромным, надежным товарищем, который глубоко чтит законы неформального общения.

Но все ли нам известно в общении наших детей? Как складываются их отношения? Можно ли управлять детским общением?

В школу приходят ребята из разных семей, с разным опытом, с разными наклонностями. Создается своеобразный ансамбль, в котором каждый старается исполнять свою партию. Но инструменты — разной силы, разного звучания. И если до игры никому нет дела, может случиться неожиданное: нежную скрипку заглушит барабан, рев трубы покроет все другие звуки.

Не требуется даже специального психологического исследования, чтобы ориентировочно установить иерархию мест, занимаемых ребятами в детском обществе. Если кто обращал внимание, как занимают дети места в кинозале, когда им дают непронумерованные билеты, тот сразу же может подметить нечто типичное: самые сильные, так называемые «лидеры», занимают места поудобней, получше. Средние — или вторые и третьи номера — садятся на вполне приличные места. А последние оказываются порой и без места.

Правильная организация коллектива в школе — это создание необходимых условий для становления наклонностей каждого, это гарантия защищенности и свободы развития

Как только дети стали вместе заниматься каким-нибудь делом — будь то учеба, отдых или труд, — так сразу между ними складываются и определенные отношения, появляется как бы внутренний, еще никем официально не оформленный план их жизни, с целями, с правилами, с системой требований к себе и к другим, со своими понятиями чести, справедливости. Нередко мальчишечьи законы и представления о добре и зле расходятся с правилами морали взрослых. И, словно зная и чувствуя это, дети прячут свои законы от педагогов и от тех, кому, по их твердому убеждению, нельзя довериться.

В классе на сборе выбирается председатель совета отряда, официальный лидер. Но очень часто дает себя знать и лидер неофициальный. И вот парадокс: этот неофициальный может быть значительно авторитетнее, то есть быть истинным лидером отряда. И таких ребят в коллективе подростков бывает несколько. К каждому из них тянутся другие дети, связанные друг с другом различными совместными интересами, переживаниями, местожительством, участием в кружках, секциях. Так образуются малые группы. И в этом нет ничего криминального. Лидерство, как и группы, возникает потому, что дети с каждым

днем растут, невероятно быстро увлекаются чем-нибудь, приобретая новый опыт, новые знания, новые качества.

В каждой малой группе дети связаны общими интересами, симпатиями, определенной зависимостью друг от друга. Действия групп и их вожаков могут носить весьма и весьма полезный, общественно значимый характер, а могут быть и крайне вредными, разлагающими, безнравственными. Те группы, в которых складываются отношения настоящей дружбы и взаимопомощи, мы назовем демократическими, или авторитетными. А группы с несправедливым устройством — авторитарными.

Там, где действует авторитарный вожак, непопулярным детям очень плохо. Их унижают, подавляют инициативу, заставляют совершать безнравственные поступки. В буфете им оставляют последнее место, в автобусе они стоят в неудобной позе, в играх постоянно на запасных ролях и т. д.

Одним словом, в детском «свободном» общении некоторым ребятам бывает так несвободно, что они с величайшим удовольствием готовы принять любую организацию извне, если она даст гарантию каждому проявить в полную меру свои способности. Это сокровенное ребячье желание и должно лечь в основу их коллективной жизни, оформления их отношений в пионерском звене, отряде.

В каждой школе устанавливается шефство старших ребят над младшими, развивается детская самостоятельность. А поскольку дети обладают таким знанием своей жизни, которое порой недоступно даже самым близким наставникам, постольку они имеют возможность влиять друг на друга. Следовательно, самое главное в работе детских общественных организаций — и к этому призывают Центральный Комитет ВЛКСМ и Центральный Совет пионерской организации — научить ребят активно бороться за утверждение коммунистической нравственности как в стенах школы, так и за ее пределами. И в этом направлении в стране накоплен огромный опыт. Можно перечислить сотни школ, где пионеры принимают деятельное участие в организации своей жизни, проявляя при этом подлинный педагогический талант.

Школа обязана вырабатывать внутреннюю потребность жить и действовать по принципам коммунистической морали

Бывая на детских сборах, невольно поражаешься той принципиальной требовательности ребят друг к другу и

тому такту и уважению к достоинствам каждого, которые они нередко проявляют. Удивляешься тому, как в детях рождается потребность говорить о школьных делах непременно по большому счету, о нравственной сути тех или иных поступков.

И там, где педагоги не боятся широко использовать преимущества молодого поколения, прежде всего его активность, энергию, порыв, страсть, там, где воспитатели оказываются способными всколыхнуть ребят в их неформальной сфере, там пионерская организация выполняет подлинно коммунистические (политические и организаторские) функции, обеспечивая защищенность и развитие индивидуальных способностей каждому школьнику.

Позиция истинного воспитателя по отношению к пионерам — это прежде всего позиция старшего товарища, политически опытного, авторитетного друга, способного сделать пионеров и комсомольцев своими союзниками.

А тому, как пробудить у наших пионеров стремление правильно строить свою жизнь, как вместе с ними добиться совпадения нравственного содержания обеих сфер общения, учат нас классики советской педагогики. «Я начал бы не с формы, — советует А. С. Макаренко, — и не с создания традиций, а начал бы с хорошего общего собрания, где так от души, в лоб сказал бы ребятам: во-первых, чего я от них хочу, во-вторых, чего я от них требую, и, в-третьих, я предсказал бы, что у них будет через два года. Я убежден, что хорошо сказанное детям деловое крепкое слово имеет громадное значение...»

Да, один из главных способов войти в неформальную сферу — это искренний, открытый разговор с ребятами о проблемах их сегодняшней жизни, о том, каковы их отношения к учебе, к пионерским обязанностям, друг к другу.

«Вход» взрослых — воспитателей, педагогов, родителей — в неформальную сферу — единственное условие создания подлинно коммунистического детского самоуправления. Наиболее влиятельных в неформальном отношении подростков надо вовлекать в общественную жизнь школы, они должны быть среди пионерского и комсомольского актива. И не надо бояться, что тот или иной мальчишка в чем-то несобран, необязателен, может иной раз надерзить. Все это недостатки, конечно. Но надо увидеть, непременно увидеть и главное достоинство воспитанника — потенциальную силу нравственного влияния. И тогда он станет настоящим помощником взрослых.

Глава 3

ВСЕСТОРОННЕЕ И ГАРМОНИЧЕСКОЕ

(Проблемы взросления)

Гармония семейных отношений не означает отсутствия проблем и бесконфликтности.

Напротив, чем ближе к идеалу, тем сложнее и тоньше мир возникающих противоречий. Гармония ведь всегда единство различного. Когда мы говорим о богатстве личности, мы неизбежно сталкиваемся и с богатством противоречий. Действительно, как совместить в одном человеке самые различные увлечения? Как предотвратить перерастание увлечения в страсть, способную заслонить ребенку многообразный мир человеческих интересов, порывов, исканий, общения? На какой основе одна возникшая потребность должна вести к образованию другой? Как сделать, чтобы разрешение одного противоречия неизбежно выводило подростка на оптимистические рубежи, побуждало бы к самовоспитанию?

А каков путь к гармонии всевозможных отношений, образующих личность? Каким образом отношение к самому себе (самосознание) влияет на отношение к другим: к близким, родным, товарищам, учителям, обществу?

На развилке педагогического эталона и отклонения от нормы возникают порой самые неожиданные вопросы. Да и сама по себе идеальная норма включает самодвижение, обусловленное ростом ребенка. В этом непрерывном движении что-то отрицается, что-то изменяется. Такие отрицания могут проходить болезненно, сопровождаться своего рода кризисами, нравственными потрясениями, страданиями.

Конечно, знание тонкостей педагогического дела должно избавлять от неоправданных коллизий, точнее, придавать им ход разумного разрешения конфликтов. Но и это не просто. Особенно если имеешь дело с подростками старшего возраста, где в любом увлечении, в любом занятии могут неожиданно высветиться и характеры детей, и их мировоззрение, и такие сложные нравственные образования, как долг, совесть, понятие счастья. А острота переживаний в старшем возрасте приобретает иные, порой более скрытые формы и обнаруживается не столь очевидно, как в младшем. Все это создает

много проблем и вопросов, на которые ищут ответ родители.

Попытаемся услышать подростка, всмотреться в противоречивый мир его нравственного становления. Думается, что в работе с подростками старшего возраста, в частности, у воспитателя, должно быть больше гибкости, больше педагогического искусства, чем в работе с детьми младшего возраста.

ВЗРОСЛЕНИЕ — КАКОВО ОНО!

Последние школьные годы.

Физическая и духовная акселерация.

Напряженный поиск себя.

Нетерпение. Все узнать. Определить.

Разочарования.

Первые свидания. Растерянность.

Неожиданные двойки.

Размышления. Споры.

Настольная лампа, 10, 11, 12 часов, второй час, третий час и будильник на семь утра!

Напряженная нервно-кривая линия роста современного подростка.

Ранний подростковый возраст — самый непонятный и самый сложный.

Если вашей дочери минуло двенадцать лет, знайте, что вы имеете дело не просто с ребенком, а с маленькой женщиной. Она не торопится еще заявить о себе, но она уже вобрала в себя все тонкости поведения женщины: легкую расчетливость, изящную слабость, некоторую коварность, солидарность и умение (ни за что!) не выдать тайну. Необыкновенное единство (в чем-то, однако не во всем) с мамой: общие взгляды, вкусы, привязанности. И некоторые расхождения с отцом. Некоторое пренебрежительное отношение к этому странному мужскому полу, неприспособленному, неуправляемому... И вместе с тем тяга и стремление не властвовать, а чисто по-женски привязать к себе этот противоположный пол, расположить. Пусть они говорят свои глупости, пусть упиваются собой, пусть кичатся своей силой, ловкостью. Кстати, как досадно, что мужчины стали столь много времени уделять джинсам, рубашкам, прическам. И как мало стало настоящих людей — это бесконечно повторяет мама, — которые смогли бы беззаветно любить, пойти во имя чего-то на лишения и жертвы. Это совсем не так, решает дочь. Как

хочется, чтобы рядом был тот, кто тебя поймет, чтобы шел этот задиристый подросток рядом. Чтобы он вздыхал рядом. Чтобы можно было ему доверить самое сокровенное, в чем-то помочь, пожалеть.

Если вашей девочке минуло двенадцать лет и в ней ни разу не вспыхнуло (пусть крошечное) светлое, радостное чувство от встречи с другим человеком, — это такая же беда, как и плохие отметки в журнале.

Так называемое освоение социального опыта у девочек проходит преимущественно в русле их эмоционального развития. Именно поэтому класс, в котором учится ваша двенадцатилетняя дочь, кипит от выяснения отношений. Борьба за лидерство идет не только между звездами, но и в среде непопулярных. Кто кому как сказал, кто кого пригласил пройтись по коридору, кто первый заговорил и кто предал навсегда («пришла новенькая в класс — и подруга с ней, а не со мной пошла в буфет!») — все это возводится в ранг событий первой важности.

Именно в эти годы оттачивается женское начало. Филигранную утонченность приобретают интонации, в которых можно уловить самый разный подтекст (десятки оттенков понятны подружкам — и ни один недоступен взрослым). Все идет в ход — полуулыбки, полукивки, полупамятки. Четверть тона, три четверти тона в слове «нет» и еще больше в слове «да».

Ну, а мальчишки в 12—13 лет? Мужчины? Вот уж чего нет — так нет! Их совсем по-иному занимает проблема человека в эти годы. Выяснение отношений? На это бесплодно-скучное, с их точки зрения, занятие нет смысла тратить время. И чего так мечутся девчонки, галдят как сороки: этот так сказал, а тот эдак сказал! Ну и что — кто как сказал? Разве слова можно потрогать, запаять, завинтить?

Нет, у мальчишек свой ажиотаж. Предметный. Реальный. Весомый. Их влечет мир вещей, животных, камней, минералов, токов, полимеров, транзисторов. Все, чем можно измерить этот мир: разбить, разогнуть, расплавить — молоток, плоскогубцы, тиски, паяльник, огонь. Жизнь собак, змей, носорогов, лемуру. Визг и крик, шипение, лай, кудахтанье — все это формы познания мира, одухотворенности живого...

И спорт: лыжи, футбол, хоккей, коньки, борьба.

И проба сил: «Я ему так дал!» «Если ты еще раз полезешь — схватишь...»

И ожидания: «Эх, скорее бы вырасти да на Луну слетать!» «Кончить бы восьмой класс и податься в экспедицию с геологами».

И зароки: «Когда вырасту, ни за что на своих детей орать не буду!»

А как они относятся к «ажурным плетениям» своих юных однолеток-подруг? Чем-то привлекает их загадочность — чем? Понять, а тем более выразить словами — невозможно. Да, конечно, с девчонками здорово у костра, в походе, да и на перемене или на уроке хочется переброситься словом, хорошо бы в кино сходить!..

Но есть какая-то благоговейная нейтральная полоса, которую почему-то никто не решается переступить: здесь — мальчики, там — девочки, и вдруг резкая выходка, помчался сломя голову, толкнул, дернул. И возмущение девчонок: «Ненормальный!» И только кажущаяся разобщенность. Они неразлучны в мыслях, поступках. Они неразлучны и тогда, когда их разделяют стены и расстояния.

О ВОСПИТАНИИ ТРУДОЛЮБИЯ

Взрослые знают только одно: по какому спрашивали? что поставили? замечания были? (Не было. Ну какой дурак мальчишка в этом сознается?) И еще удар — покажи дневник! (Дневник — это камень на шее, это доносчик в собственном портфеле.)

А отец медленно читает замечания в дневнике: опоздал на второй урок, снова играл в футбол, явился на ботанику мокрый от пота, весь в грязи... И сидит мальчишка, как подсудимый. Он, гордость футбольной команды. Ах, какой он забил гол тогда, перед вторым уроком! Да за этот гол он бы согласился и на двадцать записей в дневнике. Он один пробился через защиту. И сам, с ходу, в угол! И ребята бросились обнимать! Да разве такое часто бывает? И понимает ли отец, что этот удар многое решил в его судьбе? В его отношениях с ребятами?.. Нет, другие заботы у мальчишек.

Но есть у девчонок и мальчишек нечто общее — это поэтическое состояние души, это удивительная одухотворенность порывов. Если взрослый не постарается понять этой прекрасной детской поэтичности, если не сделает своей союзницей, ни о каком нравственном влиянии говорить не придется.

В двенадцать лет всплески душевной раскованности преобладают преимущественно в игре. Надо переносить эту духовную взволнованность в сферу занятий, учебы, общественной деятельности.

После того как вам удалось сделать союзницей поэтическую приподнятость ребенка и вы разделили все его восторги по поводу собак, носорогов, полимеров, бизонов, черепах, транзисторов, пенальти, вы должны найти момент и предложить ему свою помощь. Там и тогда, где и когда она необходима.

Например, если у ребенка тройка по какому-либо предмету, он на уроке не может чувствовать себя спокойно. Он лишается радости учения. Его урок делится на две части. Первую часть он скован страхом: как бы не спросили, а вторую — он отходит от страха, расковывается и поэтому, разумеется, не слушает. Ждет перерыва, ибо перемена — это для большинства настоящая жизнь! Десять минут удивительной свободы, счастья, света, полная грудь воздуха — весь мир в твоей власти.

Приохотить к умственному труду — дело сложное. Надо запастись терпением

На уроках по-настоящему запоминают в основном те, кто хорошо учится. Остальные проводят время так просто. А ваш сын тычет карандашом в лопатку соседа и шепчет какую-то чепуху, и тот оборачивается, и учительница делает замечание. Делает второй раз, третий...

Не станем продолжать возможное развитие событий...

Выведите ребенка из этого ужасного серого безмолвия!

Как это сделать?

Вы недовольны учителем?

Позволю себе рассказать историю. Я в ней ничего не придумал. Очень любопытный встретился мне человек. Около двадцати дней я пролежал в больнице, и все это время мой сосед по палате инженер Борис Иванович Зверев штудировал школьные учебники: проходил программу седьмого класса по алгебре, геометрии, физике, химии.

— Понимаете, мой сын болел, потом в санатории был. Отстал. И вот сейчас приходится помогать. И я решил освоить предметы...

Мальчик приходил в больницу, и отец растолковывал ему теоремы. Когда сын не мог прийти, уставая или плохо чувствуя себя, приходила жена. Отец объяснял жене математические задачи, в которых она не очень-то разбиралась, все успела позабыть, и жена должна была все это передать сыну.

— Разве может учительница знать все о каждом ребенке,— рассуждал отец,— когда у нее много учеников?

— А вы поговорите с ней, посоветуйтесь,— предложил я.

— Что это даст?

— Возможно, она станет внимательнее к мальчику. Это очень важно.

И я рассказал ему об одном психологическом опыте. Опыт сводился к тому, что психологи обманули учителя, сказав, что пять его отстающих учеников обладают выдающимися математическими способностями. Учитель стал по-иному относиться к этим детям, и через некоторое время они стали намного лучше учиться.

Зверев согласился со мной, но заметил:

— Я думаю, что мы с ним через некоторое время основательно подгоним математику, а потом, конечно, и за русский придется взяться...

И каждое утро Борис Иванович готовил уроки. Писал сыну объяснения задач, давал письменно советы, всячески помогал мальчику. Я не сомневался в том, что через некоторое время сын Зверева станет хорошо учиться.

Были ли увлечения у мальчика? Конечно. Часами он сидел с электрическими конструкторами, моторчиками, мастерил и кое-чего добился благодаря этому: по физике у него была твердая пятерка, здесь он все понимал. А вот по алгебре и геометрии, рассказывал отец, у него такая запущенность, что он не в силах самостоятельно разобраться в материале. И его мучит страх.

Избавьте ребенка от страха, от ложного стыда, от необходимости изворачиваться и лгать

Не случайно психологи говорят об определенной силе страха в детском развитии.

Если ребенок знает, что его встретят дома недовольным взглядом, упреком, вздохом, он чувствует себя скованно. Скованность нарастает по мере приближения к дому.

Переступил порог. Движения точно при замедленной съемке: вешает пальто (так бы и прилип к стене и не отлипал бы!), медленно опускает руки, снимает ботинки. А спиной чувствует вопрос: «Что получил?» И ведь давно уже догадались, что ничего хорошего не получил, в глаза стыдно смотреть, потому и уткнулся носом в стену. Но все равно спрашивают... Неужели не понимают, что он ничего, кроме тройки, не может принести из школы? Откуда же взяться хорошим отметкам, если все так беспросветно запущено?! Если те же густые потемки незнания и неумения осилить предмет как паралич сковали волю, способность соображать.

Попытайтесь войти в положение ребенка. Поставьте себя на его место. Представьте себе создавшуюся ситуацию.

— Иди к доске, Зверев,— говорит ему учитель,— решай задачу.

— Я не могу.

— Садись, два.

И стыдно ему двигаться по классу. Торчат огромные руки. Рост — 1 м 70 см. А задачку не смог решить. А пигалица Верка, на год младше, выскочила к доске и мелком по доске стук-стук и все решила. «Садись, пять». А он, Зверев, весь в испарине: хоть бы звонок скорее!

А домой приходит — «Что получил?» Мать кричит. И даже замахивается на сына. Отец вроде бы жалеет, но это еще хуже. У отца давление сразу подскакивает, как только сын двойку домой приносит. Вот какая история.

И вот однажды атмосфера изменилась. «С этого дня со старым покончено,— заявил отец.— Начнем заниматься математикой с шестого класса. Ты только не стесняйся, говори, где и что тебе непонятно...» И пошли занятия. Ожил Зверев. И перестал замечать рост свой — на полголовы выше отца,— легкость в движениях появилась. Улыбка на лице. И никто не спрашивал больше, что получил, а только занимались: знали, что настанет день, когда мальчик придет домой и скажет: «По геометрии — четыре».

Так оно и было.

— Следует, однако, иметь в виду, что ваши занятия в дальнейшем могут пойти и во вред, а не на пользу.

— Есть такая опасность. Я ее однажды почувствовал,— рассказывает Борис Иванович Зверев.— Сначала я просто решал задачки, а сын набело переписывал в тетрадку. И появилась у него привычка самому не думать. Я сижу решаю, а он ждет. Э, думаю, не годится, а ну, возьми-ка сам решай. Изменили мы с ним метод: он решает, а я ему только изредка подсказываю да объясняю, чего он не знает.

Правильно сделал Борис Иванович, что изменил метод работы с сыном. Только собственным усилием ребенок может прийти к подлинному знанию, к развитию своих умственных способностей, к повышению своего статуса в коллективе школы, семьи.

Если ваш ребенок пропустил занятие — был в поликлинике, проспал, занят был по хозяйству и т. д., — сделайте все, чтобы он выполнил заданное на дом. У вас может быть с ним такой разговор.

— Ты узнал задание?

— А никто не знает.

— Как это никто?

— Я у Юрки спрашивал, он забыл записать. А Петьки дома нет.

Постарайтесь сорвать этот стратегический план. Заставьте узнать, что было задано, сядьте рядом. Пусть у ребенка сложится твердое мнение, что пропустить или не выучить урок, не сделать домашнее задание — это самый большой проступок, какой только может быть в его школьных делах.

Сейчас родители уже все больше стали понимать, что семья в такой же мере ответственна за развитие ребенка, как и школа. Что общность усилий как раз и состоит в том, чтобы в разных условиях, разными средствами создавать общую, единую основу для саморазвития, самораскрытия возможностей детей.

Я все чаще встречаю родителей, которые не просто интересуются педагогикой, как они интересуются, скажем, садом, охотой, спортом, но и стремятся к своеобразному педагогическому творчеству. Московский слесарь Петр Иванович Панов (незрячий от рождения) развил музыкальные способности своего шестилетнего сына Алеши (у него примерно 3 процента зрения) до такой степени, что музыкальный звук стал для малыша средством общения. Мальчик с увлечением исполняет сложные классические произведения, находит в музыке радость восприятия мира. Петра Ивановича интересовали методы

воспитания. Все то лучшее, что было в его собственном детстве, он воспроизводит в своих отношениях с сыном. И всячески избегает повторения у ребенка тех отрицательных эмоций, от которых страдал в свое время он сам. Его требовательность к сыну очень высокая. Требовательность, в основании которой лежат терпение, чуткость, уважение к личности человека, к его достоинству.

Если вы хотите, чтобы ваши дети получили хорошее образование и развитие, не надо жалеть собственных усилий. Воспитанный и образованный ребенок — это самое великое ваше богатство

Вот ученик пришел домой и сказал, что он, ранее отстававший, первым решил задачку в классе и учительница его похвалила, — знайте, что он на вершине своего счастья. Никакие футболы, транзисторы и детективы не могут сравниться с этим прекрасным ощущением победы над собой. Помогите обрести эту радость.

Если ваш сын или дочь учится на одни пятерки и относится к своим отметкам с привычной удовлетворенностью и даже скукой, — это опасно. Помогите найти более усложненные варианты знаний. Постарайтесь загрузить отличника в соответствии с его развитием.

Демократизм советской системы образования состоит и в том, что все ученики находятся в равных условиях. Никто из детей не дискриминируется переводом в класс слаборазвитых, как это имеет место, например, в школах США. Но многие педагоги делают непростительную ошибку, когда к отличнику предъявляют такие же требования, как к слабому ученику. Тогда сильный ученик работает не в меру своих сил, не в меру своего развития. Родители должны следить за этим. Чем раньше школьник будет включен в процесс самообразования, тем успешнее станет его подготовка к жизни, дальнейшему учению. Постарайтесь найти для своего ребенка такие формы занятий, которые вели бы его к более высоким формам умственного напряжения. Это могут быть и кружки в школе, и кружки в Домах пионеров, при институтах, различные формы заочных занятий и т. д.

Не всякая загруженность полезна.

Занятия должны развивать духовно и физически

Если подросток будет сверх программы решать сложные задачи, или писать юмористические рассказы, или конструировать новый приемник,— помогите ему достичь цели. Ибо каждая достигнутая цель — это и есть тот воспитательный результат, который формирует личность, ее духовную, физическую и нравственную суть.

Духовная жизнь семьи складывается, кроме всего прочего, и на основе обмена информацией. Желательно, чтобы эта информация, хотя бы частично, перекликалась с изучаемым программным материалом.

Если в школе проходят Пушкина, то неплохо в семье читать в этот период книги о Пушкине, письма поэта, воспоминания о нем, его произведения. Знания, полученные в процессе свободного общения, выполняют особо важную роль в общем развитии детей.

Если в школе проходят электричество, достаньте, хотя бы на это время, занимательные книги по этой теме, а также книги из серии «Жизнь замечательных людей», в которых рассказывается о первооткрывателях электрической энергии.

Если в школе изучается теория происхождения видов, то хорошо бы взяться за книги о Дарвине и других ученых-естествоиспытателях.

Помогите ребенку сориентироваться в чтении литературы. Надо, чтобы у сына или дочери была своя полка любимых книг. Этим вы достигнете очень многого. Пусть ребенок говорит: «Это мои любимые книги. Это мои любимые стихи, любимые пьесы».

Пусть ходит по магазинам, ищет и спрашивает нужную ему книгу. Пусть заглядывает в каталоги, запоминает издания, авторов. Собираение книг, возможно, одна из прекрасных человеческих страстей, которая украшает нашу жизнь.

Научите ребенка мастерить! Помогите ему оборудовать рабочее место. Я видел разные типы «рабочих мест». Мальчишка увлекся химией — в доме установлен стеллаж, появляются специальная посуда, горелка, отводная трубка в окно, цинком обита стена...

Подросток увлекся техническим творчеством: в квартире — шкаф, ящики с деталями, место для паяльника, маленькие тисочки, верстачок, приборы...

В семье Никитиных, где растет шестеро детей, нашлось место для прекрасно оборудованной комплексной мастерской, для работ по электричеству, слесарному и столярному делу, резьбе по дереву и т. п. В этой мастерской все: и жечь, и краски, и лаки, и растворители, и дерево, и провода, и радиодетали, и точило, и прочее. Когда я был в этой мастерской с группой ребят, у них глаза разбегались: «Вот это дом!»

Почему подросток должен мастерить? Можно привести много примеров и доводов в пользу ручного труда: и физические усилия, и выработка трудовых навыков, умений.

Я не стану их перечислять. Коснусь только одного. Ручной труд чрезвычайно полезен, так как помогает глубже познавать современный мир техники, явлений природы.

То, что проходит через детские руки, дает обильный материал для самых широких обобщений. Ребенок познает мир и рукой. Работа рук не просто механические движения. Рука — это тоже разум! Это осмысление. Это приятие целостности вещи, предмета. Никакие умозрительные представления, никакие книги не смогут заменить то, что ребенок может и должен сделать своими руками. Руки развивают мозг в такой же мере, в какой разум делает движение рук осмысленным.

Чем раньше ребенок будет приобщен к труду, тем больше будет предпосылок для воспитания нравственного.

Труд и гармоническое развитие личности

Я, как педагог, не могу не восстать и против той лени, которая порой воспитывается у многих детей именно потому, что в силу созданных социальных условий у них нет необходимости с малых лет трудиться. При бездумном, беспечном отношении взрослых это зачастую приводит к иждивенчеству, инфантильности, неподготовленности к практической жизни.

Мы много рассуждаем о трудовом воспитании и недостаточно порой создаем реальных условий для включения детей в труд, и прежде всего — производительный.

Однажды я был на заседании художественного совета кинематографистов, где обсуждался педагогический сценарий. Речь шла о том, что сельские школьники выращивали растения и коллектив школы получал от этого

доход. Какое возмущение вызвало у присутствующих это слово — «доход»? Можно ли школьникам зарабатывать деньги? Не развратят ли деньги детский коллектив? Не воспитают ли корыстолюбие? Опыт лучших советских воспитательных учреждений (московский школьный завод «Чайка», ставропольские школьные полеводческие бригады, школа имени В. А. Сухомлинского и др.), напротив, свидетельствуют о целесообразности самого широкого развития производительного труда в школе.

Трудовое воспитание нельзя сводить только к приобретению трудовых навыков или тем более к одним разговорам о любви к труду. Если малыш умеет клеить коробки и красить кубики, это еще не значит, что у него уже воспитана потребность в труде. Пора нам наконец понять, что труд выполняет свою воспитательную функцию тогда, когда он заключает в себе и какой-то экономический смысл, является каким-то делом, а не просто физическим усилием. Больше того, если труд бесполезен, бессмыслен, он способен вызвать только отвращение. Не обязательно зарабатывать трудом деньги, хотя можно и зарабатывать, ничего плохого в этом не вижу. Но обязательно надо приучать детей делать настоящее полезное, нужное дело и отвечать за него.

Наши школьники работают в колхозах и совхозах без вознаграждения, но они сознают, что их труд продуктивен, общественно полезен. Все чаще подростки в летний период становятся официантами, почтальонами, курьерами, разнорабочими, и это, я думаю, хорошая тенденция. Подросток не только рано начинает понимать, что любая профессия престижна, но и учится неинфантильно смотреть на мир, на себя.

Я вспоминаю десятиклассников из города Риги, которые летом строили новую школу. Вспоминаю сельских ребят из села Прелестного, которые в каникулы работали в колхозе. Я допытывался, что же их привлекает в труде. Ответ почти всегда был один: «Нам интересно». Восьмиклассник Саша Беличенко сказал: «А на что мне деньги? Я их все равно маме отдал. А вот с ребятами работать всегда весело». Пятиклассница Галя Заборская добавила: «А я работала, потому что бригадиром была тетя Лена — она самая красивая и умная». Да, наших детей привлекает не только труд сам по себе, не только материальные результаты его, а главным образом та красота человеческих отношений, в которые каждый из них вступает

как суверенное существо, как полноправный гражданин общества. Вот что ценно, вот что важно, вот что отличает нравственный заряд советского трудового воспитания от откровенного меркантилизма, который прививается подросткам в буржуазном обществе. В этом, именно в этом коренное отличие, а не в том, зарабатывает ли школьник деньги или не зарабатывает.

Единство трудового, идейно-нравственного, умственного и физического воспитания — основа методов и приемов, способствующих гармоническому развитию личности. Такой комплексный подход мы находим в педагогическом творчестве В. А. Сухомлинского. Понятия доброты, долга, совести открываются ребенку в повседневном общении с родителями, учителями, товарищами, осваиваются в практической деятельности, в различных видах детской самодеятельности, труда.

Духовное благородство невозможно воспитать только постоянными назиданиями. Оно утверждается в коллективной общественной деятельности, в трудовом напряжении.

В труде рождаются первые искры гражданского сознания. Начальные трудовые шаги могут быть очень простыми и будничными. Например, дети копают ямки для посадки молодых деревьев, сажают их, вносят в землю удобрения, поливают. И так каждый год — все несложно и однообразно.

Но это не оупляющая физическая работа. Это работа в полном понимании этого слова творческая: ребенок наблюдает, как дерево растет, видит реальные плоды своего труда, и в этом для него удовлетворение и радость. Увлеченность коллектива рождает у него желание проявить себя в общей работе.

Важно, чтобы одна деятельность обогащала другую, одна сформированная потребность становилась условием образования других потребностей, ведь гармоническое развитие предусматривает воспитание разносторонних интересов личности.

Говоря о детской самодеятельности, В. А. Сухомлинский постоянно подчеркивал, что труд не должен быть легким. Надо, однако, найти такую меру трудности, чтобы труд был и нравственно-воспитывающим, и духовно-притягательным, и сильно напряженным, чтобы он доставлял радость и чтобы от этой радости становилось интереснее жить и учиться самому ребенку.

КАК РАЗВИТЬ В КАЖДОМ ЧУВСТВО КРАСОТЫ

Видеть мир по-своему, в своих красках, в своих звучаниях — разве это привилегия художников? Конечно, художники по-особенному видят природу, человеческие лица, интерьер. А ведь бывает и так, что мы видим мир глазами художника: «Смотрите! Море точь-в-точь как на картине Айвазовского», или «А это улочка Утрилло!», «А вот весна саврасовская. Даже грачи те же».

Художники, создавая образцы видения мира, обогащают наше восприятие, как бы расширяя наш диапазон прекрасного.

Подсолнухи Ван-Гога.

Ветка сакуры японских мастеров.

Ветка оливкового дерева Иванова.

Ветка сирени Кончаловского.

Все это не только разные формы и краски, но и разные мировоззрения, разная мера отношения к прекрасному.

Человек воспринимает реальную ветку сирени со всем ее ароматом, со сверканием бело-фиолетовых капель росы, с излучением того радостно-нежного опьянения, которое и чуть-чуть кружит голову, и вместе с тем освежает, потому что эта затуманенность сознания разрывается вдруг чистой пронзительной струей ароматной прохлады, которая как бы очищает мир человеческого восприятия.

Иногда человек не способен к такому восприятию, потому что чувство красоты в нем не развито: не соединяется оно с переживанием нравственным. Меня не искусство в данном случае занимает, а внутренний мир человека, богатство и бедность его духовной жизни. Меня волнует то, как человек относится к жизни. Я не хочу, чтобы ребенок воспринимал этот мир в восторженно-розовых тонах. Но и опасно, когда многоцветная панорама действительности заволакивается для него серой, тусклой пеленой скучной обыденности.

Мне грустно, когда я сталкиваюсь с детским безразличием к прекрасному. Всегда убеждаешься в том, что эмоциональная глухота явилась следствием не только эстетической неразвитости, но и духовной бедности, черствости, общей апатии ребенка.

Внимательно наблюдая за детьми, можно заранее почти безошибочно предсказать, кто из них и как будет

воспринимать прекрасное. Если лицо ребенка светится умом и пытливостью, если его трудолюбие сочетается со взлетами творческого воображения, такому ребенку будет свойственна некоторая восторженность. Не может такой ребенок не увидеть прекрасный закат, не обронить, пусть мимоходом: «Как здорово!» И наоборот. Если в глазах ребенка не живет мысль, если даже воспитанное трудолюбие не соединяется в нем с духовными всплесками сердца, для такого ребенка мир прекрасного будет ничего не значащим фоном.

Я много раз бывал в походах с детьми. По-разному воспринимали они природу. Духовно развитый школьник (трудолюбив, хорошо учится, добрый товарищ) впервые видит море: он взволнован. И подбирает сравнения. И философские какие-то аналогии приходят ему в голову. «Море — оно живет, оно — как много людей, как народ в праздничный день». И вечером он не может оторваться от мерцающего света, от таинственного сумрака, он поглощен ритмическим звучанием волн.

А вот восприятие другого мальчика (заметьте, я беру не самый крайний случай духовной бедности), в общем-то трудолюбивого, спокойного, уравновешенного, послушного, но духовно ограниченного, которого надо развивать, учить, вести к пониманию красоты. Он, впервые оказавшись у моря, уныло замечает: «Ну и что? Много воды, и все».

Вечером он не видит ни притягательного загадочного мерцания, ни скользящей лунной дорожки, утром не радуется восходу солнца над морем, не волнует его неумная сила волн. «Ну и что, — говорит он. — Ничего особенного». А чаще вообще ничего не говорит, потому что не замечает.

Я убеждался: не пожалеешь времени на такого мальчишку, научишь его видеть прекрасное в окружающем мире, и весь его облик становится другим. Меняются глаза, в них появляется та пытливая приподнятость, которую ни с чем нельзя спутать, она основа познания: он и лучше соображать стал, и к ребятам добрее, и с родителями мягче, отзывчивее. И труд его окрашивается какой-то особенной духовностью. И воображение становится богаче, содержательнее.

Чувство красоты необходимо человеку, как зрение и слух, как здоровье и умение разговаривать

Забегаю несколько вперед, я позволю себе привести те предположения, которые в течение многих лет проверялись в моей практической работе.

Если ребенок не увидит красоты в малом, он не научится видеть прекрасное и в большом.

Если восприятие прекрасного не будет подкреплено деятельным участием ребенка в творении красоты, то такое эстетическое воспитание только приведет к излишней экзальтированности и инфантильной восторженности.

Если эстетическое не будет соединяться с нравственным, то такой разрыв неизбежно приведет к пустоте и бездумному эстетству.

Если вы хотите, чтобы ребенок не только питал отвращение к безнравственным явлениям, но и решительно выступал против безобразного в жизни, старайтесь развить в нем понимание подлинно прекрасного.

Вспоминаю такой случай. В школе произошел конфликт. Подрались два десятиклассника. Один, назовем его Женей Гушевым, принес в школу несколько пачек порнографических открыток. А другой, назовем его Сашей Макаровым, стал эти открытки рвать. История получила огласку, вызвали родителей.

Отец Жени удивился и не поверил. Ему показали объяснительную записку сына, в которой было написано: «Тогда он мне предложил перепродать шесть комплектов — за каждый по шесть рублей. Из 36 рублей я шестнадцать должен был взять себе, что я и сделал...» Тогда отец понимающе усмехнулся: «Заработать хотел, негодник!»

В объяснительной записке Саши были такие слова: «Я ненавижу все, что порочит человеческую красоту. Поэтому я и стал драться, когда увидел».

Отец Саши, прочитав объяснительную записку сына, сказал: «Я и не мыслил иного поступка с его стороны».

Две разные позиции. Два разных результата воспитания.

Не хотелось бы делать такой вывод: в семье Жени безразличие к миру прекрасного, утилитаризм и культ практицизма, а в семье Саши — благоговение перед искусством. Наверное, все намного сложнее. И реакцию

отца Саши на поступок сына трудно оправдать, и поступок сына уязвим с точки зрения нравственности: нельзя нравственность утверждать кулаками.

Но об одном можно сказать наверняка:

Если вы хотите приобщить ребенка к прекрасному, сами займитесь искусством.

Это неправда, что у вас нет дарования

Одна мама мне сказала возмущенно:

— Вы что же проповедуете? Шарлатанство? Если каждый будет рисовать? Да вы знаете, что искусство — удел избранных? Я, например, ничего не могу.

— А хотите, я докажу вам обратное? Вы напишете великолепную картину и изумительный портрет. И, представьте себе, маслом. На холсте...

Мама расхохоталась. Ее насмешили слова «масло», «холст», «портрет».

Но я принес ей кисти, холст и краски. Попросил хоть что-нибудь нарисовать карандашом. Она набросала две елочки, два облачка, волка с раскрытой пастью и зайчишку. Я надавил красок: они так великолепно блестели, что этот радужный блеск, наверное, что-то и задел в этой маме. Я ей сказал: «Выберите какие угодно тона и раскрасьте ваш рисунок. Знаете, Суриков однажды сказал: «Наконец-то я нарисовал «Боярыню Морозову», осталось только раскрасить». Так вот, вы тоже только раскрасьте. Как угодно. Хотите, небо сделайте красным, деревья голубыми! Что хотите, то и делайте!»

— Что же, по-вашему, я такая дура,— сказала мама,— что небо красным разрисую? Небо будет у меня синим...

Через полчаса мама ликовала: у нее получился отличный пейзаж, на холсте и маслом. И я ей сказал:

— Великолепно! Но самое грустное, конечно, то, что вам никто не поверит, что это ваш рисунок...

Я играл, и она приняла игру. К ней в этот час вернулось детство, ей страшно захотелось еще что-нибудь нарисовать. И я предложил:

— Портрет. Чей портрет вы бы хотели нарисовать?

— Мужа,— сказала она.

И снова карандашный рисунок, а затем краски: черные роговые очки, ямочка на подбородке, черные густые волосы, красные щеки и голубые-преголубые глаза...

Портрет ей понравился еще больше. Между рисунком и ее характером было много общего: такая же напористость, искренность, твердость линий и предельная насыщенность красок.

Ну, а самое главное — она начала рисовать с дочерью. И дело тут не в их умении, а в увлеченности, в отношении к искусству.

Какую ошибку можно допустить в приобщении ребенка к прекрасному, и во что она может обойтись?

Давайте проанализируем результат воспитания в семье Макаровых.

Сам Макаров рассказал мне о себе так:

— Я рисовал, потому что у нас в семье все рисовали. Но у меня не получалось так, как у старших братьев, и надо мной смеялись. И я возненавидел рисование. Возненавидел так называемые «видики» (прилизанная гладь воды, зелененькая, одна в одну, травочка, кудрявые деревья). А у меня все получалось разорванно, лохмато, накручено и «нечисто», как говорил мне отец. И я забросил бы кисти навсегда, если бы однажды не увидел рисунки и картины французских импрессионистов, да и некоторых наших русских художников. Поверьте, я почувствовал себя точно обкраденным. У многих из них я увидел точно такую же неправильность форм и взлохмаченность, которая была в детских моих работах. Такая же яркость тонов, без переходов... И я стал лихорадочно писать. Изучал технику в процессе работы. Одним словом, все свободное время отдавал живописи.

Естественно, что я хотел во что бы то ни стало приобщить и своего сына к искусству. Но вот парадокс: я сделал ту же ошибку, которую по отношению ко мне допустили мои родители и старшие братья.

Помню как сейчас этот злополучный вечер, когда мой маленький сын — Саше тогда было не более шести, — рисуя акварелью на бумаге, стал наносить один слой на другой (чего, как вы знаете, в акварели не рекомендуется делать), и я стал сердито говорить: «Да нельзя же так помногу краски! Бумага должна светиться».

Но и на десятый и на двадцатый день Саша делал то же самое... Он будто нарочно размешивал акварельную краску, доливая и доливая в блюдечко водички, пока вся краска не растворялась... И я не выдерживал, срывался и кричал:

— Да нельзя же так! Ты все краски испортишь!..

Саша точно изводил меня. Он разливал по бумаге все это жидкое радужное месиво, а я стонал от досады. И финал был грустный. Больше Саша не взялся за кисточку. Как я его ни завлекал, к краскам он больше не прикоснулся. Впрочем, попробовал он однажды, года через три, нарисовать карася, такое домашнее задание по природоведению он получил. И я был поражен тем, что мой трехлетней давности урок засел в его голове. Акварель была так чисто и изящно нанесена, что каждая чешуйка, каждая косточка — все светилось, как и должно светиться в акварельном рисунке.

Я — с каким опозданием! — похвалил рисунок. Подумал, что отныне Саша возьмется рисовать... Но не тут-то было. Саша за своего великолепного карася схватил тройку: оказывается, нарисовал рыбу на листе не того формата. Он расстроился и в том году больше к краскам не притрагивался.

— В чем же состоит ваша ошибка? — спросил я, чтобы получить подтверждение своим мыслям.

— А в том, что приобщение к прекрасному требует исключительной бережности.

— То есть мы в любом случае должны хвалить, поощрять?

— Именно так. Именно похвала поможет развернуться детским творческим силам...

— Но есть ведь и другие способы. Отец Паганини, издеваясь над ребенком, заставлял его играть на скрипке. А получился великий скрипач.

— Да, Паганини выжил, а сколько «паганини», изуродованных родительскими окриками, запретами или, наоборот, принуждением, навсегда оказались погубленными?

— Ну, а если ребенок в первом своем рисунке изобразит совершенную чепуху? Тоже надо похвалить его?

— Пожалуй, тоже, — ответил нерешительно Макаров. — Впрочем, я именно об этом и хотел вам рассказать...

Прервем рассказ отца Макарова для того, чтобы подчеркнуть главную мысль: когда мы стремимся приохотить человека к чему-либо, мы на первых порах должны воздержаться от критических замечаний. Это всеобщий закон, распространяющийся на все виды деятельности, на развитие всех человеческих интересов без исключения.

А история действительно была поучительной.

— Дело было так, — продолжал Макаров. — Саша в последние полтора года стал присматриваться к моим

работам. Иногда мы ходили с ним на выставки. Не могу сказать, чтобы он рвался в музей, нет. Скорее я его водил. И он точно боялся отказать мне. Шел, пожалуй, нехотя, но шел. Смотрел, оценивал. Подолгу у картин не задерживался. И вот однажды я почувствовал, что он хочет сам что-то нарисовать. Я дал ему кисти, краски, картон. И он стал рисовать, запершись в своей комнате.

Был воскресный день, настроение было легкое, и через некоторое время я попросил Сашу, чтобы он показал мне свою картонку. Сын — ни в какую! Только я подхожу к двери, он кричит: «Ну я прошу тебя! Ну потерпи! Закончу — покажу...»

Я для себя твердо решил: что бы он ни сделал, я все равно похвалю, чтобы укрепился в нем интерес.

Нельзя развивать интерес к любой творческой деятельности в отрыве от нравственности

И вот, как сейчас помню, Саша, торжествующий, вышел. Я сидел в кресле. Он поставил напротив меня свою картину. Затем побежал за настольной лампой. Включил ее, направив свет на картон.

То, что я увидел, привело меня в смятение. В горле что-то сдавило, я растерялся...

На картине был нарисован белый гроб, резной работы, с выступами, с крышкой, с мощным основанием — то есть такой гроб, который я, возможно, и не видел, но представлял, что именно таким должно быть это последнее убежище человека. А по краям восемь разноцветных то ли урн, то ли круглых подставок. Причем эти урны уменьшались по мере отдаления от переднего плана.

Я сейчас, — рассказывал Макаров, — могу как-то оценить свое психологическое состояние: ощущение какой-то внутренней боли сменялось чувством беспомощности, ужасными нелепыми предположениями... Хотелось спросить: «Зачем же так? Ведь у нас не так давно бабушка умерла. Это самое тяжелое горе, о котором, правда, никто из нас не напоминает, но оно не покидает нас, носится в воздухе...» Приходили и другие мысли: когда-то Саша вроде бы в шутку заладил, что ему надоело жить. «Может быть, и этот гроб, — думал я, — навеян страшными мыслями...»

И пока я размышлял, он, точно кожей чувствуя мое замешательство, спрашивал у меня: «Ну что? Ну как?»

И все-таки, верный своей установке, я сказал:

— Ты знаешь, удивительно прекрасно по цвету...

— Но я чувствую все же,— сказал он,— что тебе что-то не нравится.

— Не совсем оптимистично по сюжету,— процедил я, натужно улыбаясь, и добавил:

— А ты попробуй сделать еще что-нибудь. По-моему, у тебя с цветом получилось что-то необыкновенное.

Саша отправился к себе в комнату и через полчаса принес портрет одного из битлзов. Портрет был необычен в выборе красок. Кажется, я такого сочетания никогда и не видел. Фон — густой чернильной фиолетовости, лицо — ярко-лимонно-желтое, однако не ядовито-желтое, а мягко- и тепло-желтое с некоторой белизной, волосы — иссиня-черные, однако местами с коричневым отливом, и одежда — крапlak с какой-то голубой тенью.

— Прекрасный портрет,— сказал я.— Кажется, ты сможешь сделать нечто совершенно необычное. Нет, портрет просто восхитительный...

Я говорил, а в голове у меня сидела мысль о картине с гробом. И он это понимал. И знал, что все мои похвалы портрету — попытка отвлечь его, замять историю с той картиной... И может быть, протестуя против этого, а может быть, по какой-то другой причине, только я отлично знал, что он начнет говорить о своей первой картине. Так оно и получилось. Он сказал:

— А ты знаешь, мне первая картина больше нравится. Ты знаешь, как я ее назвал? Я ее назвал «Жить, чтобы жить».

— Что же, очень по-философски... А какой ты смысл вкладываешь в это название?

— Мне трудно это сказать,— ответил он,— но жизнь действительно так прекрасна, что смерть лишь подчеркивает ее красоту и ее вечность...

И все-таки в тот вечер я не смог рассуждать о его картине. Я вспоминал его разговоры о сюрреализме. Саша стал меня спрашивать об этом направлении. Из всех живописных течений я именно сюрреализм и не приемлю. Ненавижу за его бездушность. Я сказал ему об этом. Тогда через несколько дней он притащил альбом Сальвадора Дали, и мы стали рассматривать репродукции. Почему для меня неприемлемо его творчество? Я пояснил, насколько мог, свою точку зрения: все стерилизовано, химизировано, выжжено, все дышит смертью, концом света, ужасом: эти черепа, змеи, распятые с геометри-

ческой точностью, пригвожденные шипами фигуры... Саша согласился с моими оценками. Правда, спросил:

— Ну, а техника у него сильная?..

— Безусловно, своеобразная, но скорее фотографическая, а не живописная. А главное: он не добрый, этот Дали.

— А разве нельзя его понять как художника, который изображает всю мерзость буржуазного мира? — спросил Саша, стараясь зайти ко мне с другой стороны...

— Можно, конечно, и так понять, — сказал я. — Но даже в изображении уродливого в искусстве что-то должно дышать теплотой. Где-то должен быть хотя бы маленький просвет. Помнишь, например, у Бредбери, в его романе «451° по Фаренгейту» — там все уничтожено машинной цивилизацией, но есть какой-то проблеск: одуванчик вырос на асфальте этого безумного города... Вот и в искусстве должны быть свои одуванчики... Может быть, я с такими взглядами устарел?

— Да нет, ты, пожалуй, прав, — сказал он.

И я обрадовался, что он со мной согласился.

Прошел день, он снова заговорил о Дали, и я чувствовал, что он хочет как-то перейти снова к своему рисунку.

— Я не возражаю против одуванчиков, — сказал он, — но почему должен быть такой стандарт? Разве талант Дали не имеет права на жизнь? А разве «Герника» Пикассо не такой же протест против жестокости мира?

Подростка легче всего убедить его же собственными мыслями

Единственно, чего я не могу, — рассуждал Макаров, и я с ним соглашался, — это запретить моему ребенку мыслить так, как он хочет. Конечно, он мыслит понятиями и ассоциациями, которые черпает из разных источников. Ведь слышался же он от кого-то о Дали. Чьими-то глазами посмотрел на этого художника. Чьи-то суждения засели в его голове. «А ты знаешь, — говорит он, — твои Моне, Ван-Гоги, Серовы давным-давно устарели. Они так же традиционны в своем мышлении, как Репин, Рембрандт и Рафаэль. Новое искусство должно быть иным».

— Абстракционизм?

— Абстракционизм — это тоже старо, — ответил мой сын. — Нелепейшая бессмыслица. Искусство делают искусством три вещи: мысль, предмет и краски. Я не буду заниматься живописью, потому что никогда не смогу овладеть такой техникой изображения предмета, какой владеет тот же Сальвадор Дали.

Я не спорил.

— Ты почему молчишь? — спросил он.

Я ничего не ответил. Мне надо было обдумать все. Взвесить, подобрать аргументы. Увидеть тех моих закулисных противников, с которыми я должен был скрестить шпаги.

— Тебе не нравится ход моих рассуждений? — явно лез на рожон мой сын.

Я чувствовал, как он ершился, как он весь подобрался и ждал моих возражений, чтобы обрушиться на них. И я отступил. Отступил весьма доброжелательно, без какого-нибудь ехидства или провокации.

— Нет, пожалуй, мне нравится ход твоих рассуждений, — ответил я, заметив тут же, как он расслабился (атака отменялась, зазвучал сигнал отбоя).

А я думал над тем, что нарисованный гроб — это совсем не случайность, что это отраженный свет его сегодняшнего настроения. И вспомнил, как он рассказал о том, что один его друг нарисовал картину, где изображена часть лица и огромная слеза. А другой приятель изобразил два фантастических цветка с божьей коровкой, а рядом огромные колеса автомашины.

Я не стал распространяться, оставив за собой право когда-нибудь в подходящий момент ответить на поставленные им вопросы. А сейчас я все же рискнул кое-что ему объяснить, так сказать, снять верхний слой его заблуждений.

— Понимаешь, — сказал я, — все это не ново. Хотя и в сюрреализме есть немало интересного. Хочешь, я покажу тебе одну картину? И если ты пожелаешь, я сниму с нее копию и повешу у тебя над столом. — Я знал: то, что я ему покажу, непременно снимет напряжение, и он рассмеется, и это будет мое самое лучшее оружие против его «новых» взглядов на искусство. Я показал Саше картину Марсела Дюшана, на которой был нарисован огромный писсуар общественной уборной: все точь-в-точь, с дырочками, фаянс беленький... Фотографическая точность предмета отрицала хоть какую-нибудь общность с живописью, и Саша понял это.

— Тебе не нравится? — спросил я, улыбаясь.

— Не очень...

— Однако ты готов во имя подобных «шедевров» снять со счета Ренуара и Рафаэля?

— Ты меня не так понял...

Вот это был тот ответ, который мне был нужен. Эта

оправдательная, защитительная, оборонительная реакция была началом моей победы. История с гробом еще не закончилась. Но уже близился кульминационный момент. И я подходил к нему очень осторожно, точно подо мной была тоненькая корка таявшего льда.

— Впрочем,— заметил я,— мне не хотелось бы допустить нечестный прием. Я, конечно, выбрал для тебя не самое лучшее творение модерна. Вот я могу тебе показать картину, которая называется «Черви»: очень увлекательный сюжетец...

Саша рассмеялся. Но это был не тот открытый смех, который снимает напряжение и разрешает противоречие. Это был смех-прикрытие. За ним собственный, скрытый мир, и надо было думать и думать, чтобы вывести моего сына из плена превратных представлений.

Учите ребенка

самостоятельно воспринимать искусство.

«Стадность», суррогаты коллективности

недопустимы в эстетическом воспитании

Так уж мне повезло: достал два билета на американскую выставку «Сто шедевров из музея «Метрополитен».

Когда мы обошли все залы и уже имели общее представление о выставке, я сказал ему: «А вот теперь выбери то, что тебе очень понравилось. И мы еще раз подойдем к этим картинам...»

Прежде всего он повел меня к Эль Греко.

— Вот этот «Вид на Толедо» настолько современен,— сказал он,— что я мог бы увидеть такую вещь на выставке сегодняшних художников. А написана черт знает когда: 375 лет назад! А его автопортрет так понятен,— добавил он.— Мне кажется, что он думает о том, о чем и я. Только он мудрее намного...

Потом мы подошли к Яну Вермееру, к «Даме с лютней». Саша стал рассуждать примерно так:

— Вот вроде бы те же краски, что у Коро. Но Коро мрачен, романтичен, а Вермеер — весь из света, тепла...

Затем мы оказались в зале французских импрессионистов. Саше понравились работы Клода Моне, Боннара, Сёра, Ренуара.

Когда мы вышли из музея, Саша сказал:

— Все, что мы видели,— это за человека. А вот Дали мне непонятен. Я не пойму, что он отстаивает, чему поклоняется.

— А почему же тогда некоторым твоим товарищам нравится Дали? — спросил я.

— Мода, — ответил он. — Привлекают его фантазия и техника. Ну, и еще настроение: правду пишет...

— Какую?

— А все равно когда-нибудь все полетит вверх тормашками. Вот он и пишет о конце света... О чем ты задумался? — спросил он.

— А знаешь, я представил себе лицо Эль Греко, который взглянул бы на Дали. Ведь в средние века, как известно, господствовали жестокость и страх. И все-таки существовало вечное гуманистическое искусство. Вера не в смерть, а в жизнь. Вот мне в твоей картине понравилось название: «Жить, чтобы жить».

— А ты знаешь, — ответил мне Саша, — я приду домой и обязательно напишу два сюжета, они у меня родились сегодня на этой выставке.

Собственно, что произошло с сыном Макарова? Напомним еще раз, не в живописи здесь дело. А в том, каково отношение ребенка к жизни вообще. Каковы его взгляды. Как идет процесс становления человека. Конечно, духовный мир, так сказать, идеален, но он строится исключительно на предметной основе...

Отношение к искусству характеризует духовный мир человека в целом. По тому, как человек судит об искусстве, можно судить и о его отношении к людям. Именно поэтому очень важно, чтобы искусство оказалось в системе нравственных гуманистических представлений, в системе, защищающей гуманистические идеи.

Конечно, чтобы приобщить ребенка к прекрасному, надо самому обладать хорошим вкусом. Но ведь собственный вкус ниоткуда не возьмется, если он не будет развиваться. Макаров приносил в дом искусствоведческую литературу, репродукции. Нет такого ребенка, который остался бы равнодушен к ярким иллюстрациям. Особенно если заинтересовать его и рассказом об изображенном. Не может ребенок остаться безразличным к такого рода просмотрам с пояснением. Начать лучше с жанровых, сюжетных картин, а позже можно перейти и к пейзажам. Ребенок должен привыкнуть к языку красок, к шероховатой поверхности мазков, к смелым бликам (вблизи ничего не поймешь, а отойдешь — так точь-в-точь), к разным изобразительным манерам. И этот процесс привыкания и есть процесс образования той основы, на которой складывается собственный вкус. Одних захватывает тра-

гический Рембрандт, других — эпический Васнецов и т. д. Пусть у каждого будет свой любимый художник. Пусть их даже будет несколько. Полезно, если у детей будет своя коллекция репродукций.

Как можно чаще советуйтесь с детьми относительно интерьера комнаты, квартиры, обоев, картин, костюма.

Пусть ребенок присматривается и учится отличать красивое от безвкусного. Пусть сам делает попытки усовершенствовать что-либо вокруг себя: перекрасить, переставить, обновить, подклеить, повесить новую репродукцию и т. д.

Если ребенок что-либо сделал своими руками, берегите эту поделку: она дороже хрустальной вазы. Если у вас есть возможность оформить детский рисунок в рамку, непременно повесьте его на стену. Когда накопится много детских поделок, сделайте для них полку или альбом.

Если среди работ сына или дочери появились, на ваш взгляд, очень интересные, доставьте ребенку радость — устройте небольшой домашний вернисаж. Не приглашайте много людей, только близких — пусть это маленькое мероприятие будет вашим семейным праздником.

Во многих журналах есть художественные вкладки с репродукциями. Даже если вы в течение месяца два поговорите о них дома, это скажется на развитии ребенка. Я почему об этом говорю? На моих глазах в пионерском лагере около трехсот ребят участвовало в конкурсе «Искусство». Им надо было назвать автора известных картин, жанр картины, стиль. К сожалению, большинство ребят ответить на эти вопросы не смогло.

Искусство воспитывает, объединяет, духовно обогащает общение. Если ребенок прочел хорошую книжку, он непременно расскажет о ней товарищу. Если посмотрел интересный фильм, поделится своими впечатлениями дома. Если воображение ребенка поразила та или иная картина, он передаст свой восторг другим.

В обществе других человек порой тоньше, и глубже, и с большим интересом чувствует красоту природы, красоту искусства. Один мой знакомый сказал откровенно: «Я природу не могу по-настоящему созерцать, если со мной рядом нет никого. Я испытываю острую потребность тут же поделиться». Вообще-то такая потребность, наверное, еще не свидетельствует о богатстве натуры человека. Но она естественна. Прекрасное несет в себе заряд социального, заряд жажды общения. Именно

поэтому тесное общение родителей с детьми создает больше естественных предпосылок для развития эстетического воспитания.

ГАРМОНИЯ — ЕДИНСТВО РАЗЛИЧНОГО

Когда сравнивают условия трудового воспитания в городе и селе, предпочтение отдается селу. Когда же речь идет об эстетическом развитии, первое место, безусловно, отдается городу: там и специалисты, и музеи, и театры. Но так ли это бесспорно?

Сошлюсь на опыт.

В течение последних десяти лет я участвовал в проведении известного эксперимента по эстетическому и трудовому воспитанию в селе Прелестном Донецкой области. В развитии эксперимента приняли участие самые разные люди: и ученые, и художники, и журналисты, и широкая общественность села, района, области, страны.

Особенность эксперимента в том, что художественное воспитание связывалось с нравственным, и прежде всего с трудовым. То есть речь шла об условиях становления гармонически и всесторонне развитой личности.

Основная идея нашего опыта казалась многим дерзкой, но она увлекала. Мы исходили вот из чего. Дети не делятся на бездарных и одаренных. Все дети талантливы, и каждый способен к творчеству. Мы стремились создавать такие условия, чтобы неизбежен был высокий воспитательный результат. Я подчеркиваю: неизбежен! Главная установка состояла в следующем: талантливость каждого раскроется, если пробудить в ребенке духовную потребность видеть и чувствовать прекрасное, если соединить труд с различными формами человеческого наслаждения. И одно из условий здесь — гарантия полной защищенности личности ребенка, которую я понимаю и как свободу личности, и как атмосферу творчества, и как такую коллективность, которая ведет к развитым формам общения, к раскованности внутренних сил ребенка.

Ребенок в рисунке непременно проявляет свою индивидуальность. Он выбирает именно те сюжеты и краски, которые наиболее полно выражают его «я». И когда взрослый говорит ему: «Это не так», — у ребенка не только пропадает желание рисовать, но и вселяется роковая неуверенность, которая вырастает в установку: я не способен. И исчезает интерес к прекрасному.

Вот почему главным в своей работе Александр Иванович Шевченко (учитель рисования и участник нашего эксперимента) считает расковать силы ребенка, вселить уверенность в свои силы. А для этого надо создать обстановку игры, фантазии, непринужденности.

Вот почему свои уроки А. И. Шевченко начинает не с карандаша, а с ярких акварельных красок. «Главное — пробудить в ребенке радость цвета, — говорит он, — радость ощущения красок и процесса творчества. А затем, увлекшись, ребенок станет заниматься и сложным — овладением техникой...»

Вот почему он начинает с того, что учит детей присматриваться к своему селу, вспоминать свои ощущения от прикосновения к первым зеленым побегам, от утренних солнечных лучей, прислушиваться к ночной тишине, видеть в каждом дереве живую душу. И радоваться, радоваться, радоваться. Даже разговор о «самом страшном» вызывает неподдельное веселье, — страшно было в лесу? — взрыв смеха.

Главная направленность работы — ориентация на детскую радость, на детский смех, на детскую увлеченность. И щедрые поощрения, и стремительность, способная разбудить каждого на уроке. Да и урок-то начинается с порога: «А ну, кто нарисует весенний ветер?» — бросает Александр Иванович, входя в класс. К доске выбегают трое.

Стучат мелки по доске. На одном рисунке дома, и дым уносит ветром вместе с трубой, а на другом — длинные ветки верб и тополей хлещут по разорванным облакам... Александр Иванович: «Все рисунки чудесные. Но что еще можно добавить? Какую деталь?»

...И еще одно упражнение, которое я назвал бы тренировкой фантазии. Александр Иванович рисует на доске некую закорюку. Надо продолжить ее так, чтобы получился предмет. И из закорюки у одного получается вдруг автомашина, у другого — крокодил, у третьего — человек, а у четвертого — ботинок. И в классе хохот и нетерпение, и каждому хочется что-то добавить, что-то высказать... «Вот видите, как на многое может навести одна только линия, один штришок, как по-разному видит каждый из вас», — заключает учитель.

«Какого цвета снег?» — продолжает Александр Иванович. И ответы: «Синий! Красный! Розовый и блестящий!» — «А посмотрите, какие крыши!» — говорит Александр Иванович так, будто ничего прекраснее этих крыш в мире нет.

И вот первые акварельные рисунки в руках учителя. В каждом он находит индивидуальное, неповторимое. И не скупится на похвалу, хотя и говорит то, что думает...

Я привожу не случайный набор удачных решений, а то, что изо дня в день настойчиво повторяется в педагогическом процессе и создает то творческое поле детской энергии, которое ободряет каждого, придает уверенность. Вот как об этом рассказывает Александр Иванович в своем дневнике:

«В комнату, где рисуют ребята, робко входит девочка с еще не распечатанной коробкой красок. Первый ее рисунок на листке — потеки черных, оранжевых и зеленых пятен и линий. А в глазах растерянность и робость: «боюсь, не умею». И вот здесь как раз и надо помочь этому хрупкому и нежному росточку поверить в себя, в свои возможности. Показываю рисунок детям: «Посмотрите, это же сказка! Из какой сказки, ребята?» В душу закрадывается холодок страха: «А вдруг не поймут! Как трудно тогда будет с этой девочкой». Но ребята почувствовали мою взволнованность, кричат: «Змей Горыныч летит над лесом!», «Большие деревья в лесу!» Здесь надо не отпугнуть ребенка, а придать ему уверенность в своих, пусть даже крохотных, способностях к рисованию, привить любовь к цвету, рисунку, дать почувствовать радость творца. Только через радость творческого процесса ребенок придет к линии, к технике».

В ходе эксперимента нам удалось доказать, что каждый, даже самый, казалось бы, слабенький и невосприимчивый, ребенок способен ощутить и творить прекрасное. Приходит такой ребенок, сидит, смотрит. Не торопит его Александр Иванович, но обязательно отметит: «А вы знаете, как Ваня здорово смотрит? Уметь видеть красивое — это уже много!» И мальчонка оживает, тянется испробовать силы и, действительно, через некоторое время прекрасно работает. Вот эта защищенность — бережное отношение учителя к каждому ребенку — и является условием раскрытия способностей каждого.

Развивать соревновательность в творчестве — это необыкновенно увлекательно

...У Юры особенная манера, он любит рисовать тушью, фломастером, и линия у него — прямо-таки летящий бег пера. Бабушка поначалу останавливала: «Да не торопись, смотри, как другие медленно выводят рисунок...»

Но Юра не слушает, говорит: «А Александр Иванович сказал, что у меня своя манера вырабатывается...»

И это действительно так: учесть индивидуальное своеобразие детей — как это важно!

И еще один эпизод. Дети рисовали осень. Вдруг четырех мальчишек осенила идея сделать пейзаж соком разноцветных листьев. Эх, как они заработали! Как они выскивали яркие листочки. И вдруг один из них понесся за черным цветом на болото, а за ним товарищи. А рядом со мной Наташа прямо-таки изнывает от любопытства: хочет подсмотреть, что же там такое невероятное у этих мальчишек, которые всегда что-нибудь да придумают. «Потерпи,— просит ее Александр Иванович,— у них же секрет!» И смеется. А у Наташи глаза горят — вся огонь! «Не могу терпеть»,— говорит она и срывается с места. И через минуту мчится с болота и несет полную ладонь грязи. И со всего размаху эту грязь на лист бумаги, точно кричит: «Ну я сейчас сделаю такое, чего никогда ни у кого не было!» И ручонки ее работают с такой неистовой быстротой и с таким изяществом, что ее соседки рты раскрыли, а у Наташи на листке уже появились глаза из кусочков коры, красные пуговицы на рубашке, золотой пояс из листьев...

Вот это мгновение, когда вспыхивает детская страсть творчества, наверное, и есть то основное звено, из которого рождаются детское увлечение, радость поиска и открытия. Умение вызвать эти радостные мгновения куда больше значит, чем десятки методик формирования отдельных навыков. Ибо «голое формирование» без одухотворенного детского счастья — ничто.

Следующая линия связана в нашем эксперименте с преобразованием окружающих обстоятельств, с изменением интерьера села, квартир, рабочих мест отцов и матерей.

Вернисаж на полевом стане... Выставка под названием «Рисуют наши дети». Около ста детских работ посвящено труду отцов и матерей.

Я наблюдал, как расправлялись морщины на лице у тракториста Ивана Давыдовича Педана, к которому вдруг обратился его товарищ: «Посмотри, Иван, твой Сашка тебя нарисовал...» И смотрит Иван Давыдович на свой синий трактор, поднимающий зябь, на бескрайние просторы вспаханного поля, на подпись под картинкой, аккуратно выведенную сыном: «Папа на работе», и лицо его смягчается улыбкой...

Мы составили с А. И. Шевченко план экспериментальной работы, программы уроков рисования, студии, музея, разработали тематику детских работ по рисованию, русскому и украинскому языку, истории, труду. В перспективе эти занятия объединяют учителей-предметников, ибо осуществление комплексных программ (живопись, литература, история, труд) приведет к тому, что элементы эстетического видения станут частью мировоззрения, одним из действенных способов утверждения в детях духовных ценностей, формой приобщения к труду.

Вот пришла к Александру Ивановичу пятиклассница Галя Заборская, принесла свой лучший рисунок и сочинение. Галя месяц проработала в колхозе и поэтому нарисовала своего бригадира тетю Лену. Тетя Лена в ярком голубом с красными цветами платочке стоит на колхозном току среди только что обмолоченного хлеба. Колхозный амбар полыхает оранжевой крышей, синяя машина уходит в степь, и сама Галя в красном сарафане. Нежное, трогательное чувство к своему бригадиру девочка выразила и в сочинении. «Тетя Лена,— пишет она,— работает у нас бригадиром. (Заметьте это уверенное — «у нас».) Она очень хорошая, ласковая. Тетя Лена выбрала меня учетчиком. Я очень старалась, чтобы не подвести нашу хорошую тетю Лену. Ей 40 лет. Ее все уважают. Работает она хорошо. На лицо она красивая. Видно, что умная. Тетя Лена лучше всех!»

И то, что самодеятельное искусство детей вошло в трудовые будни колхозников, стало привычным для глаза, для сознания, является результатом многолетней кропотливой работы, пронизанной большой идеей подлинно гражданского и патриотического воспитания средствами труда и искусства. Не случайно председатель колхоза Константин Харитонович Лысак на протяжении многих лет следит за уроками А. И. Шевченко, за развитием студии; приходя к ребятам, он всегда поинтересуется: «Может, еще что-нибудь надо: краски, холсты, машину для выставки в соседнем селе?»

Вся эта работа помогла по-иному осознать многие теоретические положения педагогики, в частности понятие «коллектив». Вот за одним столом сидят и первоклассники, и старшие ребята, и учителя, и пожилые колхозники. У них общие интересы, общие дела. Шофер «скорой помощи» Николай Карпенко написал картину «В кузнице», и она очень понравилась детям. А каждый новый пейзаж колхозного художника Николая Жижченко, который

ведет с ребятами кружок рисования, — прямо-таки событие для всех. По вечерам ребята вместе со взрослыми много говорят об искусстве. На столе репродукции Серова, Врубеля, Ван-Гога, Ренуара. Так духовные ценности объединяют взрослых и детей.

АЗБУКА ГРАЖДАНСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Конечно, не только восприимчивость и увлеченность характеризуют детство. Есть и другое — беспомощность, капризность, своеволие, недомыслие, хвастливость и то, что принято называть инфантилизмом. И если подросток задерживается в своем духовном развитии, то такие прекрасные свойства, как детскость и творческость (эти термины употребляют некоторые зарубежные психологи для характеристики не столько возрастных границ, сколько способности к открытию), неизбежно гаснут, перерождаются.

В этой связи вспоминается образ испанского идадьго, сохранившего, как мне кажется, детскую неумемную энергию. Инфантилен ли Дон-Кихот?

Для меня Дон-Кихот — воплощение прекрасной детскости. Для него нет вопроса: сражаться или не сражаться? Он уверен: если есть зло, надо сражаться. Когда в человеке просыпается Дон-Кихот, это вовсе не свидетельство его беспомощности или инфантилизма. Это скорее проявление неутраченной детскости, той безоглядной открытости, без которых не может быть утверждения высоких нравственных идеалов.

Считают, что от того, каким было детство, зависит вся дальнейшая судьба человека. Но это, конечно, не та прямая зависимость, следуя которой можно было бы утверждать, что если детство было жестокое, то и человек будет жестоким.

Много веков европейцы бьются над тем, чтобы в детстве не заронилась и мысль о возможности вседозволенности, а японцы настаивают: до пяти—семи лет — абсолютная свобода и вседозволенность.

Детскость и овзросленность. Детскость и преждевременное старение. Преждевременная, скучная, унылая, расчетливая юная старость.

С парадоксом преждевременного взросления приходится встречаться, к сожалению, не так уж редко.

— Защитить товарища? Выступить против неспра-

ведливости? — рассуждает подросток. — Да я не такой дурак, чтобы лезть на рожон.

В этом парне сидит обывательская овзросленность, а проще говоря — растет расчетливый приспособленец.

Под разными небесами люди взрослеют по-разному, но во всех уголках земли взросление сводится к одному — к становлению Человека. А пути этого становления каждый раз свои.

...Их бритые головы блестели, словно спелые дыни на солнце. Владельцам антипричесок было по пятнадцать лет. И сбрили они свои кудри отчасти в качестве вызова, а отчасти с намерением утвердить новый стиль.

О чем бы я ни говорил с этими ребятами, они упрямо твердили: «Нет справедливости на земле». И когда я настаивал на том, чтобы мне объяснили, в чем же несправедливость, они бодали воздух своими бритыми головами и отвечали: «Нас ругали, когда у нас были длинные волосы, теперь называют сумасшедшими за то, что нет волос!»

При этом их лица изображали крайнее страдание.

Разумеется, это не самое важное — какая длина волос у подростка. Я склонен «признать» и бритую голову, если бы... На этом «если бы» и останавлиюсь.

В международной артековской семье я познакомился с ребятами из Франции, США, Австралии, Японии, ФРГ и других стран, которые отдыхали и работали вместе с советскими ребятами. У них были разные прически — у наших ребят и гостей — от короткого «бокса» американца Марка Макфорта до удлиненной шевелюры Сережи Алексеева из Новосибирска. Но было и много общего у этих представителей прогрессивных молодежных организаций. Они мыслили в одном ключе.

— Самое главное — такой коллектив, где бы каждый мог проявить свою ответственность за себя и за судьбу другого товарища, — говорил Сережа. После мне его вожатый расскажет о том, как однажды Сережа бесстрашно бросился защищать его от нападения хулигана.

— Главные ценности века, — рассуждал юный француз Жиль Кале (ему очень идут вьющиеся длинные волосы), — дружба, жизнь в группе, ответственность за свою судьбу и за судьбу общества.

— Нам с хиппи не по пути, — заявил американец Марк Макфорт. — Наркотики ведут к безответственности. А это выгодно некоторым.

В них, в этих троих, таких типичных ребятах, сочетались и детскость — все любили играть, спорить, заби-

ратся на крутые склоны гор, участвовать в бесчисленных конкурсах, и гражданственность — видели бы, как американские ребята пели песню «Я бросаю винтовку — я не хочу воевать!», слышали бы, с каким воодушевлением они рассказывали о празднике «Салют, победа!» в Севастополе, когда опускали в море венки в память о погибших!

Это неправда, что детям, подросткам свойственна лишь беззаботность, они искренне переживают, волнуются, страдают. Без этого и не может быть становления человека. Слезы, даже если они очень горькие, очищают душу: важно только не сломаться, не озлобиться. Важно, чтобы решительная угроза всему свету — «Ничего, я вам еще покажу, кто я такой!» не переросла в озлобленность. Важно, чтобы взрослые научили главному — уметь человечностью и мудростью контролировать свою запальчивость...

Беседуя и споря с учителями и ребятами 79-й рижской средней школы, мы пришли к интересным выводам и, как говорили шутя, открыли две формулы человеческого счастья. Одна — «само» (так мы ее назвали, впрочем, такой термин бытует в европейской психологии) означает самореализацию духовных и физических сил личности, самовыявление, самоактуализацию, самосознание, самовоспитание, самодеятельность. Всестороннее развитие личности — цель коммунизма. Поэтому проблема развертывания совокупности способностей личности есть наиглавнейшая. И в этом «саморазвертывании» выражаются и подлинная свобода, и вкусы, и пристрастия человека — к музыке, живописи, книгам и увлеченность трудом, наукой, спортом. Но никакого подлинного раскрытия таланта и самоактуализации личности не может быть без — второй формулы — «со» (в этом и есть отличие советской психологии от буржуазной): сопричастности, сотрудничества, сочувствия, сострадания, соучастия, солидарности.

В Риге я познакомился с Новитой Львовной Куклей — учительницей истории, которая организовала в школе «Политический клуб».

Политическое становление личности — а это и есть один из главнейших признаков взросления — идет как бы в двух планах. Прежде всего — уроки, но там все по программе: выучить, ответить. И второй план, когда старшеклассники собираются и идет у них живой разговор о том, что почерпнуто из газет, книг, вспоминаются имена известных деятелей, спорят о международной

политике, размышляют вслух о судьбах народов, о своей причастности к истории. Органическое соединение этих двух планов весьма важно.

Вот в рижском «Политическом клубе» реализуются и первый и второй планы. Ребята учатся давать оценки социальным явлениям. Может быть, неточные, но свои, продуманные и аргументированные. Их оценки можно уважать — это признак раздумий, а значит, взросления.

Под разными небесами ребята взрослеют по-разному, и каждый решает для себя вопрос: «Неужели я взрослый?» Родители должны быть готовы к тому, чтобы подтвердить: «Да, ты взрослый — это сказывается и в неразрывной связи слова и дела, и в добром отношении друг к другу, и в глубоком понимании своих родителей, учителей, и в твоём отношении к судьбам мира».

ИДЕАЛЫ

Вы знаете, что творится с вашими детьми, которые на подходе к шестнадцати?

Вы знаете их тайные переживания, которые так же неожиданно вспыхивают, как и бесследно исчезают?

Вы не чувствуете угрызений совести, когда изо дня в день ставите в укор своему сыну: «Ты ленив! Пора поумнеть! Встряхнись!»

Вы уверены в своей правоте, когда утверждаете: «Мой ребенок никогда так не поступит»?

В жизни любого подростка существуют такие критические минуты, от которых многое зависит в его жизни. В одних случаях эти критические моменты служат основанием и условием для дальнейшего роста человека, а в других случаях ведут к накоплению безнравственного опыта.

Сила педагогического искусства как раз и состоит в том, чтобы даже отрицательные моменты использовать для поучительных выводов, служащих в конечном счете целям воспитания и развития личности ребенка.

Педагогический идеал требует, чтобы принцип бережного отношения к ребенку соблюдался всегда, в большом и малом. В воспитании лучше, как говорится, недогнуть, чем перегнуть. Лучше лишний раз поощрить, чем наказать.

Для родителей свой ребенок — самый лучший, самый дорогой. Каким бы он ни был. И в этих несколько завы-

шенных оценках заложен самой природой великий смысл. Такого рода оценки создают обстановку защищенности ребенка в своей семье. Я не призываю к родительскому всепрощению. Я имею в виду готовность родителей понять и разделить горе своих детей. Так, как мать может верить в духовные и физические возможности своего ребенка, никто не верит. Эта вера — надежда. Вера — бесконечная любовь. Вера — самоотверженное участие. Вера — защита.

Незыблемость педагогического идеала основывается на бескомпромиссности нравственных установок, культивируемых в воспитании.

Ребенок не может совершить аморальный поступок, если изо дня в день всем укладом жизни ему внушаются нравственные нормы: «Лучше отдать свое, чем взять чужое! Нет большей радости, чем сделать доброе дело для другого!»

Привести в соответствие нравственные нормы с педагогическим идеалом — значит правильно определить гармонию между целью и средством воспитания. Нельзя внушать, вдалбливать ребенку «будь добрым» и при этом бить его. Дисгармония цели и средства неизбежно приведет к отрицательному результату. Чтобы определить меру оптимальных, то есть гармонических, решений, надо знать те крайности, которыми грешат многие родители.

Не идеализируйте своих детей — это опасно и вредно!

Идеализация заслоняет реальную картину. Вместо действительных представлений в голове родителей иногда складывается такой «голубой образ» своего ребенка, что даже самим детям делается смешно от удивительной наивности своих пап и мам.

— Ах, мой ребенок,— говорит мама о своей пятнадцатилетней дочке,— не позволит руку поднять на человека. Вы знаете, как она любит кошек и собак? Ни одной передачи о животных не пропустит...

— Ах, наша девочка,— говорит другая мама,— да она, даже когда предложишь ей выпить в праздник, откажется. Как случилось, что она так много выпила?..

Эти мамы выступали в зале суда. Их дочери были привлечены к суду за хулиганский поступок: они жестоко избили подругу, будучи в нетрезвом состоянии.

Идеализация возникает от механического перенесения одних черточек или поступков вашего ребенка на весь остальной существенный мир его отношений.

Отношение к собакам, кошкам, птицам совсем другое, чем отношение к человеку. Если ребенок любит животных и не мучает их — это еще не значит, что он обязательно будет добр к людям.

Если ваш ребенок любит зверушек — это прекрасно.

Но если он на первое место ставит внимание к своему щенку или котенку, а на второе — заботу о бабушке или о товарище, то над этим надо серьезно подумать.

Проблема «позволительности» в воспитании девочек имеет другую окраску, чем при воспитании мальчиков.

Скажем, так уж издавна сложилось: когда дерутся мальчишки — это плохо, но при этом делается какая-то скидка: дескать, кто не дрался! На то, мол, они и мальчишки.

Но если дерутся девочки, это всегда и всех тревожит. А в последние годы драки среди школьников настолько участились, что стали предметом многих педагогических статей.

Оля Кравцова, так звали девочку, которую привлекли к суду за избиение подруги, так рассказала о происшедшем: «Мы научились отстаивать свои права не хуже мальчишек. У каждой из нас мускулы, сильные ноги... Мы и мальчишек поколачиваем».

Воспитание девочки — это воспитание будущей жены, матери, хранительницы семейного очага

Попробуем коснуться тех социальных причин, которые связаны с проблемой «позволительность — вседозволенность» в воспитании девочек.

Социальная тенденция эмансипации женщины не миновала и школу. Девочки получают и равное образование, и почти одинаковое воспитание: одни и те же общественные дела, один и тот же опыт трудового, физического и духовного становления.

И вполне объясним тот факт, что многие девочки стали самоутверждаться мальчишечьими способами. Телевидение, кино, книги, радио изо дня в день вырисовывают черты облика девочки второй половины двадцатого века: этаким мальчишка-подросток, который живет в мире техники, спорта, труда. И одежда мальчишечья: брюки, куртка. И стрижка, как у парня. И манеры свободные,

резкие. И сила! И в ситуациях, самых острейших, не теряет самообладания. И готовность к риску! И бесстрашие! И зубы стиснуты! И губы в ниточку! И подбородок — сплошная воля!

Девочкам стало дозволено делать то, что нередко их огрубляет, убивает их нежность, ту прекрасную «слабость пола», в которой нередко сказывается истинная сила девушки, женщины.

У нас и в мыслях нет сказать что-нибудь против эмансипации. Но несомненно, что воспитание в школе должно быть одновременно и «совместным» и «раздельным». Очевидно, некоторые мероприятия в школах надо проводить только с девочками. Иной должна быть и физическая нагрузка в труде, в походах. Не нужно, конечно, возвращаться к культу женской слабости прошлого века. Но воспитывать женственность, как особое, незаменимое и прекрасное свойство, необходимо. И это воспитание должно идти параллельно с воспитанием рыцарского отношения мальчиков к девочкам. У мальчиков и у девочек должны быть разные способы самоутверждения в детской среде.

Детство несет в себе много такого, что противоречит нормам морали взрослых. Ребенок слабо контролирует свои действия. Чем он меньше, тем аморальнее может выразить свои чувства: ударить взрослого, плюнуть в товарища, толкнуть — и рассмеяться, если удар оказался удачным, выкрикнуть бранное слово, значение которого он едва понимает, и т. д. Но по этим отдельным выходкам нельзя судить о нравственности ребенка в целом. В поступках озорного мальчишки есть некоторый элемент привлекательности, той дозволенности, которая адекватна самой природе детства.

Ребенок проходит многие ступени своей социализации через разрешение противоречий в среде своих сверстников. И очевидно, миновать эти ступени и соответствующие им способы реагирования на окружающий мир невозможно.

Я вовсе не хочу подвести читателя к мысли, что драка в детской среде закономерное явление. Я считаю, что воспитание должно быть так поставлено, чтобы исключались драки и в среде мальчиков, и тем более в среде девочек. Некоторым родителям кажется, что если их ребенок — девочка — умеет постоять за себя (с кулаками!), то таким образом воспитывается жизнедеятельная личность. Один папа прислал в «Литературную газету» письмо, где он откровенно призывал к тому, чтобы воспи-

тивать в детях «бойцовские качества». «Я рад,— писал он,— когда моя тринадцатилетняя дочь приходит из школы вся в синяках и ссадинах, но гордая и непобежденная, так воспитывается сильный характер».

Читатели газеты в своем большинстве ответили ему: так воспитывается жестокость! Так воспитывается не сила, а бессилие.

Ибо единственная нравственная сила человека состоит в творении доброты, в утверждении норм нравственности нравственными средствами, исключаящими любую аморальность.

Сила женской духовности совершенно особенная. Уже в девочке-подростке формируется такая природная красота, которая проявляется в движениях, поступках, во взгляде, в удивительно привлекательной мягкости и вместе с тем настойчивости, в какой-то совершенной цельности. Если у нее порыв чувств, то он настолько беззаветен, что трудно не откликнуться на него таким же чувством. Если она страдает, то так мужественно, что хочется возвыситься до такой же способности переносить горе. Если она добросовестна, то невольно задумываешься: откуда же у нее такое адское терпение? Если она смеется, то светлеет все вокруг.

Она облагораживает детское общение своей внутренней силой, которую отлично чувствуют мальчишки и подсознательно ценят очень высоко. Берегут эту силу. Берегут как высшую ценность.

Если девочка трудится, то ни в чем не уступает сильному полу: и работает, как правило, с радостью, и любит любое дело, а не только то, которое по душе. Вот, казалось бы, несложная задача: убрать в комнате, что-то приготовить на завтрак в турпоходе,— а девочка непременно внесет в это занятие что-то свое, присущее только ей умение.

Представления о том, что идеал женственности был в прошлом лишен трудового, деятельного или даже спортивного содержания, неверны. Даже дворянское воспитание в России ставило одну из первых и главных задач — физическое развитие девочек. Широко культивировался с малых лет конный спорт, санки, коньки, а систематические упражнения в танцах не уступали по нагрузкам спортивным занятиям по гимнастике. Если учесть и тот факт, что эти занятия чередовались с прогулками на воздухе, пребыванием летом и зимой в деревне, систематическим сидением за пальцами или музыкальными

инструментами, то нетрудно воспроизвести и некоторую картину единства духовной и физической подготовленности. Собственно, об этой физической закалке свидетельствуют и такие факты: русские декабристки не хуже своих мужей переносили те страдания, которые выпали на их долю. Они не жаловались на судьбу, когда им пришлось перейти на крестьянский образ жизни, носить воду, топить печь, вести хозяйство. О мужестве женщин-революционерок говорят многие документы, свидетельствующие не только о хорошей физической подготовке, но и о том, что эта физическая развитость находилась в сплаве с такими качествами, как стойкость, вера в свои силы.

Если внимательно всмотреться в лица современных девочек-подростков (особенно когда они захвачены трудом, учением, игрой), то в их самоотверженности, благородстве, чуткости и необыкновенной доброте улавливаешь черты того идеала женственности, который складывался у нас веками.

Когда мы говорим об идеале девочки-подростка, мы не исключаем из ее облика и спортивность, и физическую закаленность. Эти качества не только не помеха духовному совершенству, но и физическая основа цельности. Подлинная женская красота — это красота, соединяющая в себе три начала: здоровье и жизнелюбие будущей матери, деятельно-духовную силу будущей хранительницы семейного очага и любящей жены.

О ДЕТСКОЙ ЛЮБВИ

Заметим, что в последние годы наблюдались две различные тенденции в отношении к детской любви. Сторонники одной активно защищали детскую любовь, призывали относиться к ней чутко и бережно. Появились книги и фильмы о первой любви; их общая направленность — большое и светлое чувство одухотворяет, делает детей счастливыми.

И другая тенденция — детям влюбляться ни к чему, даже вредно. Доводы: рано еще, учиться им надо, а не о любви думать. Если все «повлюбляются», то что же тогда будет? И методы — осуждение, высмеивание, запреты.

Но вот что любопытно.

Защитники детской любви в конечном итоге, когда

дело касалось их собственных детей, замечали: «Нет, я против того, чтобы мой ребенок влюбился...»

Доводы? Они несколько сбивчивы, стыдливы, с оговорками. Приведу разговор с одной мамой.

— Вы против, чтобы ваша девочка нравилась другим?

— Ну что вы! Разве найдется такая мама, которая была бы против того, чтобы ее дочь нравилась окружающим? Мне, например, очень приятно, когда знакомые восхищаются моей дочкой (девочке тринадцать лет), говорят, что она красивая...

— В том числе и мужчины? Они обращают внимание на какие-то особенные черты или вообще мимоходом говорят: «Какая симпатичная...»?

— Нет, иногда замечают и красоту глаз, и цвет и пышность волос, гибкость и силу тела... Разве в этом есть что-нибудь дурное?..

— Конечно, нет ничего дурного... А девочке эти комплименты приятны?

— Очень! Моя дочка, когда мы отдыхали летом, все меня на танцы тащила. Ее не сами танцы интересовали, а то, сколько раз ее пригласят танцевать. И когда она убедилась, что пользуется успехом, то успокоилась и больше на танцы не ходила.

— Значит, девочке не безразлично отношение к ней со стороны противоположного пола?

— Не только не безразлично... Девочка, по-моему, постоянно должна ощущать, что с ней приятно общаться другим. Но она ни в коем случае не должна даже в самых малостях пробуждать чувства, знать которые ей еще рано.

Остановить природу невозможно.

**Задача состоит в том, чтобы помочь ребенку
сберечь и развить то лучшее, что есть в нем**

— Что же вас пугает и настораживает?

— Меня ничего не пугает. Я просто не хочу, чтобы ребенок мой раньше времени влюбился. Что бы мы ни говорили, а сильные чувства всегда отвлекают от дела, от учебы. Любовь может преждевременно заслонить девочке весь мир.

— И вы не хотите, чтобы ваша девочка испытала радостное светлое чувство детской любви?

— Детской? Хочу. Она у меня, кстати, постоянно находится в состоянии некоторой влюбленности. То в учи-

теля физики влюбилась, только о нем и говорит. А как говорит: с благоговением, счастье в глазах! То в парня из соседней школы — только и трещит о нем: «Ах, как он играет на гитаре! Ах, как он держится!» А неделю тому назад ее в кино пригласил одноклассник, и она решила, что он влюбился, потому что после этого парень стал дарить какие-то ручки, писать записки. И когда такого внимания через три дня не стало, моя Катька у меня спрашивает: «Что же он даже не звонит?» Я ей объяснила, что он, наверное, занят, что он правильно делает, значит, серьезный. Катька успокоилась.

— Вы рассказываете об этом, как о вполне естественном и допустимом.

— Разумеется! Не в монастыре же она, а в нормальной школе учится!

— Тогда давайте уточним, что же вас в первую очередь смущает в ее отношениях?

— В первую очередь? — мама подумала. Но я чувствовал: она хорошо знает, что ее смущает в первую очередь, но сказать об этом не решается, и не потому, что стыдится, а скорее потому, что боится неточно выразиться. — Понимаете, что бы я ни сказала, все будет не так истолковано: уж больно тонкая тема... Вот что меня в первую очередь смущает: я не хочу, чтобы моя дочь сосредоточилась на ком-нибудь одном.

— Ну, а сам факт, что она сегодня думает об одном, а завтра о другом, не смущает вас?

— Понимаете, я хочу, чтобы моя девочка развивалась соответственно своему возрасту.

У детской любви своя жизнь. Эта жизнь столь прекрасна и столь ошеломительно-опасна, что ее переливы и противоречия нередко во многом определяют развитие Человека в человеке. Это понимают дети. Это понимало Человечество. Это нередко не желают понимать педагоги и родители.

Выслушав маму, попробуем сделать выводы. Отметим главное: поведение ребенка действительно должно соответствовать его возрасту. Когда мы говорим о чистой детской влюбленности, мы имеем в виду детское чувство, детское увлечение, детскую потребность испытывать счастье от сознания определенной духовно-чувственной общности с другим человеком противоположного пола. Я склонен определить детскую влюбленность как эмоциональное состояние, которое не несет в себе осознанного сексуального мотива. Выражение этой влюбленности —

взгляд, слово, смех, разговоры, записка, письмо, совместное посещение кино, театра, катка. Это и готовность помочь и прийти в трудную минуту на помощь, это и умение выслушать, понять настроение другого.

Такого рода общение полезно, хотя и не надо его стимулировать какими-то специальными мерами. Это общение должно возникать само по себе.

А если не возникает?

Вот еще один разговор с другой мамой.

— Просто не знаю, что делать с девочкой. Так страдает, так мучается. Все вечера так и простоит у стеночки: никто не пригласит на танец. Вроде бы и одевается не хуже других, и на лицо не урод...

— А что это вас так пугает? Отличная девочка, хорошо учится.

— Все верно. Но вот замечаю, что в ней накапливается какая-то злость. Почти не смеется. Скованная. Всего боится...

— И вы думаете, это от того, что она не нравится мальчишкам?

— Только мне, матери, видно страдание моей девочки. А я сердцем чую, что эти переживания опасны для нее...

Итак, общения не возникает. И в данном случае (мама об этом не задумывалась) именно семья была причиной того, что девочка оказалась непопулярной в классе. А объяснялось все очень просто. Дочке покупали дорогую, но не модную одежду. И выглядела она в этой одежде несовременно и чувствовала себя скованно. Родители этого не замечали, а девочка боялась заявить о себе.

Должна ли мать думать о том, чтобы ее дочка хорошо выглядела? Чтобы одежда была удобной и современной? Чтобы девочка в первую очередь сама себе нравилась? Непременно. Одна из задач полового воспитания девочки как раз и состоит в том, чтобы научить ее следить за собой, за своей одеждой, за ее чистотой (и цветовой гаммой), прививать ей хороший вкус, женственные манеры.

Должна ли мать думать и заботиться о том, чтобы ее дочка нравилась не только девочкам, но и мальчикам? Обязательно. Должна ли мать опасаться взрослой любви своей дочки-школьницы? Непременно. Всякое перенесение «взрослых моделей» в чувственную сферу жизни детей уродливо.

Здесь надо постараться понять трудности детских лет. У подростка жизнь намного сложнее, чем у взрослого. У него самый большой рабочий день: до 14 часов! Другая

трудность связана с собственным ростом. Ребенку приходится постоянно «осваивать» свое новое тело, улавливать новые желания, которых раньше не было и которые гулко заявляют о себе. Рост изнутри, преобразования мозга, сердца, нервной системы — к этому нельзя привыкнуть, ведь ничего не повторяется, все только один раз. Новая энергия скапливается в душе ребенка, и она требует выхода. Если не дать ей выйти — непременно случится беда. Бесконечные подавления желаний и потребностей всегда приводят к внутренним конфликтам.

Одним из самых трудных вопросов детской жизни является проблема эмоционального развития ребенка. Я намерен коснуться некоторых сторон воспитания чувств.

Все дети без исключения проходят через сложный процесс сексуального созревания, через внутренний сексуальный взрыв. И конечно, есть дети с высокой чувственностью, дети, у которых сексуальная энергия нуждается в постоянном переключении. Для этого надо, чтобы эмоциональная жизнь подростка была наполнена позитивными эмоциями.

Надо не просто ориентировать его на деятельность, а на такую деятельность, которая доставила бы ему максимум радости, если хотите, и некоторой экзальтации. Это и посещение театра, музея, зоопарка. Это и загородные прогулки, и игры на воздухе, и работа в поле, на приусадебном участке или на даче. Это и занятия в спортивных секциях. Это и чтение захватывающих книжек и просмотр телепередач.

Всестороннее развитие без детской любви — ничто.

Гармония с самим собой немыслима

без гармонических отношений с другими

Объектом пристального внимания родителей должно быть общение подростка. В этот трудный для него период вы должны задать себе такие вопросы: с кем дружит ваша дочь или сын? Почему не дружит? Почему поссорился с товарищем? Нельзя ли их как-то помирить? Как это лучше сделать? Как поговорить с сыном, дочерью на эту тему? А что, если пригласить в гости племянницу, подругу с дочерью — она славная девочка. Может быть, съездить с сыном к ним? Может быть, предложить сыну купить цветы? Если вы хоть что-нибудь можете сделать для вашего ребенка в этот сложный период — вы ему очень поможете: здесь каждая крупинка пойдет на пользу.

Для подростка порой достаточно одной встречи с девочкой, чтобы месяцами жить наполненной эмоциональной жизнью.

Девочка, которой понравился встретившийся ей мальчик (и при этом возникла некоторая взаимность), живет долгое время в состоянии высокого душевного подъема: ей всякое дело дается легко, и учится она охотнее. И вся жизнь приобретает новый смысл. Ребенок больше, чем взрослый, нуждается в одухотворенной взаимной симпатии. Детская влюбленность — это то прекрасное чудо человеческой жизни, которое может оказать влияние на всю судьбу человека. Ребенок без романтической влюбленности чахнет, как чахнет взрослый человек без надежды, без веры, без радости, без счастья.

С детьми надо разговаривать об их чувствах к другим людям. Но разговаривать тактично, не выпрашивая настойчиво, не пытаясь, а умело добываясь их искренности и доверия.

Две главные добродетели должна культивировать педагогика: трудолюбие и любовь к человеку

Крайне опасна и недопустима здесь тенденция некоторого абстрактного упрощения. Не вообще любовь к человеку, а к конкретному Ване, Пете, Лене, Кате, тете Даше, дяде Коле. И не просто благоговение перед этими людьми, а деятельное участие в их жизни. Чем конкретнее будет чувство ребенка — помог задачку решить или растопить печь, вытащил занозу, принес нужную вещь, отказал себе в чем-то, уделил внимание близкому человеку — именно такое конкретное проявление чувств определяет правильное эмоциональное развитие ребенка.

Было бы ошибкой, разумеется, здесь и такое упрощение. Ребенок может любить другого человека всем сердцем: жить помыслами о нем, хранить его тайны, ориентироваться на него в своем поведении, — но ни в чем не выражать своего отношения. Не надо видеть в этом ничего странного, ненормального. Молчаливая ориентация на любимого человека есть своеобразное выражение той конкретности, о которой я говорил. За ней стоит готовность сделать что угодно ради этого человека.

Однако здесь хочется предостеречь родителей. Опасно, если чувство захватит подростка настолько, что он

не в состоянии работать и думать о чем-либо другом. Если любовь к человеку затормозила развитие такой важной добродетели, какой является трудолюбие (имеется в виду любая деятельность — учебная, хозяйственная, организаторская, конструкторская, художественная), то такая любовь неизбежно обречена на перерождение.

Если любовь девочки к мальчику (или наоборот) только расслабляет, только уводит от действительности, то она неизбежно творит зло. И это вовсе не догмат примитивного мышления: любить — значит лучше работать, это единственное педагогическое кредо, которое может и должно уберечь детскую любовь, дать ей право на законную жизнь.

И еще один существенный момент — важно знать, как любит подросток: умом или сердцем. Детское сознание неопытно, поэтому крайне важно научить ребенка анализировать свое чувство.

Конечно, утверждение «чувство анализом можно убить» вполне правомерно. Но оно лишено педагогического содержания: ведь ребенка надо учить всему. Поэтому если мать или отец спрашивают: а что тебе в ней или в нем нравится? А что ты больше всего ценишь в нем? А как бы он поступил в такой ситуации? А не смогла бы ты ему помочь? А почему он тебе не помог? — все эти вопросы крайне нужны ребенку. Не верьте, когда он уходит от подобных вопросов. Конечно, эта тема настолько деликатна, что говорить о ней можно лишь в том случае, когда уже сложились самые доверительные отношения. Но даже в этом случае надо быть очень осторожным. Ребенок всегда испытывает некоторую неловкость от подобных разговоров. И это чувство стыдливости ни в коей мере нельзя заглушать. И все-таки, учитывая все эти деликатные нюансы, надо изредка возвращаться к этой трудной теме. Подростку всегда может понадобиться совет старшего.

Девочке назначили первое свидание. Это огромное событие в ее жизни: оно может стать стимулом нравственного обновления и может заронить тревожную неуверенность, породить глубокую обиду. Родители обязаны помочь дочери испытать всю полноту счастья и научить ее отличать первое свидание от обычного приглашения. Девочка в данном случае должна быть подготовленной к разному развитию отношений. Поэтому деликатное выяснение подробностей (А как он пригласил? А кто он? А как ты к нему относишься? А что он тебе потом сказал?)

поможет матери, например, достичь две цели: установить с дочерью более прочный контакт и дать ей своевременно правильный совет.

Страдание так же необходимо для становления личности, как и радость

И вдруг, по непонятным причинам, свидание не состоялось. Девочка в слезах пришла домой: сорок минут стояла под часами... Вот здесь-то надо быть вместе с ней. Если вы на работе, скажите дочери, чтобы она непременно вас подождала, что вы вместе это обсудите и т. д. И когда вы увидите, спокойно выясните все обстоятельства несостоявшейся встречи. Расскажите аналогичные истории, попутно заметьте, что очень часто происходит некоторая путаница со временем и местом свидания. Помогите девочке с достоинством выйти из подобной ситуации.

Знайте, что все основные беды и несчастья так или иначе связаны с «личной неустроенностью» ребенка.

Он достоин изучения, этот прекрасный мир детских чувств. Этот скрытый, kloкочущий вулкан переживаний. Мир детских чувств педагогика порой обходит, полагаясь на художественную литературу, на кино... Родительский опыт не придает детским чувствам особенного значения; дескать, все прошли через это, все так естественно, и незачем здесь голову ломать...

Невмешательство — один из самых разумных приемов сближения с детьми

Надо признать, что в такой позиции есть много рационального: невмешательство родителей в личную сферу жизни подростка создает для него обстановку доверия и деликатности, которые защищают его сокровенные чувства. Но педагогическая цель как раз и состоит в том, чтобы, тактично найдя доступ к скрытым уголкам души ребенка, вторгаясь в них, защитить его от неоправданных потерь, неудач, ободрить, избавить от мучительных переживаний, объяснить непонятное... Если по каким-либо соображениям он не желает разговаривать на эту тему, не надо настаивать, выпрашивать. Ребенок должен знать, что его личная жизнь является его собственностью, что он на эту жизнь имеет свое естественное право и открыть ее тайны он может только сам и только самому близкому человеку. Вообще-то степень близости в по-

добных ситуациях и определяется поведение родителей. Разумеется, если в это время по каким-то причинам отношения стали холодными, то никакого интимного разговора с подростком не получится. Поэтому крайне важно, как бы ни конфликтовали взрослые и дети, непременно беречь ту доверительность, которая сложилась однажды. Ребенок должен знать: «У меня самой есть нечто такое, что дороже всего...» И родитель должен изредка напоминать ему об этой сокровенной стороне отношений: «Мы можем как угодно спорить и даже обижаться друг на друга, но нас объединяет не просто кровное родство, а такая духовная связь, которая обязывает и попросить помощи, и протянуть руку, когда это понадобится...»

Одним словом, надо приблизить к себе ребенка, только так можно влиять на развитие его духовного мира. Тактика «вторжения», о которой я говорю, не противоречит общей установке на невмешательство в личную жизнь ребенка: суверенность прав личности всегда должна быть на первом месте.

Я не разделяю точку зрения некоторых педагогов, которые с позиций невмешательства рассуждают так: организуйте правильно всю жизнь ребенка (главным образом трудовую), и все станет на свои места. Это не совсем так. В мире чувств ничего не происходит само собой: это не менее сложная и трудоемкая работа сердца и ума, чем учение или любая другая работа.

Если вы научите ребенка любить, вы научите его всему!

Такая формула может показаться неожиданной. Но я готов привести некоторые доказательства. Любовь к человеку тогда будет полной и настоящей, когда она приносит радость любящим. Когда становится условием развития творческой активности каждого, фактором саморазвития, мобилизации духовных и физических сил. Если этого самораскрытия нет, если чувство оглушает, убивает лучшее, что есть в человеке, значит произошла нелепая ошибка и надо непременно ее исправить...

Может показаться, что я слишком рационалистично подхожу к столь тонкому и щепетильному вопросу, но иного подхода, по моему убеждению, быть не может.

Давайте вместе разберемся. Какова цель? Ребенок должен приобрести опыт проявления своих лучших человеческих чувств. Гармоническое развитие требует того,

чтобы ребенком был накоплен опыт эмоциональной культуры. Без светлых, добрых чувств к другому человеку не может быть ни хорошего труженика, ни семьянина, ни руководителя, ни гражданина своей страны.

Итак, с целью все ясно и правомерно. Детский опыт любви не противоречит нашим воспитательным задачам, способен даже содействовать им.

Ну, а средства?

Вот со средствами несколько сложнее. Что же, специально заниматься организацией столь интимных процессов? Нет, специально не надо! Но помочь разобраться в движениях души ребенку надо непременно. А эти движения души для опытного, внимательного глаза всегда на поверхности.

Если ваш сын, дочь не находят себе места, стали либо чересчур нервными, либо сонно-апатичными, знайте, что в них пробудились те чувства, в которых надо помочь разобраться.

Если подросток вдруг стал ярым негативистом, стал низвергать авторитеты, знайте, что он где-то и в чем-то потерпел неудачу и ему грозит личная неустроенность.

Если ребенок не слышит ваших советов или обращений, если он вообще никого и ничего не слышит, знайте, что к нему пришло то большое, сильное чувство, которое может стать и подлинным счастьем, и большой бедой.

Детское чувство более ранимо, менее защищено, чем чувство взрослого. Ребенок вдруг попадает в неизведанный бурлящий водоворот стремительных переживаний, страстей, притязаний. Впервые вспыхивают ревность, обида и та томительная сладость ожидания, и та готовность отдать все, сделать все, достичь всего, и вдруг страшная непоправимая отвергнутость! Все впервые! И так глубоко и сильно, как ни у кого на свете!..

Здесь нет ничего опаснее, чем чья-то спешка, неуместная шутка, снисходительное поучение. И нет ничего дороже, чем понимание, готовность терпеливо выслушать и дать, не навязывая, добрый совет.

Нужны меры. А мера может быть только одна — учить культуре чувств. Учить доброте любви. Учить беречь и хранить этот бесценный дар.

Даже физическая красота может служить коллективизму или разрушать его.

Мысль, что красивых девочек надо воспитывать как-то по-особенному, я встречал у многих педагогов. Каждый, кто соприкасается с детьми, знает, сколько преимуществ

у красивого ребенка. Он почти не знает трагедии отвергнутости. Он всегда имеет возможность выбрать друга, товарища, компанию. Красивая девочка в коллективе может объединять (если она умна и добра) целые толпы ребят.

Такая же девочка, если умна, но не очень добра, при определенных обстоятельствах может внести в коллектив такой заряд разрушительной силы, что неопытному педагогу чрезвычайно трудно справиться с ее влиянием, тем более что оно никогда не бывает на поверхности. Здесь-то и важны дискуссии, обсуждения, просто разговоры о чувствах, о привязанностях, о вкусах и ценностях.

Мы уже говорили о том, что деятельность, и только деятельность, формирует личность. Но пусть в понятие «деятельность» входит и то интимное общение, которое направлено и на освоение нравственных норм, и на постижение высоких нравственных идеалов в труде, любви, учении, в занятиях искусством, наукой, спортом.

КАК ФОРМИРУЕТСЯ САМОСОЗНАНИЕ

До сих пор мы говорили о двух сферах отношений: отношении ребенка к предметному миру (учение, труд, искусство) и отношении ко всему живому, и прежде всего к человеку.

Но есть еще и третья сфера, которая не всегда учитывается в воспитании,— это отношение растущего человека к самому себе, самосознание личности.

С чего начинается самосознание? Где его границы? В каких сцеплениях оно выступает? Как развивать это уникальное человеческое «само», которое разветвляется в такие сложные образования, как самодисциплина, самостоятельность, самопроявление, самолюбие, самооценка, самоконтроль, саморазвитие, самовоспитание, самосовершенствование?

Психологи отмечают, что самосознание развивается постепенно и, по всей вероятности, начинается с определения границ собственного тела. Затем ребенок начинает сознавать себя в системе различных социальных зависимостей, прав и обязанностей, норм и требований... А в тринадцать — пятнадцать лет границы собственного тела для ребенка становятся не менее важными, чем тысячи других проблем. Мы, взрослые, беспокоимся, заботимся, думаем, как помочь своему дитяти в развитии, учении и

прочее, а его волнует совсем другое — собственный рост, вес, цвет лица.

Нет такого ребенка, который был бы безразличен к собственной внешности. И эта самооценка, как ни странно, определяет очень многое в самочувствии ребенка, а следовательно, и в общем интеллектуальном и духовном его развитии.

Попробуем вычленить некоторые наиболее типичные стороны развития самосознания подростка и подумаем, как надо поступать в каждом отдельном случае.

Проблема роста

Семиклассница страдает от того, что рост ее 171 см. В классе она выше всех. Выходит к доске сгорбившись. Сутулится. Каждый выход — страдание. Поэтому и не выходит иногда. Пусть лучше «двойка». В сознании засели и реплика сверстника: «Эй, каланча!», и замечание учителя: «Что это ты так гнешься?», и ласковая просьба матери: «Да не сутулься же ты, расправь плечи, смотри, какая у тебя фигура хорошая...»

А тут еще мальчишка понравился. А он на полголовы ниже! А туфли мама покупает, как назло, на высоком каблуке, хотя сейчас все носят на низком. Мама убеждает, что высокий каблук делает женщину изящнее, стройнее. И папа развивает теорию о каком-то классически совершенном теле, в котором ноги чуть ли не в три раза длиннее туловища и растут прямо из плеч... И все эти разговоры девочку раздражают, ранят. И никто ее не понимает. И никто не знает, какими горькими слезами она обливается по ночам.

И конфликты острые.

Дочь: Я пойду к сапожнику, пусть срежет каблук...

Мать: Ты с ума сошла: портить новые туфли...

Дочь: А в таких туфлях я не пойду в школу!

Мать: Не валяй дурака. Сейчас же одевайся и марш!

Дочь: Сказала не пойду — и все!

Мать: Как ты со мной разговариваешь?

Дочь: А как с тобой разговаривать, если ты меня не понимаешь?

Заметим, что в каждом таком случае в самосознании подростка развиваются как бы два пласта. Один, тот, который на поверхности, известен по крайней мере близким людям. Да, мама знает, что ребенок тяготится своим ростом, и пытается как-то смягчить остроту пережива-

ний: дескать, чего волноваться, пустяки, ничего особенного. Но мать не знает другого пласта развития самосознания девочки, связанного с ее самооценкой. Она не знает тех тайных детских опасений и ожиданий, когда воображение ребенка раздувает свою беду до космических размеров. И эта беда становится, если хотите, в чем-то своего рода регулятором поведения, предметом постоянных раздумий, сравнений, аналогий, переживаний. Девочка часами занимается подсчетами: если я буду прибавлять даже по два сантиметра в год (а до сих пор по четыре!), то за девять лет мой рост увеличится на 18 см — а это будет почти сто девяносто. А если по три сантиметра, то это будет больше двух метров... И еще девочка думает: «А может, есть такие таблетки, которые уменьшают рост?» Пыталась она об этом сказать маме, но мама на это даже не обратила внимания... «А завтра снова в классе будут смеяться. И классный вечер будет, и никто не пригласит на танец. И зачем мне все эти пятерки нужны, если все так скверно складывается, если жить с таким ростом невозможно...»

И часами перед зеркалом в ванной: «Ах, эти ужасные длинные руки, чуть не до колен! Ну разве у нормального человека бывают такие руки? Ну, с руками дело обстоит проще. Если их сгибать в локте, то они не кажутся такими длинными... И шея (мальчишки называли жирафой!) длинная такая, но с шеей можно что-то придумать: если воротник поднять, то длина скрадывается. А вот ноги — их никуда не спрячешь... Как стыдно, когда мальчишки рядом с нею стараются приподыматься, вытягиваются, бедненькие, и на тротуаре занимают место там, где выше, и стараются сразу сесть, чтобы не было заметно, что она выше».

Всего этого мама не знает.

Ребенок мыслит образами. Его самосознание предметно и образно. Он видит себя в среде других таким, каким сложился свой «образ — Я». И если этот образ наделен отрицательными чертами, то и видение себя, дополненное преувеличенными деталями, весьма и весьма непривлекательно. Это самосозерцание доставляет ребенку страдание. Поэтому здесь не о капризе идет речь, а о глубоких процессах, связанных с самовосприятием. И конечно, суть не «в границах человеческого тела», в представлении ребенка о себе вплетается, как правило, социальный контекст. Ребенок видит себя таким, каким его, как ему кажется, воспринимают другие. Ведь откуда у девочки сло-

жилося мнение, что ее фигура уродлива? В детской среде культивируется свой стандарт. Все, что выходит за пределы этой нормы, как правило, подлежит осмеянию. Чуть выше рост — «Каланча», чуть полнее — «Жирный» или «Жир». И мальчишки, которым раздают прозвища направо и налево, откликаются на новые «имена», даже сами порой подшучивают над собой — есть такой способ «смазать ситуацию»: каждый придумывает свой способ, потому что, стоит показать, что ты обиделся, будут дразнить еще больше. «Я — самый жирный, самый толстый! Я — жир, и масло, и мясокомбинат!» Вот так все выложит о себе и выбьет на какое-то время почву из-под ног. Но каждый раз, когда слышит громкое «Эй, жир!» или «Эй, комбинат!», вздрагивает. Девчонки смеются, и даже учительница однажды улыбнулась, но ученикам сделала замечание: «Нельзя так!»

А ребята наперебой: «А он у нас не обижается! Правда, жир, не обижаешься?» И мальчишка смеется: «Да чего там обижаться...» А на душе так горько, что взял бы да и утопился, если бы, конечно, не надежда!

Надежда: где-то вдали маячит иной «образ — Я». Тот же мальчишка, но совсем другой: стройный, сильный...

Надежда — вот та ниточка, которая должна стать отправным моментом в воспитании, а точнее, в самовоспитании.

Конечно, обстановку защищенности надо создать дома. Конечно, нужно стать союзником ребенка. «Тебе каблук надо уменьшить? Что же, попробуем! Давай посмотрим, что это нам даст. Ага, целых три сантиметра. Прекрасно».

Неужели каблук дороже духовной близости с ребенком? Конечно, возня, хлопоты! Но как иначе приблизиться к надежде? И как прекрасен момент детской окрыленности, когда девчонка мчится к сапожнику спиливать эти ужасные сантиметры, когда перед ее глазами рисуется иной, более привлекательный «образ — Я».

А вот и снова туфли. Трех сантиметров как не бывало.

Мать: Ну, ты здорово придумала. Теперь совсем другое дело!

Дочь: А что, хорошо получилось!

Мать: Отлично! А как ты себя чувствуешь в них?

Дочь: Очень удобно!

Если такая сцена повторится с отцом, бабушкой, дедушкой, то это только на пользу: процесс закрепления нового «образа — Я» длителен. Девочка должна поверить

в то, что никакой трагедии с ее ростом нет и быть не может. Больше того, в таком росте есть свои достоинства. Надо о них рассказать и помочь найти им применение. Заниматься волейболом или баскетболом при таком росте — одно удовольствие. Открываются новые ожидания. Высокая девочка, попадая в среду сверстниц такого же роста, начинает чувствовать себя совершенно по-другому. И по-иному начинает себя воспринимать. По-иному выстраиваются детали нового «образа — Я». В четырнадцать-пятнадцать лет зеркало, особенно для девочки, может значить куда больше, чем интересная книга: идет «считывание» себя. Если раньше контур «образа — Я» складывался в общих чертах: руки, ноги, голова, то теперь тщательно прорисовываются детали: глаза, уши, рот, цвет лица, волосы, ресницы, поворот головы, улыбка, полуулыбка, едва заметное движение губ, чуть прищуренные глаза, — и каждый раз новое лицо, новый характер. Как интересно! И в этих поисках себя проходят часы, недели, месяцы. Что-то меняется, что-то перестраивается. Торчат уши — надо подлиннее волосы отрастить. Тоненькие губы — не надо вытягивать их в ниточку. Постоянная улыбка на лице — надо чуть-чуть хмуриться (только и слышишь: «Ты чего улыбаешься?» Надоело отвечать: «Да у меня лицо такое...»).

И здесь свои страдания. Свои ориентации на стандарты. Я встречал удивительно симпатичных девчонок и мальчишек, которые были убеждены в своей некрасивости только потому, что они не укладывались в некий стандарт. А откуда берутся стандарты?.. Кино, телевизор, открытки.

А еще? Старшеклассники, освоившие стандарты. Мода на улыбки, на повороты головы, на прически, походку, манеры...

И если подростком усваиваются только внешние стороны современной красоты, то нравственные просчеты неизбежны.

Отец заметил сыну, показывая на работающего человека:

— Удивительно прекрасное лицо. Волевое и одухотворенное... (а черты лица неправильные были у этого человека — и ростом человек не вышел).

— Что же в нем красивого? — удивляется сын.

— Неужели ты не чувствуешь всего великолепия его движений? А этот пристальный взор, а эта просветленность во взгляде! А эта сила! Настоящая мужская красота!

Мальчишке надо рассказывать об эталонах истинно мужской гармонии. Пусть он поймет, что мужчина всегда прекрасен, если его лицо светится умом, силой, добротой. Пусть эта мысль будет подростку новым ключом к творению самого себя.

Постарайтесь понять, с каким чувством относится к себе ваш ребенок

У социальных психологов я встретил однажды примерно такую мысль: «В большинстве случаев «Я — концепция» (основная мысль о себе) связана с чувством. Человек может уважать или презирать самого себя. И он относится к себе так же, как он готов действовать по отношению к другим, кого он презирает или уважает».

Представим, как подросток с его непосредственным чувством относится к тем, кого он не уважает. Наверное, ни одно требование этого человека не будет выполнено ребенком охотно. Большинство советов или поручений такого взрослого будет игнорироваться, больше того, высмеиваться. Даже если этот человек говорит дельные и стоящие вещи, все равно к его словам отношение отрицательное.

И наоборот, если ребенок относится к человеку с уважением, его требования, просьбы будут, как правило, безусловно выполнены.

Теперь представим себе вариант, когда ребенок презирает самого себя: не любит свою внешность, удручен своими качествами вообще, тяготится собой. Такого рода рефлексирующий негативизм — явление довольно частое. И этот негативизм, если хотите, рождается на грани позитивного качества — неудовлетворенности собой.

Подросток и даже юноша часто не в состоянии разобраться в своих мыслях и чувствах. А между тем самооценки личности как раз и складываются на основе суждений и замечаний, адресованных ребенку другими.

Вопрос «А какой я?» подростку трудно задать другим: мешает стыдливость, боязнь осмеяния. Да и взрослые почему-то остерегаются говорить детям об их достоинствах, все больше на недостатки напевают: «У тебя то не так... И это, не как у людей» и прочее. На основе таких отрицательных заключений складывается негативная модель личности, которую нередко и начинает презирать сам ребенок. Но презрение не замыкается на самом себе, оно, будучи активным чувством, так или иначеворачи-

вается против тех, с кем сталкивается ребенок в жизни. Не любя, презирая себя, он начинает презирать и других, в том числе и близких. Так негативное самосознание ведет к образованию негативных нравственных качеств, которые начинают проявляться в отношении к окружающим.

Почему же мы боимся сказать ребенку о его достоинствах? Остерегаемся зазнайства и детской самоуспокоенности? Возможно. Но, может быть, тогда надо найти компромиссное решение: говорить о борьбе различных сил в самом ребенке.

Сложность разговора в данном случае состоит в том, чтобы не стать на такой путь: «Вот ты ругаешь других, а сам-то ты какой? Имеешь ли моральное право критиковать других?» Занять такую линию, конечно, можно, но вряд ли она будет продуктивной, ибо при такой позиции можно убить то ценное, что появилось в подростке: максимализм, ориентированный на нравственное обновление. В детском максимализме — всегда два начала, две доминанты. Одна сливается с такими позитивными свойствами, как жизненная энергия, критицизм, обостренное восприятие жизни и самого себя, ориентация на крайние меры и требования по отношению к себе и другим. Вторая в своем негативизме способна свести на нет все то ценное, что есть в первой. И здесь не о равновесии должна идти речь, а об абсолютном главенстве первой доминанты. То есть задача воспитателя как раз и будет состоять в том, чтобы развить в полную меру первое начало, чтобы то завышенное требование к другим и к самому себе упрочилось и оказалось реально выполнимым для ребенка. Поэтому в данном случае воспитатель не имеет права рисковать. Выбор только один: дать возможность проявиться тому сильному эмоциональному состоянию души, которое может привести к решению основных проблем нравственного воспитания подростков.

Здесь возможна такая беседа.

— Вообще ты предъявляешь к другим высокие требования — и это хорошо. Но, наверное, это не просто... Тебе, наверное, трудно? Мне кажется, что ты в себе не любишь многое и это твое отношение способно приглушить достоинства, которые у тебя есть: объективность, разумность и, наконец, твои способности. С чем ты придешь к идеалу своему, если уничтожишь в себе самое лучшее?

И дальше в разговоре обязательно должны быть затронуты вопросы безграничных возможностей человека, вопросы самодисциплины и самоорганизации, пути приближения человека к идеалу.

Подумайте, в чем вас может обвинить ребенок, когда станет взрослым

Высокий уровень самосознания предполагает высокий уровень, если можно так сказать, самореализации. Очень часто мы встречаемся с таким вариантом, когда ребенок все понимает, или, точнее, о многом имеет правильные представления, а реализовать эту познанную правильность не в состоянии по ряду причин. Основная — отсутствие привычки к систематическому труду.

Возникает проблема, как заставить ребенка постоянно трудиться, постоянно работать над собой.

...Подросток две недели почти ничего не делает. Придет из школы и буквально мается: то за одно возьмется, то за другое — все, кроме занятий. И предлоги находятся разные, и увертки самые правдоподобные: и голова болит, и устал, и ничего не задавали. И наконец, самое главное оправдание: «Я же не получаю двоек!»

Бывают у школьника, действительно, такие состояния, когда он устает, когда некоторая перегрузка занятиями вдруг оборачивается неспособностью заниматься, которая имеет тенденцию перерасти в лень. А это самое страшное. Лень, помноженная на привычку, становится бедой ребенка на всю жизнь. И рано или поздно ребенок, столкнувшись с другими, трудолюбивыми, детьми, обвинит вас, родителей, в вашем нетребовательном воспитании. И об этом надо сказать ему сейчас. Сказать без оговорок: «Я не хочу, чтобы потом ты обвинял нас. Я не хочу, чтобы ты страдал от собственной лени. Поэтому вставай и работай».

И надо непременно настоять на своем. Ребенок должен знать, что есть такие законы жизни, которые надо выполнять безоговорочно. Этим законом является систематический ежедневный труд. Труд, как еда, как сон, необходим человеку, чтобы жить в этом мире, чтобы реализовать свои человеческие возможности. Труд, соединенный с нравственностью, различными формами самодеятельности и человеческого наслаждения, является основой всестороннего и гармонического развития личности...

К ГАРМОНИИ — ЧЕРЕЗ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В одном из выступлений Федор Абрамов возмущался нетрудовым воспитанием детей в пионерских лагерях. А мне вспомнился мой педагогический опыт...

Я работал в школе-интернате. У нас было 180 гектаров

земли, были хозрасчетные мастерские, фермы. А летом мы уходили в походы. Для чего? Чтобы научиться разрешать сложнейшие жизненные противоречия. Чтобы уметь ориентироваться в любой обстановке. Чтобы узнать цену всему тому, чему мы научились у себя дома, в нашей школе.

Я и сейчас иногда встречаюсь со своими воспитанниками. Они работают в разных должностях. Есть и руководители производства, и военные, и рядовые инженеры, и учителя, и рабочие. Что их объединяет? Оптимизм. Умение многое делать своими руками. Навыки организаторской работы. И еще: они любят искусство, потому что у нас в школе каждый пробовал писать стихи и сказки, рисовал, занимался в различных художественных кружках и студиях.

Но самое главное их достоинство в том, что они сами стали на ноги и этому учат своих детей.

Расскажу об одном походе, где мои воспитанники столкнулись с иным воспитанием, со сложным миром «взрослых» противоречий.

В пути нам повстречалась семья Жигулиных: Варвара Петровна, завуч одной из школ, ее муж Владислав Андреевич и их сын, семиклассник Степа. Варвара Петровна, наблюдая за нашими детьми, тут же решила использовать ситуацию для воспитания своего сына.

— Степа! — сказала мама-завуч. — Ты только понаблюдай, какие воспитанные дети. Ты послушай, что каждый из них умеет делать. Коля, расскажи, пожалуйста, что ты умеешь делать. Видишь, Степа, он умеет шить брюки и рубашки, тапочки и одеяла, писать картины маслом, играть с листа на баяне, он сверлит на станках, шлифует, долбит, токарит...

— Такого слова нет, — поправил Коля. — Надо говорить токарничает.

— Ты слышишь, Степа? Подумать только, этот Коля еще может проплыть пять километров и пробежать не останавливаясь десять верст, простоять на голове шесть минут, сделать тридцать приседаний и подтянуться на турнике двадцать шесть раз...

— А может быть, он врет? — сказал Степа, разглядывая Колю Почечкина.

— «Может быть, может быть», — рассмеялся Коля. — Давай поспорим. Что у тебя есть? У меня, например, есть заработанные мною лично мои собственные сто шесть рублей. Могу на них купить тысячу пачек мороженого, а могу

тебе проспорить. У тебя были когда-нибудь в руках заработанные тобой деньги?

Степа пожал плечами:

— А зачем?

— Вот и я говорю — «зачем»? А зачем жить — знаешь? Может быть, ты от жизни никакого удовольствия не получаешь — откуда я знаю? Тебе интересно жить?

Степа не понимал, о чем его спрашивают.

В это время подошли Витя Никольников и Саша Захаров.

— Нам удалось найти райком комсомола. Отлично. Все в порядке. Сначала нам не поверили, а потом, когда посмотрели маршрутный лист, приняли как положено, — рассказывал Витя.

— В общем, нам дали работу, — вклинился Саша. — Будем работать в саду консервного комбината. Заработать в день можно в пределах шести рублей. Овощи и фрукты бесплатно. Подсчитали: за неделю можем заработать на проезд по Днепру до Херсона, а может быть, и до Одессы, а там, если не хватит средств, найдем другую работу.

— Добре-добре, — сказал Александр Иванович. — А не ругались там, в райкоме, что взрослых не было с вами?

— Сначала удивились, — пояснил Витя. — А потом даже похвалили: «Молодцы, что сами. Передайте вашим воспитателям, что они хороших ребят воспитали».

— Степа, ты слышишь! — сказала Варвара Петровна. — Вы знаете, я бы и своего Степу отдала к вам, хоть на недельку. Степа, ты бы пошел с ребятами работать на комбинат?

— Варя, что ты парня позоришь! — сорвался вдруг с места ее муж. — Прекрати немедленно!

— Замолчи, Владик! — ответила Варвара Петровна. — Я хочу понять, почему наш Степа растет таким вялым, безынициативным.

— Так нельзя, Варвара Петровна, — сказал Коля назидательно. — Нельзя при всех отчитывать своих детей. У нас, например, никто не делает замечания друг другу в общественных местах. Дома — пожалуйста, у нас тоже дома всякое бывает, а в гостях и в других местах мы отдыхаем и никогда не ругаемся.

— Видишь, до чего мы дожили, дети нас учат, — это Владислав Андреевич сказал.

— Извините нас, — сказал Коля. — Пойдем-ка, Степа, я тебе одну вещь покажу.

Когда Коля и Степа ушли к воде, Владислав Андреевич спросил:

— А у вас это что, специально?

— Что именно?

— А вот что они сами на предприятия идут, договариваются о работе, считают деньги, зарабатывают?

— Представьте себе, арифметика личных доходов и расходов — это тоже одно из средств воспитания. Вы удивлены?

— Но это ведь не советское воспитание?

— А вы считаете, что ваш Степа получил советское воспитание?

— У нас совсем другое дело. Наш Степка — нерадивый. Может быть, он еще опомнится. Это мать во всем виновата...

Прервем рассказ и сделаем некоторые выводы.

В приведенных ситуациях отражены типичные, на мой взгляд, противоречия семейного и школьного воспитания. Нетрудового воспитания. Воспитания, которое формирует у детей потребительскую психологию. Противоречие, как это ни странно, состоит в том, что дети хотят работать, хотят зарабатывать деньги, мечтают о производительном труде, а им не дают работать, чего-то боятся, чего-то остерегаются.

Однажды у Макаренко спросили: «Очень часто ребята не хотят учиться, а хотят работать, а мы до семнадцати лет их мучаем, мучаемся сами. Правильно ли это?» Он ответил: «Маркс считал, что дети с девяти лет должны принимать участие в производительном труде. Труд очень увлекает детей, и я уверен, что наша будущая школа будет применять производительный труд. Мы не справились с трудовым воспитанием в большой мере благодаря отсутствию кадров... Я вообще считаю, что у нас сейчас во многих школах главной бедой является дисгармония между бурными, сильными, горячими натурами ребят в двенадцать — четырнадцать лет и скукой детского коллектива в школе».

В материалах июньского (1983 года) и апрельского (1984 года) Пленумов ЦК КПСС особо подчеркивается необходимость соединять обучение именно с производительным трудом. «Чем теснее мы сблизим школу и производство, тем полновеснее будет отдача от реформы», — говорил на апрельском Пленуме Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко. Естественно, что для реализации этих сложнейших педагогических задач

необходимы учителя, владеющие мастерством, способные объединить родителей и учащихся, представителей общественности и производства. Объединить, чтобы повсюду, где только возможно, целенаправленно организовывать реальный, посильный и воспитывающий труд школьников.

«Правильно поставленное трудовое воспитание, обучение и профессиональная ориентация, непосредственное участие школьников в общественно полезном, производительном труде являются незаменимыми факторами выработки осознанного отношения к учебе, гражданского становления, нравственного и интеллектуального формирования личности, физического развития. Как бы ни сложилась дальнейшая судьба выпускников школы, трудовая закалка потребуется им в любой сфере деятельности. Важно, чтобы это было хорошо усвоено учащимися, глубоко воспринято учителями, родителями, всей общественностью.

Соединение обучения с производительным трудом предполагает включение учащихся, начиная с младших классов, в систематический, организованный, посильный для их здоровья и возраста общественно полезный труд — труд настоящий, необходимый обществу», — отмечается в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы.

**Расковать физические и духовные силы ребенка —
для этого не нужны годы и месяцы,
для этого могут понадобиться лишь мгновения**

Продолжу рассказ о походе.

Часа через два Степа вместе с нашими ребятами драил катер: мальчики договорились с моряками насчет почасовой работы. Оплата должна была произвестись натурой — вычищенный катер отдавался на полдня в распоряжение отряда. К вечеру мальчики так сдружились, что Степа ни за что не пожелал расставаться с ребятами и слезно убеждал маму и папу отпустить его с нами хотя бы на недельку. И когда родители согласились, я все же спросил:

— А не боишься? Может быть очень трудно! Очень, понимаешь?

— Понимаю, — тихо ответил Степа.

А трудности действительно были. Утром мы прошли километров пятнадцать. Устали. Пообедали. Отправились смотреть колодец, куда во время фашистской оккупации были брошены три подростка. Познакомились с родителями погибших. Тяжело и горько...

Стал накрапывать дождь.

— Пойдем дальше,— сказала вдруг Маша.

— Дождь же. Идти будет скользко. Глина.

— Все равно пойдем,— сказал Коля.

— Устали!

— Все равно пойдем! — решили все.

Это был марш-бросок километров в двенадцать. Александр Иванович чертыхался:

— Ну и чертова детвора пошла. Совсем замучился.

А ребята шли как ни в чем не бывало. Прекрасная ночь окутывала нас. Дождь перестал. Небо прояснилось. Звездная рябь светилась, отражаясь в Днепре.

Производительный труд — это сложный мир социальных влияний, противоречий, первые опыты подлинно гражданского поведения

...Я работал со Славой и с Витей на прицепе — возили из сада груши в ящиках. Я сидел на тракторе «Беларусь» рядом с трактористом, а на прицепе — Слава и Витя. И вдруг в трактор врывается грузовик. За обочиной дороги — глубокий овраг. Тракторист успел тормознуть, и нас развернуло так, что мы едва не перевернулись. Молоденький шофер кусал губы и виновато выслушивал мою ругань:

— Не видишь разве, дети? Как можно так ездить!

Приехала милиция. Начались акты, подписи. Молоденький шофер едва не плакал.

Подошел ко мне Слава:

— Это мы виноваты в аварии. Мы его дразнили. Бросали ему груши, а он пытался их на ходу поймать. А когда это у него не получилось, он поравнялся с нами, и мы за храбрость ему в окошко стали бросать. Он и врезался. Не рассчитал. Хотите, мы признаемся милиции?

Я молчал. Прибежал Александр Иванович:

— Ну вот что,— сказал он.— Нам надо побыстрее улепетывать отсюда.

— И все-таки надо было сказать милиции, что и мы виноваты в аварии. А мы подло сбежали. Нехорошо.

— Так еще не поздно,— сказал Слава с ехидцей.

— А у нас тут похлеще случай. Рассказать? — спросила Маша у Лены.

— Рассказывай,— поддержала Лена.

— Ну, в общем, сегодня в весовой без квитанции,

«налево», отвезли две машины груш. Самые лучшие. Целый день калибровали.

— А вы точно знаете, что «налево»?

— Мы же сидим на квитанциях. Все выходящее из весовой строго на учете, строго по документу. Мы специальный инструктаж прошли. Знаем.

— И не вздумайте ввязываться в эту историю,— разволновался Степа,— чтобы хуже не было. Так вам и не увидеть всех заработанных денег...

— Не имеют права...

— Ты, Степа, не перегибай,— сказал я.

— Плевать на деньги! — сказала Маша.

— Плевать,— поддержал ее Витя.

— Вы что, с ума посходили?! — взвился Слава.— Мы же на Черное море не попадем. Я сроду не видел моря. Первый раз в жизни такое подфартило, а вы затеяли черт знает что. А ну, кати отсюда, Степка!

Степа неожиданно встал.

— Что же, и уйду. Я думал: вы люди!

— Никуда ты не уйдешь! — вскочил Витя Никольников.— Если ты уйдешь, и я уйду!

— И я уйду! — сказал Коля Почечкин.— Плевать мне на море.

— Всем плевать на море. Пусть один Славка едет на море! — закричали ребята.— Надо завтра же рассказать обо всем кому следует.

— Хорошо! — сказал я.— Решили. Как это сделать?

— Надо самим ребятам поехать в райком,— предложил Витя.— Мы со Славкой поедем.

— И Степан пусть с нами,— предложил Слава Дервянко.

— Поедешь, Степа? — спросили мы у гостя.

— Поеду,— ответил он.

Но тут поднялся Александр Иванович:

— Ребята, я со всем согласен. Возможно, я не прав, но я все-таки скажу. Черт его знает, мне как-то неловко. Нас здесь хорошо приняли. И кладовщики так внимательны, так заботятся о нас. Одеяла принесли с другого склада, спальные мешки достали, на дорогу нам подарок готовят. А мы на них из-за угла. Мне как-то совестно. А потом: вдруг все не так?

Я взглянул на Лену и Машу и увидел их растерянность.

— Ну тогда, может быть, им прямо в глаза сказать? — предложил Витя.

— Я бы, например, не смог этого сделать,— сказал Александр Иванович.— А кто смог бы?

Ребята молчали.

— А может быть, эти две машины не украдены? — усомнился я.

Как было бы хорошо, если бы все в этом мире было честно и справедливо...

Учить порядочности — вот основа гражданского воспитания

И вдруг — неожиданность: к нашему костру подошел дядя Вася, кладовщик, которого мы уже успели и осудить, и приговорить:

— А я вам принес орешков. Думаю, дам ребятишкам, пусть пощелкают. Здорово вы нам помогли, ребятки. Я люблю детвору. У меня, знаете, такое горе. Был мальчик, вот как ты,— и дядя Вася погладил по плечу Славу Деревянко.— Похоронил год назад. Такой хлопец был. Красавец.

— А что с ним?

— Утонул, ребятки. И плавал хорошо. А вот не стало мальчика. Мать убивается, я сам не свой хожу. Работа не в радость. Провались все на этом свете.

— Ну зачем же так? — сказал Витя.— Может быть, у вас еще будут дети.

— Поздно. Не будут, ребятки. Разве сиротку взять на воспитание.

— А что,— сказал Слава.— У нас, там, где я живу, одна семья троих вырастила. Теперь у них и внуки есть.

Я поразился вниманию, с каким слушали дядю Васю ребята. Думал: до чего же отходчивы, до чего же добры. Только Маша Куропаткина сиротливо наклонила головку, и непонятно было, что у нее на душе.

У меня часто спрашивают, когда я рассказываю об этом случае: «А как же вы, как педагог, поступили?» Я отвечаю: «Я, должно быть, поступил неправильно. Я тогда не сказал ни слова. Меня точно заклинило. Я наблюдал за детьми. Наблюдал за внутренней борьбой. Я почему-то боялся: а вдруг тот же Слава встанет и скажет: «Не верим вам. Вы — вор!» И как я обрадовался на следующий

день, когда мы узнали, что две машины груш отмечены в какой-то другой книге.

Потом, уже в пути, мы много говорили с детьми о подлинной гражданственности и о подлинной человечности. Мы говорили о том, что настоящая честность и принципиальность обязывают. И что высшее счастье — это твое доброе имя, твоя незапятнанная честь.

Глава 4

ПЕДАГОГИКА НА КАЖДЫЙ ЧАС

(Правила и приемы
воздействия)

Эта часть книги — методическая. Она отвечает на вопросы: как поступить? как влиять? как воспитывать?

Запомнилась мне такая парадоксальная мысль: чтобы научить воспитывать, надо отбросить педагогику. В этом утверждении — протест против педагогической схоластики, против педагогики нравоучений. Я готов присоединиться к такого рода протестам, но с существенной оговоркой: знание закономерностей воспитания может помочь формировать личность ребенка. Это знание нельзя заменить ни опытом, ни житейской умудренностью. Сплав осмысленного опыта и знаний — это и есть та педагогика, которая нужна каждому, кто причастен к воспитательной работе.

Сам замысел создания «рабочей» педагогики на каждый день определил и способ изложения материала — не от абстрактных принципов, а от логики повседневного общения с детьми. Мне кажется, это один из путей к взаимопониманию с читателями-родителями, которые в постоянном поиске создают микропедагогику семейных отношений.

УТРО

Вы просыпаетесь, вы полны забот о предстоящем дне. В голове складывается цепочка предстоящих дел, их много, больших и малых, важных и пустячных, приятных и скучных, но обязательных, неотложных. В этом калейдоскопе одна из главных забот — ваш ребенок. Разбудить, накормить, присмотреть за одеждой, отправить в школу. Вы почти не осознаете своих действий: все давным-давно перешло в навык, в привычку. Какого рода эти привычки? Принял ли ваш ребенок участие в приготовлении завтрака? Помог убрать со стола? Напомнил о

чем-то, пообещал что-то? В каком настроении уходит ребенок в школу? С каким выражением лица прощается? Как он отреагировал на ваше последнее замечание? С каким чувством вы идете на работу?

Утром время предельно сжато. Утро либо заряжает вас светлой духовностью, либо оставляет в вас горечь обиды, щемящий вопрос, предчувствие боли, которой еще нет, но которая, возможно, через некоторое время даст о себе знать.

Все знакомые мне семьи я бы разделил на три типа. Первый тип — идеальный, где утро приносит удовлетворение, радость, надежды. Второй тип — средний, где утро в общем-то не огорчает, все идет своим чередом, и каждый занят собой, выполняя свои обязанности. И третий тип — скандально-раздражительный, где первые встречи наполнены открытым или тайным недовольством.

Попробуем выстроить все три модели отношений, чтобы увидеть плюсы и минусы технологии повседневного общения.

Идеальная модель. Представим такую ситуацию. Вы просыпаетесь от легкого прикосновения вашего ребенка. Он говорит: «Пора, мама. Я включил чайник и утюг. Завтрак на столе. Я сегодня встал, как мы и договорились, пораньше — готовился к контрольной». За завтраком отец рассказывает о своих трудностях на работе, подчеркивая, что ему, наверное, все же удастся осуществить задуманное. Сын тоже говорит, что у него день не из легких. Он говорит отцу: «Не беспокойся, все у меня будет в порядке». И бабушке: «Сегодня скользко — ты не ходи в магазин. Запиши все, что нужно, я куплю». Маме: «Иди, а то опоздаешь, я уберу со стола».

Средняя модель. Первой встала бабушка. Приготовлен завтрак. Встала мама, включает утюг, гладит брюки сыну. Будит отца. Отец встает, умывается, завтракает один, уходит молча. Мать будит сына: «Пора». Сын: «Еще капельку». Мать обговаривает с бабушкой что-то. Слегка ссорятся. Бабушка: «Ему пора». Наконец ребенок встает, умывается. Молча съедает завтрак, уходит. Мама пытается его поцеловать, сын уклоняется.

Негативная модель (скандальный вариант). Эта модель из цепи антипатий, злости, недоразумений. Полчаса длится пробуждение. Бабушка, которую внук толкнул ногой, плачет. Мать: «Да перестань причитать!» Срывает наконец одеяло с сына. Сын съеживается и продолжает лежать. «Ну что это такое? — возмущается

мать.— До каких пор это будет продолжаться?» — «У меня болит живот»,— говорит сын. «Врешь!» — кричит мать. «Не вру, сама ты врешь»,— отвечает сын, вставая. Идет в туалет. «Сколько можно там сидеть?» — кричат бабушка и мать. «Живот болит»,— раздается из-за двери. Угрозы, уговоры.

«Я есть не хочу!» — скандал. «Я не пойду на первый урок!» — скандал. «Я эту рубашку не надену!» — скандал. «Сегодня классная болеет — я пойду в джинсах» — опять скандал. Дом накален, звучат срывающиеся голоса. И плач бабушки: «Господи, да откуда же это такая беда?»... Сын швырнул матери шарф, который она пыталась надеть ему на шею, и скатился с лестницы.

Если ваши отношения строятся по схеме «идеальная модель», закройте эту книжку — вам она ничего не прибавит.

Если ваши отношения строятся по принципу второй модели, прочтите дальше, возможно, кое-что вы приобретете для себя.

Если же сложилось так, что ваши отношения где-то на стыке второй и третьей модели или же наметились симптомы «скандального варианта», давайте вместе подумаем, попробуем увидеть истоки ваших просчетов, разобратся в изъянах воспитания.

...Взгляните на спящего ребенка. Какая чистота и покой! Ваш ребенок прекрасен. Всмотритесь в эту красоту. Я много лет работал в школах-интернатах с трудными детьми. Часто по утрам, до подъема, приходил и наблюдал за лицами спящих. Они действительно были прекрасными и одухотворенными. Лица, светившиеся добротой. Лица, на которых не было усталости, раздражения, как будто все дурное было сброшено вместе с одеждой. И по мере того как дети пробуждались, как они приходили в себя, они будто надевали на себя и те нравственные одежды, которые в виде привычек, укоренившихся дурных наклонностей составляли пеструю ткань различных ощущений, моральных свойств, отношений.

Умейте отделить все дурное от того прекрасного, что есть в ребенке

А этим прекрасным являются его потенциальные возможности, которые присущи каждому. Надо только создать условия, чтобы одежды безнравственного поведения были обязательно сброшены. Их нельзя срывать,

надо, чтобы ребенок сам их сбросил, сам с ними расстался.

Вдумаемся хотя бы в причины нежелания встать вовремя. Первая — физиологическая: ребенок не выспался. А это значит, что он поздно лег или долго не мог уснуть, поел чего-то островозбуждающего на ночь, а может, мало был на воздухе. Кислородная недостаточность ведет к нарушению сна, к повышенной нервозности. Вообще, занимаясь нравственным воспитанием, не забывайте о физическом развитии ребенка, о физиологических факторах его поведения.

Вторая причина — моральная: ребенок ничего хорошего не ждет от предстоящего дня, ничего, кроме тревог, неприятностей, невзгод, замечаний, окриков. Уроки не выучены или выучены плохо, значит, опять страх ожидания вызова к доске, двойка в дневнике, строгие учительские наравоучения, обидные смешки одноклассников... И так изо дня в день!

Помогите ребенку выпутаться из мрачного лабиринта неприятных ощущений!

Запомните: его грубость и нервозность — результат педагогической запущенности, результат вашего невнимания к его делам. Никакая жесткость требований не может помочь вам сформировать в ребенке личность, если вы не снимете названные причины. Брань, угрозы, наказания только ожесточают. Оттого и нет желания просыпаться. Жизнь кажется сущим адом. И она именно такая у каждого запущенного ребенка.

И здесь не просто надо пожалеть сына или дочь, не просто приласкать, утешить, а помочь. Ласка и жалость в данном случае не менее вредны, чем окрик, ибо сострадание может лишь укрепить ощущение безвыходности. Ребенок еще не в состоянии сформулировать причины своих бед. Но уже понимает интуитивно, что простое сочувствие не может ему помочь. Потому нередко оно его раздражает. Потому многие дети и восстают против сюсюкающей педагогики, против различных форм педагогического либерализма. Либерализм и жалость на какое-то время ослабляют боль, сглаживают противоречия, не разрешая их.

Отогреть душу ребенка, сделать так, чтобы он почувствовал радость жизни, — значит затронуть такие стороны его индивидуальности, которые в конечном итоге при-

ведут ребенка к преодолению собственной отчужденности. Никакие внешние перемены не произведут метаморфозы, если ребенок сам не станет генератором своего обновления. А точнее, внешние перемены в сочетании с собственной детской самостоятельностью могут дать желательный результат в воспитании. Попробуем разобраться в сложных механизмах этих нравственных преобразований.

Итак, нашей скромной целью является переход от «скандального» утреннего варианта к идеальной модели. Предупреждаю, что из предложенных мною двух десятков ситуаций вы можете выбрать те, которые больше всего подходят к вашему ребенку. Естественно, могут найтись и другие.

Механизм радости

Нет на свете такого ребенка, который не проснулся бы с радостью, если бы знал, что утром его ждет что-то приятное, желанное. Я поражаюсь той волне положительных эмоций, которая буквально захлестывала детей, когда утром они знали, что им предстоят дела, сулящие удовольствие. Их лица сияли ожиданием и такой одухотворенностью, которая не может не сделать лицо любого человека прекрасным. Весь педагогический смысл этой радости заключался в том, что она была связана с самым обычным будничным делом (специально приведу подробный перечень этих дел): вымыть горячей водой асфальтовые дорожки (вычитали, что в Голландии моют асфальт с мылом!), привести в идеальный порядок все помещения до прихода воспитателей (чтобы воспитатели удивились и сказали: «Ах, не ожидали! Что же такое случилось?»), привести в идеальный порядок свою одежду и выучить уроки (чтобы самому себе сказать: «Ты все можешь»), помочь до уроков товарищу в чем-нибудь, подготовиться к выезду в поле, поход, на рыбалку и т. д.

Одно только условие нужно было выдержать: дело должно быть посильным, выполнимым. Причем я заметил, что источник радости иногда таился не в самом труде, а в том общении, которое нес труд или какая-то деятельность. Например, один мальчик готов был выполнять любую работу, предложенную каким-нибудь дядей Колей, с которым он дружил. Иногда источник радости вспыхивал и в самом методе оформления занятий. Например, игра или соревнование.

Нет на свете такого ребенка, у которого не было бы любимого занятия. Дети способны радоваться и получать удовольствие от выполненной ими работы. Используйте эту способность! Подготовьте такую радость. Важно, чтобы ребенок ждал этого дня, этого утра. Он проснется и сам, без напоминаний, умоется. Сам позавтракает. И возможно, сам впервые уберет со стола. Такой радостью может быть и хорошо подготовленный урок, и новые люди, и встреча с товарищем, и прогулка с отцом, и разбивка цветника, и многое другое...

Не ждите резких перемен

Воспитывать слишком рьяно так же опасно, как и вообще не воспитывать. Навязанная ребенку резкая перемена темпа жизни может стать вредной. Дурные привычки надо искоренять постепенно. Иной раз родитель ждет немедленных перемен, а они еще зреют. Надо научиться терпеливо ждать. Научиться видеть назревание перемен. Мне нередко возражали: «Нет этого назревания». Я отвечал: «Быть этого не может». И предлагал проанализировать факты. И действительно, удавалось вместе с родителем обнаружить перемены к лучшему.

Механизм поощрения

Радость — социальное свойство. Конечно, ребенок может радоваться и наедине. Но, как правило, он несет свою радость другим. Важно, чтобы его радость или успех были замечены. От того, что ребенок разделит свой восторг с родителем или сверстником, будет только польза. Ваше понимание и сочувствие придадут ему уверенности в своих силах, помогут созданию здорового микроклимата в семье. Если ребенок встал вовремя и без возражений выполнил некоторые ваши требования, не поспешите на похвалу. Надо, чтобы вы сказали: «Оказывается, ты сам можешь встать и все сделать». Надо, чтобы кто-то из членов семьи поддержал: «Вот какой молодец!»

Если вы поставили цель вывести ребенка из тяжелого положения в учебном труде и для начала помогли ему подготовить домашнее задание, надо непременно поговорить с учителем, чтобы он спросил выученный ребенком урок и сказал примерно так: «Да ты, оказывается, можешь прекрасно отвечать». Коллектив сверстников в таких случаях бывает добр и щедр. Ребенок почувствует эту щедрость и в их взглядах, и в репликах, и,

возможно, в небрежно брошенном одобрении: «Да ты, старик, силен»... Радость вспыхнет в душе ребенка, и это будет и ваша и его большая победа. Конечно, иногда не легко уговорить педагога отметить, казалось бы, ничем не примечательный ответ ученика, столько раз удручавшего его своей нерадивостью. Поймите педагога: ему трудно вот так сразу переменить свое мнение. И все-таки постарайтесь убедить его помочь вашему замыслу.

Не делайте из ребенка подопытного кролика

Надо усвоить такое правило: «Ребенок живет, а не воспитывается. Ему нравится творить самого себя, а не быть средством для достижения ваших, пусть даже самых прекрасных целей. Никто не хочет быть средством для достижения чьих-то целей. Если ребенок обнаружит в ваших действиях некоторую нарочитость, скажите ему в лоб: «Да. Я хочу, чтобы у тебя больше было радости и счастья. Разве тебе так не нравится? Разве ты хотел бы, чтобы на тебя орали?..»

Единство труда и наслаждения

Удовольствие может выполнять в воспитании разную роль. Оно может быть полезным и вредным. Вредным становится тогда, когда ведет к образованию нездоровых наклонностей, к потребительству. Удовольствие полезно, если оно сопряжено с трудом, с мускульным напряжением или с работой мысли. Единство трудового усилия и наслаждения, которое ведет к нравственным образованиям, и есть то, к чему стремится педагогическое искусство. Когда говорят, что этот ребенок живет полнокровной жизнью, как раз и подчеркивают, что ему не чужды и радости, что труд доставляет ему мгновения подлинного счастья. Когда говорят, что этот ребенок очень трудолюбивый, но будто весь высушен, никогда не загорится, не придет в восторг, то подчеркивают серьезный изъян скучного, педантичного воспитания.

Удовольствие — это тот нектар, который должен быть разлит во всех движениях растущего человека, даже в самых трудных и нежеланных напряженных действиях. Но этот нектар становится ядом, если потреблять его в чистом виде. Удовольствия чисто потребительского характера не только приводят к пресыщению, но и искажают личность.

Даже два удовольствия, поставленные рядом, рожают потребительское отношение. «Трудовое усилие — наслаждение — трудовое усилие» — вот формула, которая может привести к воспитательным удачам. Перевернуть эту формулу, поменяв в ней местами труд и удовольствие, — значит прийти к своеобразному педагогическому гедонизму, к такому развлекательству, неизбежно ведущему к зарождению различных форм потребительской психологии.

«А не заблуждается ли автор? — может возникнуть вопрос у читателя. — Какая же здесь беда, если ребенок получил удовольствие от того, что убрал в комнате, затем от того, что выучил уроки, затем от того, что прочел интересную книжку? Вот вам целых три удовольствия, поставленных в один ряд»... Все правильно, отвечу я придирчивому читателю, здесь действительно три удовольствия, рожденных не на основе потребления, а на основе трудовой деятельности. Удовольствие, достигнутое трудовым усилием, формирует потребность. Если ребенок получил удовольствие от того, что он сам встал по заведенному будильнику (это его волевое усилие), надо сделать так, чтобы от этого удовольствия был перекинут мостик к другому усилию, ранее не практиковавшемуся, — чтобы он сам умылся, оделся, убрал после себя и т. д. Если ребенок в нашем замысле выучил один урок, ответил и получил от этого радость, то пусть эта радость станет первым звеном в цепи других подготовок к домашним заданиям.

Не избегайте мелочей

Общеизвестна формула «В воспитании нет мелочей». То, что для взрослого кажется мелочью, для ребенка весомо и существенно. Для малыша научиться зашнуровывать ботинки, быть может, не менее сложная премудрость, чем для взрослого выучить иностранный язык. Весь ход вашего повседневного общения строится порой на мелочах. Если вы хотите, чтобы ребенок по утрам мыл уши, то для этого не надо окунать его с головой в ванну: вы надолго отобьете у него желание умываться. Но если ребенок впервые сам, по доброй воле прикоснулся к своим ушам мокрыми руками, обязательно скажите ему: «Ты даже холодной воды не боишься. Ты сам вымыл себе уши!...»

Попробуйте посмотреть на вещи и явления глазами ребенка. Даже для младшего школьника обыкновенная

простыня так же громадна и неуправляема, как для туриста-новичка десятиместная палатка. Разбейте элементарную уборку постели на две-три операции, и пусть ребенок начнет с первой, потом выполнит вторую и т. д. Если он сам ускорит темп, то есть скажет: «Да я за один раз все сделаю», — пусть сделает. Но если он этого пока не говорит, не надо до поры до времени настаивать. Если ребенок вообще не приучен к самообслуживанию, то приучать его к повседневному труду надо постепенно. Пусть сначала он протирает не весь пол, а только часть, потом подоконник, потом стол и шкаф и т. д.

Иные родители спросят: для чего нужна такая постепенность? Ведь можно и заставить! Ну, судя по опыту «скандальных вариантов», заставить не просто. И потом: один нажим — еще куда ни шло, а система нажимов неизбежно идет во вред.

Механизм возникновения полезных потребностей

Детская радость, удовольствие от заверченного дела, уместные оценки окружающих и самооценка ребенка создают основание для возникновения потребностей. Чтобы потребность в труде стала органичной, необходимы многократные повторения трудовых усилий, сопровождаемых формами удовольствия. Дело в том, что сами по себе потребности ребенком не осознаются: они слиты с привычкой, с возникшим желанием, с побуждением. Ребенок просто тянется к чему-то. Потребность в деятельности всегда связана с различного рода интересами личности. Потребность конструкторская: ребенок может часами возиться с радиоприемником. Потребность в чтении: не оторвешь от книги. Потребность в школьном преуспевании, как правило, связана с престижем личности ребенка. Любая формирующая потребность косвенно или напрямую связывается с потребностью в общении с другим человеком. Вот эта связь потребности деятельности с потребностью в общении с другими — всеобщая основа воспитания.

Если ваш ребенок прекрасно учится, но ничего не делает в доме, — это значит, в нем развиты честолюбие и чувство долга, работающие исключительно на него самого, но не развит альтруизм. Если мать моет посуду, а дочка никогда ей не помогает, то вряд ли такую девочку можно назвать доброй.

Я знаю девочку, которая не выносила тех дней, когда дома кто-нибудь болел: мама, бабушка или отец. В эти

дни она старалась избежать раннего прихода домой. Сама мысль помочь кому-то, то есть тратить время «неинтересно», страшила ее. Девочка училась в четвертом классе и серьезно относилась ко всем школьным поручениям: они помогали ее самоутверждению.

Потребность в выполнении различных обязанностей по дому должна быть связана с желанием помочь близким, доставить им радость.

Приведенная нами в начале главы идеальная модель отличается от «скандального варианта» прежде всего тем, что в первом случае ребенок с любовью относится к близким. И задача воспитания была бы слишком загруженной, если бы она сводилась лишь к помощи в выборе деятельности. Педагогика, которая ограничивается проповедью деятельности и формированием потребности в деятельности, пусть самой творческой, неизбежно становится бездуховной. Ребенок должен усваивать такую логику: я убираю в комнате не только, чтобы было чисто, но и потому, что облегчаю заботы мамы, бабушки и других. Научить делать добро — одна из высших человеческих ценностей.

Не бойтесь напоминаний

Ребенок — не автомат, и ничто человеческое ему не чуждо. Он забывчив. И причины забывчивости бывают разными. Если он не подмел в квартире, не делайте мгновенно вывода, что он вас не любит или плохо относится к бабушке. Тем более не говорите ему об этом. Вообще не старайтесь говорить о его любви к вам. Любовь не вынуждается. От того, что вы несколько раз напомните ребенку об одном и том же, ничего не изменится. Более того, ребенок привыкает к частым напоминаниям и перестает их воспринимать. Поэтому напоминать следует по-разному. Девочка постоянно разбрасывала свои вещи по комнате, а мать ходила за ней и убирала. Однажды ей надоело и напоминать, и убирать за дочкой, и она стала сама разбрасывать вещи по комнате, и свои и дочкины. «Что ты делаешь?» — не выдержала дочь. «Подражаю тебе», — ответила мать. На девочку это подействовало.

Это, конечно, не универсальный прием, и можно найти много других. Как бы то ни было, а параллельно с формированием потребностей идет процесс образования привычек, который почти невозможен без напоминаний.

Потребность в человеке

В приведенной модели «скандального варианта» страшны разобщенность и отсутствие потребности друг в друге. Спросите родителей, любят ли они своего ребенка-деспота? Чаще всего ответят: «Очень». И это действительно так. Но тогда что же привело к такому положению? Чрезмерная любовь? Нетребовательность родителей? Характер отношений? Отсутствие в доме порядка и твердых правил? А может быть, все вместе?

Во всяком случае, коль факт разобщенности налицо, надо разобраться в истоках. И первой нашей заповедью давайте сделаем бескомпромиссность нравственных требований. Если ребенок грубит и дерзит старшим, оскорбляет их, нет и не может быть никаких смягчающих обстоятельств, никаких уважительных причин и скидок. Вместе с тем надо знать и другое. Отрицательные свойства детского характера, как правило, являются результатом неправильных взаимоотношений в семье. За мелкими фактами непослушания, детского протеста и неприятия родителей всегда стоят более весомые причины, порожденные духовной разобщенностью. Чтобы ребенок вас слушался, надо, чтобы он вас уважал, а не просто боялся. Нравственная зависимость уважения куда сильнее страха перед наказанием.

Нравственное отчуждение может возникнуть на основе безразличия ребенка к другим членам семьи. Родители, сами того не сознавая, формируют у детей такие шаблоны поведения, которые неизбежно развивают детский эгоизм, потребительство. И от ребенка нельзя ожидать другого поведения, если он усвоил только один стиль — стиль потребления. Что же делать?

Помните, ребенок всегда испытывает острую потребность в общении с вами. И на эту потребность надо опереться, чтобы снять возникшее потребительство. Для этого надо, чтобы он на какой-то момент осознал возможность утраты расположения родителей, свободного и легкого общения с ними. Вы уже сделали несколько шагов по пути сближения с ребенком, дав ему почувствовать радость труда, радость первых своих успехов. Но никакая радость общения не снимет то безнравственное начало, которое уже в качестве стереотипа сложилось в детском поведении. Нравственность всегда связана с выбором, с моральным переживанием и, если хотите, с нравственными мучениями. Доброе чувство чаще

всего бывает выстраданным. И вы должны сознательно пойти на то, чтобы привести ребенка к мукам совести, чтобы он пережил нравственную боль. Здесь многое будет зависеть от вашей интуиции, от вашего искусства общения с ребенком. Давайте с вами проанализируем несколько ситуаций.

Ситуация холодности. Сразу же после плохого поступка ребенка замкнитесь в себе. Но пусть он видит ваше огорченное лицо. Не старайтесь при этом разыгрывать спектакль; ведь вы на самом деле огорчены тем, что у вас ненормальные отношения с ребенком. Постарайтесь подвести его к вопросу: «В чем дело?» Не отвечайте сразу. Или же постарайтесь заинтриговать ребенка уклончивым вопросом: «А ты разве не знаешь? Не догадываешься?» Не огорчайтесь, если ребенок забудет о своем вопросе и не станет допытываться. Ждите момента, когда будет удобно начать разговор. Если речь пойдет о бабушке, то постарайтесь нарисовать картину ее легкой старости, болезни. Вызовите у ребенка чувство сострадания. Приведите впечатляющий пример, когда бессердечные эгоисты забывают о близких. Вызовите у ребенка отвращение к такому недостойному поведению. И снова не рассчитывайте сразу на то, что ребенок мгновенно узнает себя в приведенном примере. Но если с его стороны будет хотя бы малейшее понимание и стремление в чем-то изменить свое отношение, помогите ему, отметьте его искренний порыв. Пусть ребенок впервые сделает доброе дело и испытает от этого радость.

Ситуация разрыва. Не бойтесь дать бой по главным вопросам ваших отношений. Не стремитесь к конфликту, но будьте к нему готовы. Ребенок должен услышать в вашем голосе силу вашей справедливости, почувствовать силу вашей воли. Однако не обрушивайте все требования сразу. Нельзя говорить: «Вот с этого дня ты должен во всем слушаться старших». Но надо потребовать главное, чтобы не было хамства, не было потребительства. Надо сказать: «Я, очевидно, в чем-то виноват, что распустил тебя. Мы все тебе потакали. Я не требую от тебя сиюминутной перемены: это, наверное, невозможно. Но с этого дня, если ты хочешь с нами общаться, ты должен делать то-то и то-то».

Если ребенок скажет: «Не буду, не хочу, с какой стати» — а такой поворот при педагогической запущенности вполне возможен — дайте ему почувствовать свою неотступность. Скажите: «Тогда нам не о чем говорить».

Ситуация параллельного действия. Заметьте, что если вы будете действовать в одиночку, вы наверняка проиграете. Если ребенок пошел на разрыв, вы не имеете права оставлять его наедине с собой. Это крайне опасно. Вы должны организовать параллельное действие, чтобы кто-нибудь разъяснил ребенку причины разрыва, доказал его неправоту. Пусть это сделает дядя, бабушка, учитель, школьный товарищ. В ситуации разрыва у ребенка все обострено, и этой обостренностью восприятия он, собственно, и подготовлен для нравственного влияния. Подготовленность надо, не теряя времени, использовать. Ребенок должен к вам прийти «с повинной».

Ситуация возможного компромисса. В зависимости от обстановки можно пойти на компромисс. Примите извинения ребенка. Но подчеркните: «Мне нужны не извинения. Важно, как ты будешь выполнять дальше те требования, о которых мы много раз с тобой говорили». Избегайте при этом сентиментальностей, не пускайтесь в общие разговоры. Сейчас они неуместны. Лучше всего займитесь каким-нибудь общим делом. Скажите, к примеру: «Хорошо. Если у тебя добрые намерения и ты искренне обещаешь, давай возьмемся за дело. Ну-ка, достань тетрадь по арифметике» или: «Давай-ка уберем квартиру». В ходе делового общения, если возникнет такая возможность, постарайтесь поддержать ребенка: «Ну вот видишь, как ты все можешь».

Не бойтесь приласкать ребенка

Потребность в общении у ребенка неразрывно связана с потребностью в ласке. Если ребенку недостает вашего теплого отношения, он неизбежно нервничает, грубит, не находит себе места. Это «нервное начало» — своеобразное требование тепла. Ласка смягчает нрав, создает необходимую контактность, устанавливает то необходимое равновесие, без которого не может быть продуктивного общения. Ребенок ищет ласковых прикосновений, добрых слов, взглядов. Будьте щедрыми в ласке. Только ласка и ваше душевное тепло могут растопить тот холод отчужденности, который по тем или иным причинам возник в ваших отношениях. Помните, что ваши руки обладают магической силой влияния, порой куда большей, чем слово, продолжительная беседа, подарок. Еще никто не изучал целительную силу человеческого прикосновения. Ребенок подсознательно различает легкое прикос-

новение матери, мужественную нежность отцовского рукопожатия, товарищеское похлопывание по плечу и т. д.

Ребенок воспринимает мир чувством. Ощущения порой сообщают ему куда больше, чем слово. Если есть такая возможность избежать слов, а выразить свое отношение жестом, движением, прикосновением, делайте это смелее и чаще. Не обязательно ласкать специально. Лаской должно быть проникнуто все ваше деятельное общение. Вы выходите на прогулку — поправьте шарф, пригладьте волосы ребенку. Вы читаете книжку и, когда сочтете это возможным, прикоснитесь к его плечу. Вы увидели, что ребенку жарко, расстегните ему пуговицу на воротничке. Если ребенок тянется к матери приласкаться или померяться силой с отцом, не отмахивайтесь от него, обнимите, пусть ребенок почувствует силу и тепло вашего тела. Такого рода контакты рожают у него чувство защищенности, покоя и раскованной свободы.

Механизм педагогического удовольствия

Если вы не получаете радости от общения с ребенком, вы не достигнете воспитательной цели. Воспитание — это такая работа, которая непременно должна доставлять удовольствие. Здесь и кроется тайна педагогического творчества.

У вас, скажем, появился замысел приучить ребенка к определенному режиму жизни. Но никогда не бывает так, чтобы была одна только цель. Особенность педагогических замыслов состоит в том, что каждый из них представляет собой своеобразный пучок целей. Вы вроде бы ставите одну цель, а на самом деле она оказывается связанной с целой системой тесно переплетенных и параллельно развивающихся устремлений, способностей, усилий и пр. Если вы добиваетесь, чтобы ребенок вовремя вставал утром и сам убирал свою постель, то вы наряду с этим, вольно или невольно, пытаетесь достичь и ряда смежных целей: установить с ребенком добрые взаимоотношения, научить его правильно реагировать на ваши замечания, воспитать в нем чувство ответственности, дисциплинированности, приучить к систематическому труду, к четкому режиму дня и т. д. Выберите из этого множества смежных целей одну, для вас сегодня главную. Если вам в реализации своего замысла удастся достигнуть вначале только одной цели, — это уже успех. Одна реализованная цель поможет вытащить и остальную цепочку.

Средством для достижения целей может быть все, начиная от подметания пола и чтения книги, то есть любое занятие, любая деятельность, ваша беседа, поощрение и осуждение, разрыв и компромисс, примирение и совместный труд. Применение различных средств в какой-то мере может изменить ваш замысел. Не смущайтесь этим. Попробуйте вникнуть в то, как осуществляются ваши намерения, в какой мере ребенок стал вашим союзником. Вместе с тем ребенок должен усваивать, что высшей ценностью в мире является не только он сам, но и мать, отец, бабушка, дедушка, учителя, товарищи. Он должен знать, что у каждого из этих людей есть свои переживания, своя радость и боль, и этот мир других людей он должен уважать и по мере сил оберегать. Эти положения — лейтмотив всей вашей педагогической деятельности. Именно они и должны составить главный педагогический результат воспитательной деятельности.

Если вы добились, что ребенок стал утром выполнять ваши требования, то есть стал действовать в соответствии с идеальной моделью, этот результат может послужить основанием для дальнейшей постановки новых целей. Если вы в течение месяца или двух-трех недель добивались достижения только «утренних» ваших целей, это не означает, что сами по себе другие задачи не решались. Вы проделали большую работу и в установлении нормального общения, и в изменении отношений ребенка к занятиям, к труду и т. д. Сами по себе наметились выходы, так сказать, в другую сферу — в урочное время, приготовление домашних заданий. Нравственный результат измерить трудно, но он распространится на все виды занятий, на все увлечения и с новой силой поставит перед вами новые проблемы, выдвинет новые противоречия, которые вам предстоит решать, решать и решать.

Принцип опережения

Как это ни странно, но многие конфликты возникают потому, что родители не успевают перестраиваться в своем отношении к ребенку. Они не замечают перемен, происходящих в детях. И детям приходится выжимать из родителей новую тональность их отношений к себе. По мере развития ребенка возрастают его притязания, усиливается стремление к самостоятельности. Нередко родители воспринимают эту естественную тенденцию как желание ребенка выйти из-под родительского контроля.

Начинаются конфликты. Родители более консервативны в своих приемах, чем ребенок в своих ответных реакциях. И этот консерватизм может сказываться во многом.

Например, ласка. Заметили, как ребенок увертывается от вашего поцелуя, когда вы это делаете на людях? И увертывается он не потому, что ему неприятна ваша ласка, а потому, что форма обнародования нежности ему уже неприятна. Он уже начинает понимать, что его возрасту необходимы другие формы внимания: достаточно теплого взгляда, легкого прикосновения. Он хочет, чтобы все было, как у взрослых. Или — вы покрикивали на малыша, и он не обижался. Но вот ему уже четырнадцать лет, и каждый ваш окрик его ранит.

Постарайтесь изменить тональность вашего обращения к подростку. Пересмотрите способы предъявления к нему своих требований.

Надо сделать так, чтобы не ребенок вынуждал вас менять методы, а чтобы вы сами, как бы меняя и усложняя свои требования, ставили ребенка перед необходимостью менять его поведение. Лучше пусть ваши методы чуть-чуть опережают рост ребенка, чем идут где-то позади. На разных ступенях его физического и духовного развития вы должны проводить одну и ту же линию: «Вот теперь ты стал старше и умнее, и вот это и это будешь делать уже сам». Добивайтесь, чтобы ребенок рвался ко все большей и большей самостоятельности. Замечательная детская формула «Я — сам» пусть будет вашей путеводной звездой в приемах воспитания.

Не бойтесь конфликтов с детьми

Не может быть воспитания без конфликтов, как не может быть общения без разрешения противоречий. Конфликт — это столкновение взглядов, вкусов, желаний, представлений. Конфликт — всегда пересмотр чего-то. Он всегда связан с необходимостью обновления.

Думается, что есть нечто объединяющее все конфликты и способы их разрешения. Во всяком случае, в любом конфликте можно увидеть несколько одних и тех же тенденций.

Предположим, ваш ребенок стал в ущерб занятиям зачитываться фантастикой. То, что вы стремитесь предотвратить угрозу нарушения режима, невыполнения занятий, — положительная тенденция в ваших действиях. Но, отнимая у ребенка книжку, вы чем-то рискуете: может еще больше усилиться его тяга к запретному плоду

или, наоборот, может быть убит очень важный детский интерес к книге. Не менее сложное положение и у ребенка: он весь во власти происшествий, которые ему дарит фантастика, и это прекрасно. Но его мучительно, где-то в тайниках сознания, сверлит мысль-обязательство: «Надо сделать уроки, надо проснуться рано». А расстаться с книжкой он не в состоянии. Поэтому он и готов (чисто импульсивно) вступить в конфликт с любым, кто посягнет на его пробудившуюся страсть к чтению.

Как видно, конфликт многослоен. Если вы просто подойдете к ребенку и скажете: «Хватит!», и отнимете книжку, и погасите свет, вы мало чего добьетесь. Такой авторитарный шаг приведет к новым наслоениям. Такой шаг не исключен, однако, как крайний вариант вашего поведения, и торопиться с ним не следует. Попробуйте иной способ разрешения возникшего противоречия. Подойдите к ребенку и спросите: «Это, должно быть, очень интересная книжка?» В редких случаях ребенок может сказать: «Не мешай». Когда ребенок испытывает удовольствие от чего-либо, он, как правило, стремится поделиться своей радостью. Он скорее ответит: «Очень интересная».

И когда вы задаете новый вопрос: «Наверное, на самом интересном месте остановился?» или «А что, она вся такая захватывающая?» — он начинает с вами разговаривать. И этот контакт очень важен: ребенок может сам принять подсказанное вами решение — отложить чтение до завтрашнего дня. В данном случае вы предотвратили назревание конфликта.

Помогите ребенку преодолеть «физиологический барьер» — от сладкого сна к дневным заботам

Утро — самое сложное и трудное для ребенка время. Причем для каждого оно разное. Один ребенок просыпается охотно, и расставание со сном происходит мгновенно. Другой долгое время не может перейти из одного состояния в другое. Одному легко делать зарядку, для другого она — досадная обязанность. Но зато бывает и так, что этот второй оказывается через некоторое время более подготовленным для перенесения сильных и длительных напряжений, как умственных, так и физических. Важно учитывать особенности физиологического развития детей. Но еще важнее знать то общее, что присуще

каждому человеку, в данном случае ребенку, в его утренние часы.

Утро — всегда надежда, всегда ожидание. Утром ребенок требует особенной бережности и внимания. Между покоем, сладким сном и напряжением предстоящего дня не должно быть резкого перепада. Поэтому пусть первые утренние минуты послужат своего рода прокладкой, через которую ребенок сам вступит в поток дневных забот. Весь ритм утренней поры должен способствовать этому размеренному вхождению. Завтрак в спокойной обстановке, последние сборы и проверка портфеля, одевание — все должно делаться без суеты, но непременно с некоторым нарастанием темпа.

Не играйте роль обиженных

Иногда взрослые, общаясь между собой, вырабатывают тактику чередования ролей «обидчик — обиженный».

Скажем, кто-то проявил холодность к близкому, который хотя и не возмутился, но обиделся. И вот в течение дня идет демонстрация роли обиженного. «Обидчик», не понимая, в чем дело, допускает один промах за другим. Потом следуют долгие выяснения отношений, высказываются взаимные претензии и, наконец, происходит примирение. Этот стиль взрослые иногда подсознательно переносят на общение с детьми. Вот, к примеру, с вечера мать и дочь договорились, что утром дочь встанет и приготовит чай. А дочь забыла об этом. Схватила молоко, выпила, чем-то закусила и убежала в школу. Мать в обиде. Обижается день, обижается два. Дочь, наконец, замечает это и спрашивает: «Что ты, мама, такая расстроенная?» Этот вопрос еще больше обижает мать: «Ну почему она такая бесчувственная?» А ребенок вовсе не бесчувственный. Его ритм жизни напоминает бег. А разве можно в беге быть пристально-наблюдательным? Если вы не научите ребенка останавливаться, не научите прислушиваться к чужим голосам, всматриваться в чужие глаза, чтобы уметь различать оттенки переживаний, вы не сможете воспитать отзывчивого, доброго человека.

Для того чтобы учить ребенка этому сложному и многомерному видению, надо быть спокойным и уверенным в разумности своей воспитательной тактики. Роль обиженного принижает взрослого, делает его позицию слабой, беспомощной.

Свою слабость можно порой как-то проявить перед ребенком. Можно в чем-то ему искренне признаться в расчете на его поддержку. Но это — в исключительных случаях. А каждый раз пользоваться слабостью в качестве инструмента пробуждения детской сердечности ни в коем случае нельзя.

В конфликте взрослый должен быть хозяином положения. Разрешение конфликта не следует затягивать, важно побыстрее выйти на оптимистические рубежи.

Если вы проанализируете внимательно свои отношения, то вы обнаружите, что они строятся на бесконечном количестве микростолкновений. Утром вы говорите: «Вынеси мусор». А ребенок занят своим делом и не слышит вас. Он, точнее, слышит, но не придает значения вашей просьбе. И если он увидит, что вы, обидевшись, делаете это сами, вы только снимете груз с его души. «Вот и прекрасно,— решает он,— вот и не надо возиться с каким-то дурацким мусором». Вы оказываетесь в состоянии внутреннего конфликта, а для ребенка, наоборот, конфликт исчерпан. Но если вы без раздражения спокойно, но чуть настойчивее повторите просьбу: «Сделай побыстрее»,— ребенок выполнит то, что вы от него хотите. Если он проявит при этом неудовольствие, не обращайтесь внимания. Если понадобится, снимите какой-нибудь шуткой возникшее напряжение.

Может быть и такой случай. Вы хватаете ведро с мусором, а ребенок кричит вам вслед: «Ну погоди еще минуточку! Я вынесу это ведро». Вы приходите в дом с пустым ведром, ребенок виновато смотрит на вас, ему стало стыдно. Не давайте разрастаться губительному самоанализу по пустякам. Скажите ребенку спокойно и весело: «Ничего, в следующий раз ты сам без напоминаний будешь выносить ведро с мусором». И все. Если ребенок попытается что-то пробормотать в свое оправдание, спокойно остановите его: «Довольно». И переключитесь на другие дела.

Нельзя вступать в выяснение отношений всякий раз — это изнурительно прежде всего для вас. Ждите, когда целая система микростолкновений приведет к тому, что основной конфликт созреет. И тогда следует объясниться, либо дать бой, доказать ребенку неправильность его поведения. И снова вы должны видеть конечный результат наметившейся разобщенности, то есть неременный выход на оптимистический рубеж.

Ребенка надо терпеливо учить

Все то, чему вы научились, скажем: быстро приготовить завтрак, убрать квартиру, рабочее место,— потребовало немало лет. Вы, однако, не отдаете себе в этом отчета, вы думаете, что все эти навыки — дело легкое, и ребенок может овладеть ими запросто. Вы часто повторяете: «Ну неужели такая мелочь тебе не под силу? Неужели такой пустяк ты не можешь сделать сам?» А ребенок действительно не в состоянии был справиться с этим пустяком: что-то ему мешало, в чем-то он не был уверен, чего-то боялся. Детский страх многообразен. Он связан нередко с теми установками, которые долгое время складывались в семье. О том, как преодолевать эти просчеты, мне бы и хотелось рассказать.

Ася было десять лет, когда ее мать, Нина Ивановна, пожаловалась мне: «Дочка привыкла к тому, что бабушка все за нее выполняла, и теперь Ася и от меня ждет такого же сервиса. Но я же работаю. Я не могу за нею ухаживать. И не хочу, потому что она должна же чему-то научиться. Придется ей жить и одной: не всегда будут мама и бабушка».

— А чего именно она не умеет? — спросил я, пытаюсь вникнуть в ситуацию.

— Да ничего. Веник в руках держать не может. Постель застелить не умеет. Даже спичку зажечь боится! Вы не представляете, сколько мы сил затратили, чтобы научить ее зажигать спички. Ведь она приходит домой, когда никого еще нет. Ей что-то надо разогреть, вскипятить чай — неужели из-за этого я должна прибегать с работы? Она же взрослая девочка!

Ася хорошо учится. Посещает музыкальную школу. Хорошо развита. Но дома...

Я увидел очаровательную девочку с умными блестящими глазами, чуть-чуть ироничными, но пытливыми. В ее движениях чувствовалась сила, уверенность и энергия здорового ребенка, быть может, немного капризного.

Мы сидим вчетвером: Ася, ее отец, мать и я.

— Ася не умеет зажигать спички? — говорю я. — Чепуха! Вы посмотрите, какие у Аси прекрасные пальчики! Такими пальчиками только звезды зажигать на небе, а не спички.

Ася смотрит изумленно-сомневающимися глазами. Она понимает, что я играю, и следит за моей игрой, и взгляд ее точно бросает мне вызов: «А все равно у тебя ничего

не получится. Не умею я зажигать, и все». И взгляд, обращенный к родителям: «Чего он от меня хочет? Ну скажите же ему...»

Теперь мой воспитательный престиж зависит от спичек. «Сейчас мы с Асей проделаем один фокус»,— говорю я. Беру девочку за руку и веду ее в другую комнату. Мы садимся друг против друга. Ася приготовилась сопротивляться. А я говорю небрежно:

— Неужели ты в самом деле думаешь, что я стану тебя учить зажигать спички? — и прячу коробок в карман. У Аси снимается напряжение, на лице вспыхивает любопытство.

— У тебя, мне кажется,— говорю я,— гибкие пальцы.

— А вот у меня какие пальцы,— говорит Ася, и она отгибает их назад с такой силой, что я на мгновение пугаюсь.

— Да ты ко всему прочему еще и бесстрашная,— говорю я.— Разве не больно?

— Ни капельки.

— Не может быть! — не уступаю я.

Ася смеется. И я чувствую, что контакт установлен. Можно приступать к делу.

— Кстати, о спичках,— бросаю я.— Все не так просто, как ты думаешь. Хочешь, я тебе расскажу, в чем здесь дело? Это касается твоей личности прежде всего.

Ася очень хочет знать все, что касается ее личности. Этого все дети хотят.

— Понимаешь, в тебе развивается нечто удивительно прекрасное,— говорю я.— Но это «нечто» может погибнуть. Ты придумала отличную игру в «не умею», а на самом деле это другая игра. Смотри, что получается. Тебя десять лет пугали спичками, говорили: «Не зажигай, не трогай. Не подходи к огню». Ты стала бояться. Страх поселился в тебе. И он проявляется не только по отношению к спичкам. Он дает себя знать и тогда, когда ты садишься за пианино, и когда учишься, и когда говоришь с мальчишками...

— Но я действительно боюсь,— говорит Ася.— Я даже в лагере всегда звала мальчишек разжечь костер...

— В лагере ты и должна звать мальчишек разжигать костер — это их дело. И вообще девочка должна всякий раз подчеркивать свою принадлежность к слабому полу...

Ах, как ей нравится, что я с ней говорю, как со взрослой женщиной. Это ее невероятно подкупает, и хотя она все еще бормочет: «Я действительно боюсь», в голосе

уже звучат предательские сомнения, и я с уверенностью волшебника заявляю:

— Я сейчас тебя избавлю от страха!

Чувствую, что она действительно поражена страхом, который десять лет вколачивался в ее маленькую головку. Я отодвигаюсь, зажигаю спичку и даю ей привыкнуть к огню. Пламя ровное, красивое, как крохотный флажок. Я приближаю к огню свою руку и отдаляю ее. Так я жгу одну спичку за другой. Только после этого вкладываю ей спичку в руки. Она чуть не со слезами:

— Но я же боюсь...

— А ты не будешь зажигать,— успокаиваю я.— Ты будешь держать спичку. Только держать. А зажигать буду я.

Я держу ее руку со спичкой в своей руке, и несколько раз мы вместе добываем огонь. Постепенно я отодвигаю руку. И где-то на десятой спичке я лишь чуть-чуть касаюсь ее локтя. Сначала Ася держала спичку за самый кончик. Но так было неудобно. Тогда она сама определила место, где должны находиться ее пальцы. И когда десятая спичка вспыхнула, я крикнул «ура» и объявил Асе, что она не заметила, как я убрал руку и сама зажгла спичку. Она поделила мой восторг, и мы отправились на кухню к газовой плите.

Здесь повторилась та же методика зажигания. И когда Ася избавилась от страха, она начала рассказывать, что у них многие девочки даже боятся подходить к газовой плите.

— А давай удивим твоих родителей. Ты чай сумеешь приготовить?

— Конечно,— сказала Ася.

Но чай в тот вечер она приготовила не сразу. Ася занялась демонстрацией своих новых умений. Она священнодействовала с огнем и сожгла коробок спичек, пока окончательно не убедилась в том, что умеет пользоваться и спичками, и газовой плитой.

Удовлетворите стремление ребенка к сверхзадачам

Любой ребенок стремится к некоторому максимализму. На каком-то этапе его развития поручаемые ему простейшие подсобные дела начинают его тяготить. Родители, зачастую не замечая этого, продолжают держать его в положении мальчика на побегушках: «принеси», «подай», «закрой», «сбегай». А надо уже переходить к передаче «целостных» функций: убрать всю комнату, приготовить

завтрак, приготовить к школе младшего брата, сестру и т. д.

Вспомните, как ведут себя играющие дети. Если кто-либо из них выполняет лишь подсобные функции в игре, она для него быстро утрачивает интерес. Каждый хочет строить дом, а не только подавать кирпичики. Каждый стремится приготовить обед от начала до конца, а не ограничиться выполнением требований «подай-принеси».

Когда Асе предложили встать пораньше и приготовить «весь завтрак», она согласилась: «Хорошо, когда вы встанете, завтрак будет на столе». И конечно, никто из взрослых в то утро не спал. И каждый думал, как она там управлется с манной кашей, салатом, чаем. А маленькая хозяйка больше всего была обеспокоена тем, как бы вовремя успеть и как бы никто из взрослых не пришел на кухню раньше положенного срока.

— Когда мы были приглашены к столу,— рассказывала затем мать,— я увидела другую девочку. От прежней моей беспомощной Аsenьки не осталось и следа. На кухне суежилась маленькая женщина. Лицо ее горело таким радостным волнением, что я не удержалась и расцеловала ее. Она ждала наших оценок, и мы не поскупились на похвалы. Каша, правда, чуть-чуть подгорела, но мы этого не замечали. Салат она забыла посолить, но мы сказали: «А что? Нестрашно: недосол на столе».

Разумеется, в самом приготовлении завтрака было кое-что от игры. Но именно такая игра нужна в семейном общении. Она создает приятный и радостный тон взаимоотношений. Ведет к той системе неигровых действий, которые переходят в навык, становятся привычкой.

О переходе от игры к неигре

Я застал Асину маму расстроенной.

— Десять дней Ася была идеальным ребенком,— рассказывала Нина Ивановна.— Утром сама вставала, помогала мне убирать квартиру, готовила завтрак. А вчера она так швырнула кастрюльку, что от нее отлетела эмаль. Нагрубила мне и сказала, что больше никогда не зайдет на кухню. Я попыталась поговорить с Асей, но она убежала в другую комнату. Вечером я просила ее помочь вымыть посуду: у меня было срочное дело, и Ася знала об этом. Но она вдруг точно окаменела...

— Я, конечно, перестала с нею разговаривать,— продолжала Нина Ивановна.— Знаю, что она долго не вы-

держит,— станет подлизываться, извиняться. Но разве дело в этом? Мне кажется, то важное, что родилось в ней, исчезло.

— А вы заметили, что в последнее время она с меньшим рвением участвовала в этой игре с приготовлением завтрака? — спросил я.

— Да, в последние дни она помогала мне, но думала все время о чем-то своем. И все путала: то вместо соли сахар возьмет, то молоко у нее сбежит, то повернет кран одной горелки, а зажигает другую...

— И вы нервничали? И делали замечания?..

— Ну а как же? Вчера, например, она грязной тряпкой стала протирать тарелки, а позавчера чистым полотенцем вытирала стол...

Я успокоил Нину Ивановну, сказав ей, что ничего страшного не происходит и что огорчаться нет причин. Попробуем разобраться, что же обнаружилось в общении матери и дочери. Начнем с того, что Нина Ивановна сначала применила игровые методы для привлечения дочери к самообслуживанию. Ася играла в приготовление завтрака. Как и всякая игра, эта строилась на интересе и удовольствии. Как и всякая игра, она требовала от девочки усилий, собранности и напряжения. Вспомним, еще недавно девочка ничего не умела, даже зажечь спичку. И вдруг такой резкий переход к самой настоящей деятельности. Если бы не игровое начало, Ася не сделала бы и того, что она сделала. Но игра обладает той особенностью, что она непременно когда-либо кончается или переходит в другие формы. Пока же она идет, руководить ею можно лишь игровыми методами. Нина Ивановна нарушила правила игры: она стала делать замечания, требовать, покрикивать. Она к тому же не учла и еще одного обстоятельства: девочка в игре несколько устала. Необходим был небольшой перерыв. Нужно было где-то на четвертом-пятом дне сказать: «Пожалуй, ты утомилась. Завтра я сама приготовлю завтрак. А ты поспи...»

Девочка действительно устала, ей надо как-то отойти от проведенной игры. И этот отход лучше использовать для какого-то подведения итога. Пусть предшествующие трудовые утренние часы Аси станут предметом обсуждения в доме. Вот здесь-то и уместно сказать, какие она ошибки допускала в уборке стола, посуды и т. д. Три-четыре дня некоторого послабления — и можно снова переходить на новый темп уже неигрового действия. Это по-

слабление вовсе не означает ничегонеделания. Возможно, однажды утром вы пригласите девочку на кухню и покажете ей все то, что посчитаете нужным. Например, все тонкости заваривания чая или приготовления различных салатов. И это будет для нее вступлением в ту область восприятия действительности, которая называется вкусом.

В Артеке я был на одном из детских конкурсов, который шел под названием «Салон молодой хозяйки». Детям разных стран предлагались продукты, и они должны были приготовить завтрак. Мне запомнилась отличная работа наших девочек с Украины и из Молдавии, девочек из Югославии и Австралии. Очень искусна была австралийка Джинни Хайгет, ее кулинарными навыками нельзя было не восхититься. Даже цветовая гамма салата у нее была гармонична. Я поинтересовался, как это она всему выучилась. Девочка ответила, что ее учили и дома, и в школе. Так что у детей надо воспитывать вкус.

Замечено, что девочки вообще тянутся к «кулинарной эстетике». Вот из морковки цветочек, а посредине, в самом центре — свекольный кружочек, а вот маленький грибочек — яркая помидорная шапка на белом яйце, узор из картофеля, крапلاковые блики перца, яркая зелень петрушки, тонкая разорванная сеточка укропа, белизна лука поверх серебристых ломтиков селедки... И бережности обращения с продуктами питания, и эстетике надо учить. И это учение всегда на грани игры и неигры. В игре лишь вчерне начертана модель будущей неигровой будничной деятельности. И только сама жизнь с ее житейскими требованиями закрепляет навык, отрабатывает привычку.

Срываясь на крик, вы сводите на нет все результаты воспитания

Уже говорилось, что от окрика на ребенка, кроме беды, ничего ждать нельзя. Рождается основание для вражды, которая может привести к разрыву навсегда. Иначе говоря, если вы хотите потерять ребенка, начните на него систематически кричать. Но вы этого, конечно же, не хотите, и поэтому крик надо исключить из обихода. Крик не достоин человека. Это самая простая и примитивная форма требования. Крик рождается злостью, а не праведным гневом. А злость немыслима при воспитании живого существа.

Ребенок, на которого накричали утром, не в состоянии высидеть спокойно пять-шесть уроков. Более того, в его программу словно заложили «код злости», который расшифруется в общении с товарищами, с учителем, то есть выльется в грубость, оскорбление, конфликт.

Помните, что одной из главных ваших забот является забота о здоровье ребенка

Интересен в этом отношении творческий опыт педагога-ученого В. А. Сухомлинского.

Его книга «Сердце отдаю детям» — это синтетический опыт дошкольного и школьного, семейного и общественного трудового воспитания. Одна из глав этой книги так и называется «Здоровье, здоровье и еще раз здоровье». Сухомлинский разработал систему заботы о детском здоровье, основанную на рациональной организации жизни школьников, гимнастике, правильном режиме питания, ну и главное в этой системе — всевозможные виды труда на свежем воздухе. «Класс под синим небом», наблюдения за природой, уход за животными, сбор материала к урокам по русскому языку, математике, биологии.

Система оздоровления неразрывно связывалась с трудовой общественной активностью. По месяцу Сухомлинский жил с ребятами в шалашах. «Мы поднимались на заре, любовались неповторимой красотой пробуждающейся после ночного сна природы, бродили по росе, умывались ключевой водой, привезенной в большой деревянной бочке и налитой в умывальники. Все было для детей наслаждением: и утренняя гимнастика, и обмывание тела по пояс холодной водой, и вареный картофель, и арбузы. После завтрака мы трудились...»

Некоторые критики этого опыта находят в нем нечто идиллическое, пасторально-сентиментальное, не понимая, как необходимо для гармонического развития это универсальное единение человеческого духа и природы — величайшего источника воспитания.

Скрупулезно, шаг за шагом раскрывает В. А. Сухомлинский сложнейшие пути становления человеческой личности, для которой труд становится первейшей радостью, неодолимой человеческой потребностью. На основе исследований он убеждается в том, что истоки детских болезней, детской вялости, лености таятся в просчетах семейного воспитания. Именно с родителей начинается он воспитание детей, именно с заботы о здоровье детей начинается

он нравственное воспитание. Он обнаруживает, что 20% малышей не завтракают утром, им есть не хочется, 30% — едят утром меньше половины нормы, 28% — половину полноценного завтрака и только 22% завтракают так, как требует норма.

Отсутствие аппетита — грозный бич здоровья, источник недомоганий, болезней. И причина, как правило, в том, что ребенок по несколько часов просиживает в душном классе (значит, надо чередовать уроки с трудом, с пребыванием на воздухе) или имеет место однообразие умственной деятельности (значит, надо разнообразить эти занятия, соединить их с физическим трудом).

«Я знаю много случаев,— рассказывает В. А. Сухомлинский,— когда отвращение к занятиям приводило к расстройству пищеварения и к желудочно-кишечным заболеваниям».

Вот почему он строит свою «школу радости» под открытым небом, вот почему сборы проводит у костра, пионерские игры — на свежем воздухе.

Без экологического воспитания немыслимо нормальное развитие ребенка

Еще до поступления детей в школу Сухомлинский договаривался с родителями, чтобы каждый ребенок общался к подлинно социальным заботам отца, матери, колхоза, школы. Еще до школы каждый будущий первоклассник получает для выращивания ягненка и об этом «теплом комочке жизни» заботится, неустанно ухаживая за ним. Представим теперь этого малыша с думами и заботами о ягненке. Представим тот момент первого соприкосновения маленького человечка с большой социальной задачей, первое рождение красоты труда, первое ощущение радости от проявления доброго чувства, пробудившуюся потребность испытать себя.

Разве можно отделить здесь трудовое начало от эстетического, а нравственное — от физического? Это великое единство интеллектуальных и физических сил ребенка, связанных с различными формами человеческого наслаждения, и есть отражение той самой гармонии, в которой так нуждается современное воспитание, современное общество.

Чтобы снять сопротивление воспитанию, надо менять тональность обращения к ребенку

Типичные конфликты во время завтрака такие:

- Я не хочу есть,— говорит ребенок.
- Съешь вот это...— настаивает мать.
- И это не хочу...
- Ну хоть чай выпей...
- И чай не хочу!
- Как же ты будешь заниматься? Это же невозможно...

Разыгрывается спектакль, в котором роли отработаны: страдающая мать и торжествующий ребенок. Заметьте, чем больше она настаивает, тем сильнее он сопротивляется. О том, что ребенок входит в роль и даже получает своего рода эгоистическое удовольствие от уговоров, свидетельствует многое. Есть дети, которые, прежде чем сесть за стол, даже если они очень голодны, несколько раз должны повторить: «А я не хочу». И это возражение звучит как ежедневная прелюдия перед едой. Сказал «не хочу» и после этого съел полный завтрак или обед. Не случайно педиатры рекомендуют не заставлять ребенка есть, а просто поставить перед ним пищу и даже, возможно, выйти на время из комнаты, где завтракает ребенок. Конечно, нет никакой гарантии, что он в первое же утро станет есть. Напротив, в некоторых случаях при изменении тональности обращения он может бросить вызов — уйти не позавтракав. Но даже в таком случае вы окажетесь в педагогическом выигрыше: будет сломлен сложившийся стереотип и подготовлена почва для установления новых отношений. Рассмотрим такой случай.

С Ниной Ивановной мы подробно обговаривали все возможные варианты обращения с Асей во время завтрака. По нашему предположению, Ася должна была возмутиться новой формой обращения. Так оно и случилось. Психологическая канва всего происшедшего в то утро представляет интерес, поэтому есть смысл ее воспроизвести.

Завтрак был на столе, а Нина Ивановна не предлагала дочери сесть. Ася вертелась на кухне и не решалась сесть за стол: непривычно, не было маминых уговоров.

— Ма,— капризно протянула Ася,— чего есть?

— Все на столе,— спокойно ответила мать.

Ася ковырнула ложкой кашу:

— А чего здесь такое черненькое?

Мать ничего не ответила на вопрос.

— А чай сладкий? — не унималась Ася.

— Попробуй...

Возмущенная поведением матери, Ася встала из-за стола и, не попрощавшись, ушла обиженная.

Вечером она жаловалась матери:

— У меня на всех уроках живот болел и голова кружилась. Я ничего не соображала...

— Почему? — удивилась мать.

— Как это «почему»? — возмутилась дочь. — А что я ела утром? Глоток чая — и все.

На следующее утро ситуация повторилась. Мать ласково сказала дочери: «Позавтракай как следует, чтобы снова живот не болел». И вышла из комнаты. В то утро Ася впервые без напоминаний хорошо позавтракала, убрала за собой посуду и молча ушла в школу.

Я рассказал об этом эпизоде другой маме, дочь которой тоже отличалась утренними капризами.

— Да это же ерунда, — сказала она. — Моя Светка только обрадуется и не будет есть. В том-то и беда, что она не хочет есть. Не в капризах здесь дело. Моя Света действительно очень слабенькая, ручки такие тоненькие.

Мне Света показалась вполне нормально развитой девочкой. И отнюдь не худенькая, руки у нее как руки. Румянец во всю щеку. Правда, заметна некоторая изнеженность.

— Скажите, — спросил я мать, — а вы обращаетесь с ней во время еды так же, как, скажем, в то время, когда вашей дочери было пять лет?

Мать, задумавшись, ответила:

— В общем-то так же.

— Так неужели вы думаете, что это нормально, — обращаться с десятилетней девочкой, как с пятилетней?

На следующий день мать предложила дочери: «Ты уже большая. Ешь так, как тебе хочется».

Дочь расцеловала маму: «Наконец-то ты поняла, что меня нельзя пичкать, как младенца».

И отлично позавтракала.

Через два-три дня мать все-таки не выдержала и стала подсовывать дочке бутерброды, на что Света сказала:

— Мы же договорились с тобой, а ты опять за свое...

Известный немецкий педагог А. Дистервег, когда говорил о необходимости руководства детской самостоятельностью, приводил такую поговорку: «Пастух должен привести лошадь к водопою, но лошадь будет пить са-

ма». Смысл таков: воспитатель должен сделать то, что ребенок не в состоянии сделать, остальное пусть делает сам.

Развитие самостоятельности, разумеется, не только не исключает, но и требует заботливого внимания к растущему человеку и разумного руководства его самовоспитанием.

ПОЛДЕНЬ

Даже те несколько часов разлуки, когда мы не видим детей (они в школе, а мы на работе), сближают нас больше, чем иные долгие дни общения. Может быть, так случается потому, что с особенной силой обостряются наши родительские чувства: как он там, маленький, слабенький? Каково ему там, в школе? Учителя, товарищи, десятки обязанностей и кажущаяся нам абсолютная беспомощность нашего чада. И если у ребенка все получается неплохо, мы втайне гордимся этим и даже сожалеем, что где-то перегибали в своей чрезмерной требовательности. Вместо ласки — накричали. Вместо сочувствия — пожурили. Вместо ободрения — посмеялись.

И решаем иногда там, на работе, возможно, в обеденный перерыв, а может быть, возвращаясь домой, непременно быть добрее к ребенку. И слова нежные наготове. А встречаемся (при этом видим: школьная форма разбросана по комнате, опять на диване молоток и плоскогубцы, руки грязные) — и наших добрых намерений как не бывало. Опять недовольство, упреки, выговор. Ну а если наш ребенок принадлежит к тем, за которыми вечно тянется длинный хвост самых разнообразных неприятностей и невзгод: плохие отметки, что-то потерял; «нечаянно» кого-то ударил — пришла мама потерпевшего; разбил стекло; «влюбился» и преследует девочку — ее родители жалуются, в школе Дон-Жуаном прозвали. Тут уж, конечно, не до нежностей! Виноватому попадает как следует...

Детские проказы и провинности кажутся милыми, когда их отделяет от нас время, ну как минимум лет десять. А в момент их свершения они доставляют только огорчения. Но почему только? Неужто в этом перечне «преступлений» обычного мальчишки нет ничего такого, что по-человечески в чем-то выше старательно приготовленных уроков, вежливых ответов, выше той желанной

исполнительности, которая приводит родительское сердце в восторг? Впрочем, противопоставления здесь неуместны.

Когда речь шла об утренних часах, мы схематически очертили три модели поведения ребенка и соответствующие им типы семейных отношений. Как же эти отношения связаны с целью воспитания, с идеалом?

Если бы я определял цель воспитания, то определил бы ее как стремление к идеалу. Идеальная модель и есть та вершина, к которой мы должны вести нашего питомца.

Только ориентация на совершенство делает воспитание значимым. Я за педагогический максимализм, потому что воспитание — единственная, наверное, область человеческой деятельности, где максимализм может быть оправдан, где завышенность требований к человеческой личности означает бескомпромиссность нравственных установок.

Как и в предыдущей главе, в этой я следую за размеренным темпом жизни школьника в течение одного дня, за теми напряженными буднями ребенка и его родителей, без которых не может быть настоящего воспитания. Вместе с тем всегда надо помнить о соединении приемов организации жизни детей с их духовным становлением.

Итак, попробуем опять выстроить три модели поведения ребенка и соответствующие им типы семейных отношений, касающиеся преимущественно второй половины дня жизни ребенка.

Идеальная модель. Вы на работе. Ваше воображение воспроизводит калейдоскоп кадров. Массовая сцена: главный герой — ваш ребенок, режиссер — учитель, статисты — ученики. Класс подводит итоги: ваш ребенок и учился и трудился (целый час на пришкольном участке) самоотверженно. В два тридцать он дома. Две минуты на переодевание (форма тщательно складывается в шкаф). Десять минут на просмотр газет. Ваше воображение рисует тщательную уборку квартиры. «Кинокамера» пробегает по отдельным уголкам: пыли нет, все чисто. Слегка уставшая дочь или сын потягивается в кресле. Крупным планом — с авоськой в магазине: мясной отдел, хлеб, молоко. Сдача — в стол, продукты — на место. Во весь экран цифры 15.30—18.30 — время приготовления уроков. Реквизит: книги, учебники, тетради, цветные карандаши, линейка, циркуль. Приходит товарищ. Ваш ребенок рассказывает, как решать трудную задачу. Товарищ уходит, договариваясь о встрече (прогулка на лыжах, скажем, где-то в 19.00).

Уроки сделаны, ребенок занят приготовлением ужина. Вы торопитесь домой. Вам помогают раздеться, подают тапочки. Вы благодарно смотрите на стол: расставлена посуда, подогрет ужин. За ужином вы рассказываете о том, что вам удалось достать интересную книжку об одном художнике... Стоп! Время наше истекло...

Кое-что я упустил, например, такой диалог: «Ну как в школе?» — «По физике и алгебре пять, по русскому не спрашивали. А как у тебя?» — «Пришлось все-таки подать докладную. Больше не могу мириться с халатностью». — «Но у тебя же могут быть неприятности?» — «Иначе я не смогла». — «Ну и правильно сделала».

Средняя модель. Ваш ребенок с приятелем. В руках палки. Палка тарахтит по решетчатой ограде. Стук гулкий и сухой: тра-та-та-та. Когда им надоедает «стрельба», придумывается нечто новое. Портфель надевается на палку, идет раскрутка — и портфель (недавно вами купленный и торжественно врученный) летит подальше! Сели на скамейку. Поговорили о собаках, о книжке, о радиодеталях, о пластинках, об автомобилях, о джинсах, о задачах, о футбольном матче, о жвачках, о новом фильме. Причем все в лицах! Наперебой!

Три часа дня. Квартира. Главный герой включает телевизор. Застывает перед экраном. 16 часов — передача кончилась. Звонит товарищ по телефону. «Содержательный» разговор длится примерно полчаса:

- Ну как ты там?
 - Ничего.
 - Ну а Генка звонил?
 - Нет.
 - Что же он так?
 - А я не знаю.
 - А ты смотрел сейчас телик?
 - Смотрел.
 - А здорово он там?
 - Здорово!
 - А ты знаешь, у меня новый транзистор. Хочешь принесу?
 - Принеси.
 - А у тебя нет олова?
 - Нет.
 - Ну ладно, я у Генки спрошу.
- Разговор с Генкой:
- Ну как ты там?
 - Ничего.

- Телик смотрел?
- Смотрел.
- Здорово он там...
- Чего будешь делать?
- Уроки.
- А может, ко мне придешь? В шахматишки сразимся. Я тебе мат влеплю. Хочешь фору дам...
- Я тебя без форы обставляю.
- Когда придешь?
- Приходи ты ко мне.

Сцена следующая. Ваш ребенок в квартире товарища. Радиодетали, приемник, магнитофон, проигрыватель, шахматы — все разбросано. Проигрыватель включен на полную мощность. Стучат соседи со всех сторон. Крик Генки: «Чего они всполошились? Имеем право: еще нет одиннадцати». Шесть часов вечера. Дети спохватываются: «Давай разбегаться, а то предки придут — начнется...» 18.20 — ребенок шарит в холодильнике. Ест. Затем садится за уроки, предварительно включив телевизор и магнитофон. Делает уроки. Входит мать. Радостная: «Что тут делают мои дети?» Ответ: «Не мешай». — «Голодненький, наверное? Ну так и знала: кашу не разогрел, блинчики не заметил, кефир не выпил. Сейчас я быстренько тебя накормлю. Что же ты не переоделся?»

Негативная модель. «Камера воображения» не включается. Вы гоните от себя возможность воспроизвести тот ужасный ритм жизни, в котором в последнее время стал жить ваш сын.

Только вопросы: «Где он сейчас? С кем? Опять тот волосатый небось к нему приходил? Вчера в школу вызывали: уроки перестал учить. Из класса без разрешения вышел. Пришел поздно, плащ в грязи. В кого он такой уродился? Отец за ремень было взялся — «ударись — уйду из дома». Первый раз повысил голос на отца...»

Если ваши отношения строятся по схеме «идеальная модель», думайте над тем, как повесить нагрузку в интеллектуальном и физическом развитии ребенка. Идеальная модель предполагает более глубокие и более скрытые противоречия в духовном мире вашего ребенка. Мы на них непременно остановимся, чтобы глубже понять процесс приближения к воспитательной цели.

Если ваши отношения развиваются в направлении средней модели, попробуйте хотя бы на первый случай организовать жизнь ребенка, чтобы меньше было у него

праздного времяпрепровождения. Подумайте о том, чтобы добрые чувства основывались на добрых делах ребенка. Только совпадение полезной деятельности с добрым отношением к людям может приблизить к идеальной модели воспитания.

Если ваши отношения сложились в негативную модель, установите точный диагноз болезни вашего ребенка. Относитесь к нему именно как к тяжелому больному. Ведь больных не отчитывают и тем более не бьют. Их лечат, терпеливо и долго. Пока не приходит здоровье. Предложенные варианты действий направлены исключительно на исправление негативной модели.

Подходите к ребенку с оптимистической гипотезой

Я не склонен призывать к оптимизму как к форме нравственного самоуспокоения.

Педагогический оптимизм основан на знании, как разрешать противоречия в развитии личности ребенка, на убеждении в том, что даже самый запущенный ребенок несет в себе много положительного. Опереться на положительное! Казалось бы, хорошо известная, многократно проверенная практикой истина. Но сделать это бывает не легко и не просто.

Я неоднократно убеждался в том, что большинство трудных детей в конечном итоге становились хорошими людьми, прекрасными производственниками и заботливыми семьянинами.

Какие же позитивные свойства формируются у многих трудных детей?

Их отличает огромная энергия и, я бы сказал, жизнелюбие. Трудный ребенок, сколько его ни отчитывай, ни ругай (а именно это нередко и проделывают с ним), сохраняет в себе ту удивительную силу, которая так и подмывает его совершать все новые и новые проказы. Он, как правило, хорошо закален физически, очень вынослив, и эти два качества помогают ему самоутверждаться в своей среде, выделяться в ней, занимать ведущую роль. Он смел, предприимчив, склонен к риску, а это импонирует сверстникам.

Когда я уходил с ребятами в многодневные походы, такие ребята всегда лидировали: они разбивали палатки, тащили самые тяжелые рюкзаки, помогали слабым. Когда мне в одной из школ-интернатов пришлось организовать производственный труд на мебельной фабрике, то «трудные» были бригадирами и выполняли самую слож-

ную работу. Когда я вел с детьми секцию бокса, лучшими в ней были именно «трудные».

Все эти качества — трудолюбие, энергия, воля, сноровка, общительность, самоотверженность — чрезвычайно ценны. Правда, сами по себе они еще не гарантируют нравственного поведения. Но это уже другой вопрос. Главное, что они есть, и всякий разумный воспитатель должен их использовать, на них опереться.

Я не могу полностью согласиться, когда утверждают: «Дети — первообраз добра, гармонии и красоты». Ведь дети бывают и жестокими, и черствыми, и злыми. Никакой изначальной доброты нет. Доброта как сфера нравственного обуславливается социальными условиями.

Нет такого ребенка, в лице которого не проглядывалось бы то прекрасное, что присуще роду человеческому. Особенность детского характера состоит в том, что он невероятно податлив. Самый черствый мальчишка всегда откликнется на интересное дело: загорятся его глаза, он потянется за вами, и вы увидите настоящую человеческую просветленность.

Итак, ваш трудный ребенок таит в себе столько ценного человеческого материала, что просто грешно не приложить усилий, чтобы этот материал превратился в настоящее золото человеческой души.

Установите точный диагноз

Если ваш ребенок стал плохо учиться и пропускать занятия, значит, он потерял веру в свои силы. Значит, он так отстал в учебе, что не в силах самостоятельно наверстать упущенное. Его мучит страх быть спрошенным. Ему стыдно перед товарищами, перед учителями, перед самим собой. Страх с каждым днем растет, и, чтобы избавиться от него, ребенок занимает агрессивную позицию. И тогда возникают конфликты с учителем, активом класса, с родителями. Все вдруг наваливается на ребенка с требованиями, которые ему кажутся непосильными, невыполнимыми. Такое массовое давление усиливает страх, который все больше угнетает душу. Ребенок страдает оттого, что оказывается в моральной изоляции. Он незащищен, поэтому начинает отчаянно искать такое общение, которое в какой-то мере может избавить его от страха и стыда. Он всеми условиями поставлен перед необходимостью разрядить накопленный потенциал, его энергия должна найти выход, последствия которого предусмотреть почти невозможно.

Если ребенок не помогает вам в ваших домашних заботах, тому может быть несколько причин. Он не умеет делать то, что от него требуют. Он не приучен к труду. Его долгое время не привлекали к домашним заботам. Помощь близким не культивировалась в семье, в доме не было семейного коллектива. Причиной может быть и наметившаяся семейная разобщенность, когда каждый живет своей замкнутой внутренней жизнью.

Если ваш ребенок хорошо учится, но грубит вам, значит в ваших отношениях наметилась неправильная линия. Надо установить причину изменившихся отношений, в противном случае дурные отношения могут рано или поздно сказаться и на учении.

Возможны и другие причины, связанные с нарушением здоровья и самочувствием ребенка. В таких случаях надо, естественно, обращаться к врачу.

Опыт показывает, что трудный ребенок, если он здоров, становится трудным тогда, когда обнаружилось отставание в учебе. Поэтому развитие ваших дальнейших отношений с сыном или дочерью будет зависеть от того, как вы организуете их продуктивную деятельность, и прежде всего учебную.

Реформа современного образования — это прежде всего повышение требований к детям, к учителям, к родителям.

Войдите в круг учебных забот вашего ребенка

Большинство родителей допускает одну и ту же ошибку. Вместо помощи — поток требований: «Садись за уроки!», «Когда же ты начнешь заниматься?». В ответ — привычные детские оправдания: «Да успею», или «Сейчас!», или «А нам ничего не задавали».

Творцы идеальных моделей начинали с другого. «А ну-ка, давай посмотрим, что надо делать по русскому языку. Так. Упражнение. Хорошо. Сколько надо времени, чтобы выполнить? Полчаса. Прекрасно. А что по арифметике? Две задачи? Какие? Ах, вот эти... Ну, попробуй сам. Если не сможешь, вместе подумаем...»

Родители, если они хотят, чтобы ребенок хорошо успевал, должны знать современную программу обучения. По крайней мере программу начальной школы. Если ребенок хорошо ее усвоил, в нем непременно должны выработаться и навыки систематических занятий, и привычка к умственному напряжению, и забота о своем престиже в среде учеников.

Если вы хотите помочь ребенку, вам необходимо хорошо представлять себе тот круг забот, в котором он живет, знать те требования, которые предъявляет к нему школа.

Я знаю матерей, которые получили в свое время лишь начальное образование, но которые все же занимались со своими детьми и не только контролировали, но и помогали им. Фактически они вместе учились, вместе осваивали учебный курс. Конечно, это нелегко, но крайне необходимо. Процесс образования — самое трудное дело в жизни человека. А в трудном деле нельзя оставлять ребенка одного.

Начинайте с малого

Вернее будет — с самого малого. Поставьте первой своей целью вселить в ребенка хотя бы крохотное чувство уверенности в своих силах. Постарайтесь найти такое учебное занятие, чтобы в нем пробудился начальный интерес к делу, вера в то, что оно ему по плечу. Если ребенок слаб в арифметике, порешайте с ним задачи, которые были ему под силу и раньше. Первое ваше педагогическое усилие должно быть направлено на то, чтобы ребенок справился с заданием. Когда он выполнит задание и заявит, что это совсем не трудно, скажите ему: «Вот если будешь регулярно делать то-то и то-то, все задачи будешь щелкать как орешки, и тебе всегда будет легко».

Если ваш ребенок отстал в родном языке, займитесь с ним хотя бы полчаса в день следующим: пусть он под вашу диктовку напишет несколько предложений из учебника. Пусть сам проверит написанное и исправит ошибки. А вы убеждайте, что, если он будет вот так писать хотя бы по два-три предложения в день и разбирать вместе с вами ошибки, он непременно станет грамотным.

При отставании ребенка по каким-то другим предметам (история, природоведение, география), попробуйте заинтересовать его таким образом. Загляните предварительно в школьную программу сына или дочери, вникните в то, что им задают на дом. Сходите в библиотеку, возьмите книжки по той теме, которую изучает ваш ребенок. Просмотрите хотя бы несколько глав. Расскажите ребенку о том, что вы узнали из книжек, прочтите ему наиболее яркие места. Остановитесь на самом интересном месте в избранном для чтения отрывке и дайте ему самому дочитать до конца. Несколько таких занятий, и ваш ребенок наверняка как-то проявит себя на уроке —

сам вызовется отвечать, дополнит ответ товарища. И дело даже не в том, что он получит хорошую отметку. Он обретет большее — чувство уверенности в своих возможностях. Рассеется или ослабнет чувство страха. И кроме того, общее с ребенком дело, совместное достижение цели помогут вам найти ту правильную тональность деловых, гуманных, творческих взаимоотношений, без которых не может быть воспитания.

Избегайте нервной настойчивости и неоправданных конфликтов

Вы приступили к занятиям с ребенком. Будьте терпеливы, не раздражайтесь. Если вы хотя бы раз допустите срыв, повысите голос, ваши усилия пойдут насмарку.

Что бы ни делал ребенок во время ваших занятий, оставайтесь весело-непринужденным или добродушно-строгим. Допустим, вы диктуете такое предложение: «Я пошел в лес», а ваша девочка напишет: «Она пошла в лес по ягоды», похвалите дочку за сочинительство и уже потом скажите: «А теперь давай-ка напишем все же фразу со словом «пошел». Это очень трудное слово».

Если же вы займете другую позицию в ваших первых занятиях с ребенком («Как так можно! Я тебе одно говорю, а ты пишешь другое. Ты совсем не хочешь слушать меня. В одно ухо влетает, в другое вылетает»), цели вы не достигнете. Вы с самого же начала отравите детское воображение ненужной педантичностью.

Следите за собой, за своей интонацией в процессе занятий с ребенком

Когда ребенок «окрепнет», то есть начнет с вами систематически заниматься и войдет в ритм, тогда вы можете изменить тональность обращения — сделать порой строгое замечание и, если это нужно, задеть детское самолюбие. А в самом начале во что бы то ни стало избегайте резкости, будьте терпеливы и добры. Это должно создать для ребенка атмосферу спокойствия, защищенности, раскованности. Ваши усилия окупятся сторицей. Ведь что любопытно. Ребенок может ваше задание выполнить точно, и вместе с тем эта работа ничего не прибавит ему. Так бывает, если вы будете стоять над душой у ребенка и то и дело сердито выговаривать: «Ну как ты ручку держишь? Ну сколько раз тебе надо повторять, что... Неужели ты не можешь по-человечески писать букву «о»?».

От ваших добрых интонаций, от вашей мягкости будет зависеть главное: принесет ли пользу выполнение этого микроскопически малого или все останется на прежних местах.

Обязательно отметьте первый успех ребенка

А что значит первый успех? Что значит вообще успех? Для одного пятиклассника успехом будет то, что он решил задачи по программе седьмого класса и занял на городской олимпиаде первое место. А для другого успех в том, что он преодолел в себе сложившуюся привычку убегать после обеда на улицу и до самого вечера играть в футбол или хоккей. Преодолел и сел за стол, чтобы сделать попытку наверстать упущенное.

Так что же тогда считать успехом? А это уж вам виднее. Нижняя граница успеха (мы ее определили) — ребенок сел заниматься. Значит, если он сел и даже ничего особенного при этом не сделал, надо все равно, не теряя надежды, ободрить: «Все-таки прекрасно, что ты взялся за дело. Ты мало успел сегодня, но это не беда. Главное, что ты сам решил исправиться...»

Вы скажете: да ведь ребенок ничего не сделал! Зачем же его хвалить? Это неправда, отвечу я вам. Он преодолел в себе острое желание поиграть, поболтать с друзьями, преодолел во имя того, чтобы еще раз попробовать себя в том, в чем он совершенно не уверен, а точнее, в чем безнадежно разочарован. Сам по себе такой факт является немалой победой.

Даже самый маленький первый успех надо отметить, чтобы пробудить в ребенке чувство уверенности. Именно это чувство является условием, которое изначально помогает большому и важному делу — формированию человеческого достоинства, трудолюбия, самостоятельности и гражданственности.

Соедините первый успех вашего ребенка со сверхзадачей самовоспитания

Между малым и великим в воспитании прямая связь. Вслед за маленькими, частными победами, отмеченными и поддержанными вами, в душе ребенка начинает постепенно расти вера и в свои силы, и в безграничность человеческих возможностей. Если не делать эту главную ставку на пробуждение высокого чувства собственного достоинства, уверенности в том, что человек всего может

достичь трудом, упорством, настойчивостью, никакого воспитания вообще не получится. Ребенок должен понять, что через маленькие свои победы он идет к большим свершениям.

Эдисон сделал около тысячи попыток, прежде чем лампочка зажглась. Чтобы в человеке вспыхнул погасший когда-то свет, возможно, понадобится не меньше труда. Ваши усилия могут совершить не менее величественные открытия в вашем ребенке — и это прекрасно!

Хороший воспитатель — всегда терпеливый исследователь в лучшем смысле этого слова. Вы познакомились с программой обучения, позанимались с ребенком, вы читаете педагогические книжки и раздумываете над воспитательными проблемами вашей семейной жизни — значит, вы неизбежно становитесь исследователем.

Воспитание детей все очевиднее становится у нас неотъемлемой частью духовной жизни человека, общества в целом. Здесь дело не только в возросшем чувстве родительской ответственности, хотя и этот фактор нельзя не учитывать. Главное — возросший уровень духовной культуры советских людей, настоятельная потребность правильно воспитывать, передавать свой опыт младшим, в чем-то учиться самому.

Если вы всерьез хотите добиться успеха, настройтесь на длительное общение с детьми. И если у вас первая попытка обернулась неудачей, сделайте вторую попытку, возможно, на другом учебном материале. И если снова не получится, не кивайте раздраженно на учителей: «Пусть они и учат!» Повремените немного и тщательно продумайте следующий свой заход. Но ни за что не отступайте от задуманного.

Не забудьте посоветоваться с учителем

Если ваш ребенок плохо учится, если он педагогически запущен, то вам неловко лишний раз (без вызова) появляться в школе. Но очень важно, чтобы вы пришли к учителю, когда ребенок хоть чуть продвинется вперед. И это продвижение может стать хорошим поводом для педагогического разговора. Цель вашего прихода будет ясной и точной. Вы пришли, чтобы поставить педагога в известность, что вы намерены заняться со своим сыном тем-то и тем-то. И вы хотели бы получить от него кое-какие советы: какие задачи решать, какие упражнения выполнять и т. п.

Постарайтесь привлечь всех, кто сможет помочь вашему ребенку

Если ваш ребенок заболел, вы бросаете многие свои дела и занимаетесь его лечением. Отставание в учебе — болезнь страшнее гриппа, свинки или скарлатины. Отставание глубоко травмирует человека, делает его морально неполноценным. Чем сильнее заболевание, тем энергичнее вы ищете врачей-специалистов, консультантов, чтобы быстрее вылечить своего ребенка. Если же вы хотите, чтобы ребенок стал лучше учиться, надо использовать, кроме своих усилий, все, что может помочь ему.

Школьные товарищи, учителя, родственники — все те, кто может оказать конкретную реальную помощь, должны быть привлечены. Единственное, от чего нужно оградить ребенка, это от ненужного морализирования, бесполезных упреков. Иной раз школьный товарищ сделает больше, чем даже учитель и родитель. И это объясняется доверием к товарищу, уважением или любовью к нему, а порой и педагогическим даром этого товарища.

Но кого бы вы ни привлекали со стороны, все же помните, что вы тот главный человек, от которого зависит судьба ребенка.

Переход к самостоятельности должен быть незаметным

Разумное педагогическое руководство активизирует самостоятельность, в этом его основное назначение. Взаимодействие взрослого и ребенка в процессе воспитания всегда должно быть двуслойным. Первый пласт — это ваше руководство. Он должен быть весомым, однако не чрезмерно, чтобы второй пласт — самостоятельность — развивался свободно. Если руководство многому учит, но приглушает стремление проявить самостоятельность, оно окажется малоэффективным.

Росточки самостоятельных действий всходят зачастую мгновенно, но они обладают необычайной хрупкостью, поэтому главное требование к развитию самостоятельности состоит в том, чтобы умело поддержать инициативу ребенка. Первые его самостоятельные попытки обычно бывают неудачны и ошибочны. Огорчаться ни ему, ни вам не следует. Ребенок имеет право на эти ошибки, без них не может быть полнокровной детской деятельности. Одна из задач учения как раз и состоит в преодолении ошибок.

В сочетании педагогического руководства и детской самостоятельности возможен и некоторый негативный момент. Ребенок привыкает к руководству, наблюдению и склонен проявлять самостоятельность только в присутствии взрослого. Надо постепенно приучать ребенка к подлинной самостоятельности. И только когда он научится свободно ориентироваться в материале под вашим руководством, переходите на поощрение полностью самостоятельных действий.

Помните, что учение неотделимо от общего самочувствия ребенка.

В общении с ребенком, начиная с предельно малого и обязательно выполнимого, вы формируете потребность деятельности. Деятельность, если она основана на трудовом самостоятельном усилии и связана с радостью и удовольствием, обязательно развивает дружеские, деловые взаимоотношения, имеющие свое немалое воспитательное значение в образовании нравственных начал и в развитии познавательных способностей детей.

Если ваш ребенок вот то малое выполнил на пятый или десятый день самостоятельно, то он тем самым изменил свое отношение и к себе, и к вам, товарищам, учителю. Эти изменения пока что лишь наметились. Но они есть. А если набралось двадцать или тридцать таких выполненных им самостоятельно микродел, то самочувствие ребенка резко изменится. Он на какое-то время задержит нос. Но вы не торопитесь его одергивать: пусть получит удовольствие от своей первой победы. Через некоторое время это детское и вполне естественное бахвальство пройдет.

Вам его уверенное самочувствие чрезвычайно важно. Но относитесь к потенциалу уверенности как к сырью, из которого предстоит еще что-то делать. Надо, чтобы вновь обретенное чувство не перешло в самоуверенность. Чтобы энергия веры в себя сказалась и в других видах деятельности, это было бы идеально. В каких, спросите вы? Прежде всего в труде. Используйте в качестве перерывов между занятиями как разрядку какую-нибудь работу. Попробуйте сказать так: «Вот мы здорово сейчас занимались, а теперь давай вдвоем приготовим чего-нибудь поесть. Ты сходи за хлебом и молоком, а я поджарю котлеты. А если хочешь, наоборот?» Если ребенок откажется от предложенной альтернативы, скажите ему: «Ну ладно, отдохни. А потом мы с тобой уберем квартиру...»

Одним словом, ваша совместная работа, а точнее, ее методы должны перенестись и на общее за пределами учения. И наоборот, та радость, которую вы испытываете с ребенком на прогулке, в театре, в кино, в походе, должна перенестись в сферу ваших с ним занятий.

Не забывайте чередовать занятия ребенка с пребыванием на воздухе, с физическими упражнениями

Забота о здоровье включает в себя несколько важных моментов. Это и питание, и режим сна, и движения, и пребывание на воздухе. Результаты специальных исследований вырисовывают довольно непривлекательную картину жизни городских школьников: они мало бывают на воздухе — вместо 2—3 часов 30—40 минут. Вместо 2—3 часов гимнастики и труда в день — 20—30 минут случайных нагрузок. Такого рода отклонения ведут к тому, что организм становится неподготовленным для творческой умственной работы. Поэтому насколько возможно постарайтесь помочь ребенку сохранить и бодрость в теле, и ясную голову. Приобретите физкультурные снаряды (гантели, гири, скакалки, эспандер и т. д.), устройте в комнате один ряд шведской стенки, укрепите перекладину. Даже если ребенок будет не систематически заниматься физкультурой, а лишь от случая к случаю (скажем, когда придут товарищи), и то от таких занятий будет большая польза.

Одной из приятных особенностей в московской многодетной семье Никитиных мне показалось то, что в их доме специально спортом никто не занимается. Но в тот день, когда я был у них, двухлетняя Лена по шесту поднялась до потолка и спустилась, наверное, около двадцати раз. А другая девочка только в течение часа несколько раз забиралась в укромное местечко, которое названо «гнездышко», — это маленький гамачок под потолком в коридоре. В «гнездышке» можно, удобно устроившись, почитать книжку, подумать. Но забраться туда и слезть физически неподготовленному ребенку не так уж просто. Во дворе есть гигантские шаги, перекладина, качели. И дети без напоминаний, по собственному желанию выбегают на пять-шесть минут к снарядам. За это время их организм получает достаточную нагрузку, которая способствует более высокой продуктивности умственных занятий и хорошему самочувствию вообще.

Старайтесь развивать в процессе совместного общения чувство собственного достоинства у ребенка

Социальные психологи установили такие закономерности. Человек, который думает о себе как о никчемном, не способном ни на что, слабо включается в работу, чтобы улучшить свое собственное положение. И наоборот, человек с высокой самооценкой склонен работать напряженно, максимально использовать свои возможности, считает для себя недостойным спастись перед трудностями. Чувство собственного достоинства является своеобразной мерой развитых способностей, мерой самочувствия, статуса и самооценки личности.

Ребенок с высоким чувством собственного достоинства ориентируется на тип поведения, который может быть выражен так: «Я это тоже смогу сделать, раз другие смогли».

Ребенок с пониженным чувством собственного достоинства ориентируется скорее на поведение, выраженное таким заявлением: «Я этого никогда не смогу сделать». Он особенно чувствителен к различным отрицательным оценкам его деятельности. Он может не отреагировать на замечание, но тем не менее оно его сильно задевает. Если ему говорят: «Ты это неважно сделал», — у него сразу возникает решение: «Я вообще не буду этого никогда делать». Когда ему замечают: «Ты мог бы это лучше сделать», — он воспринимает эту оценку болезненно, и у него тут же опускаются руки. Появляются апатия и безразличие ко всему на свете.

Если ребенок с низким уровнем собственного достоинства прекрасно справился с какой-нибудь работой, а на это никто не обратил внимания, он чувствует себя обиженным. И как бы в отместку он решит: «Ну и не буду больше». Такому ребенку кажется, что он готовит уроки не для себя, а для других.

Неудовлетворенный тем, что его собственное «Я» не находит возможности для реализации, он создает свое иллюзорное «Я», предаваясь несбыточным мечтам, фантазиям. Он часами может видеть себя сильным, смелым, уверенным. Он может рисовать причудливые картины своего самого активного участия в жизни (и все это в процессе реальных дел на уроке, дома за учебниками, книгой).

Если к низкому уровню собственного достоинства ребенка прибавляются еще и принижение личности, упреки, насмешки, оскорбления, то при таких условиях в нем может развиваться чрезвычайно опасный процесс накопления «силы отмщения». Ребенок втайне начинает вынашивать такую мысль: «Вот я вам покажу!», — и ждет своего часа. Ждет, чтобы отомстить товарищу, который недостаточно ценит его как личность. Ждет, чтобы что-то доказать своим родственникам (брату, сестре, теткам, которые посмеиваются над ним). Ждет, чтобы доказать учителям, что они были не правы в оценках его знаний и поведения.

Иногда такого рода ожидания могут привести ребенка к серьезной решимости преодолеть рубеж заниженного чувства собственного достоинства и сделать «скачок». Но чаще всего такая тенденция ведет к накоплению потенциала недоброжелательности к окружающим. И ребенок, повзрослев, даже помимо своей воли (не исключена и такая возможность), будет «излучать» жестокий свет недоброжелательности, озлобленности, которая накапливалась годами.

У ребенка с высоким чувством собственного достоинства, кроме того, что нет такой надломленности и разорванности психики, весь уклад жизни строится на иной основе.

Ему незачем лгать, унижаться, бояться наказаний. Если у него в дневнике появилась плохая отметка, он знает, что его дома за нее, разумеется, не похвалят, но и не станут наказывать. Он расскажет, как и за что он получил двойку, потому что в доме принято рассказывать и о неудачах. Он поступит так, как поступает отец или мать, у которых тоже бывают неприятности.

Он не падает духом, когда случаются невзгоды. Он переживает, как всякий, кого постигла неудача, но эти переживания не выбивают его из колеи. Он не сомневается в своей способности найти выход из затруднительного положения. У него сложились свои стереотипы поведения в трудных ситуациях. Он ищет и устанавливает контакты с теми, кто может ему помочь в достижении цели.

Он даже в трудных для себя обстоятельствах готов помочь другим. Особенность высокоразвитого чувства собственного достоинства как раз и проявляется в широте и щедрости души. Если слабый духом срыгает зло на других, когда ему тяжело, то сильный и благородный че-

ловек становится тоньше и чувствительнее к другим в минуты своего горя, своих неприятностей.

Держится такой ребенок со всеми на равных. И в среде тех, кто намного моложе его (поэтому его любят совсем маленькие дети), и в кругу тех, кто старше. «На равных» со старшими — это и означает подлинное уважение к ним, он готов внимательно выслушать их, но если уж очень с чем-то не согласится, то непременно скажет об этом и будет отстаивать свою точку зрения. Он готов помочь старшему. Прислушивается даже к тем советам, которые явно ему не по душе, делая для себя вывод: «Что ж, существует и такая точка зрения. Надо продумать почему она такая?»

Он ведет себя с достоинством в любой компании, так как уверен в том, что его нельзя проигнорировать, не заметить. Он не сомневается, что к нему отнесутся с должным уважением.

Помогите ребенку увидеть себя таким, каков он есть на самом деле

Если десять человек станут давать характеристику одному и тому же ребенку, она у всех будет разная, вернее — с разных точек зрения. Учитель оценит его с позиций выполнения школьных требований. Бабушка и дедушка скажут, насколько он добр и послушен, аккуратен и трудолюбив. Ровесники будут судить прежде всего по тому, как он выполняет «групповой кодекс» чести: готов ли выручить товарища, в какой мере на него можно положиться и т. д. Одни будут говорить о недостатках, другие — о достоинствах.

С какой же правдой «о себе» (о его, ребенка, собственном «Я») нужно познакомить растущего человека? Ведь он растет. Сегодня — он один, завтра — другой, послезавтра — совсем иной. Рассказать ребенку всю правду о том, каков он есть на самом деле, — значит, раскрыть ему его истинные возможности, приблизить ребенка к пониманию его движения к своей собственной идеальной модели. Надо столкнуть то реальное, что есть в ребенке (возможно, даже с примесью отрицательного), с тем, чего можно от него ждать.

Дети зачастую не представляют себе, на что они способны. Они меряют себя чужими оценками. Смотрите, что получается. Многие ребята учатся на «3» и «4». В школе им дали характеристику, негласную разумеется, что они так себе, почти посредственность. И дома

свыклись с такими выводами: «Ну что ж, раз нет особых способностей...» И у ребенка на основе такого негласного единства (это не сговор, а просто обобщение на уровне здравого смысла) складывается о себе такой «Я — образ»: «Значит, я родился без способностей. Значит, не всем дано. Значит, мне в жизни не повезло». И он дополняет свой образ выводами, впрочем, выводами тайными, подчас грустными: «Я еще и некрасивый (кстати, даже самые красивые дети очень часто страдают именно от такой мнительности), меня никто не любит».

Вряд ли можно с ходу разрушить эти сложившиеся «Я — образы». Но надо непременно подвести ребенка к тому, чтобы он имел возможность увидеть себя и в другом свете, осознать свои сильные стороны, свои не оцененные им самим достоинства.

Не мучайте ребенка своей подозрительностью, недоверием

— Что-то она опустив голову идет, — говорит мама, — в последнее время стала меня часто обманывать.

Я смотрю в окно: медленно, понуро идет девочка, в одной руке — сумка с обувью, в другой — портфель. Руки без перчаток. Ветер осенний, резкий, порывистый. Это Ася. Она улыбается чуть застенчиво. Чуть приветливо. Чуть с надеждой...

А до этого мама с тревогой в глазах рассказывала: «Я заметила, как дочка стала меня обманывать. И придумала такую игру. «Ася, — говорю ей, — давай ходить по квартире и останавливаться на том месте, где ты меня обманула. И каждый раз ты будешь загигать по пальчику». И вы знаете, пять пальцев были загнуты! Я ей ничего не сказала...»

Слышу, как мама разговаривает с Асей.

— У тебя что-то случилось?

— Ничего не случилось.

— А почему ты на меня так смотришь?

— А как я смотрю?

— Глаза прячешь...

— Я не знаю, почему так получается.

— Может быть, плохую оценку получила?

— Нет, меня не спрашивали...

— А как ты себя чувствуешь?

— Хорошо чувствую.

Потом, когда Ася уходит в магазин за продуктами, мама мне говорит:

— Вот и сейчас меня обманывает. Что-то скрывает. Я ведь чувствую.

Мать всегда чувствует что-то неладное. Кому, как не матери, чувствовать, что делается с ее ребенком! А с двенадцатилетним мальчиком или девочкой ежедневно творятся самые необыкновенные истории. Одна девочка рассказывала о своей большой обиде так: «Я шла по дороге с подругой Верой. И я споткнулась и упала. А Вера стояла и смеялась».

И представьте себе, что это было не просто разочарование в подружке. Это было горе. Девочка плакала, никому ничего не рассказывая. И ее мама тоже говорила, что с девочкой что-то происходит. И допытывалась. И настаивала. А девочка молчала. Расспросы еще больше повергали ее в уныние.

Другой случай. Девочка много думала о мальчишке из соседнего класса. О своем чувстве она рассказала подружке. А подружка возьми и влюбись в того же мальчика. И девочка расценила это как «жуткое предательство». Вроде бы ничего особенного не произошло. А для девочки — трагедия. И снова мама допытывается: «Что случилось?»

Интересоваться жизнью ребенка надо, это верно. Но надо еще уметь быть деликатным в обращении с детьми. Ребенок растет, он вынашивает свое внутреннее «Я», прислушивается к нему, оберегает его как своеобразную суверенную силу. Силу, которая создает душу ребенка, одухотворяет его жизнь. Этот глубоко интимный мир раскрывается лишь сам по себе. В него нельзя грубо вторгаться. От этого он искажается. Ребенок начинает лгать. Под пристальным жестким взглядом недоверия и подозрительности испепеляется уважение ребенка даже к самым близким людям. Ребенок не в состоянии долго хранить тайны. Он испытывает острую потребность рассказать и поделиться всем, что его мучит, волнует. Не лишайте себя радости быть первым человеком, к которому придет ребенок и за советом, и просто с рассказом о своих тревогах, сомнениях.

**Помните, что подражательная
способность ребенка
так же естественна, как и творческая**

Кому и в чем подражает ваш ребенок? Допустим, что вы не обнаружили конкретного лица. Вполне вероятно, он подражает той среде, в которой живет, учится, многим

или несколькими сверстникам сразу. Он стремится, чтобы у него все было, как у всех. По крайней мере не хуже. Чтобы сумка — такая, как у всех. Чтобы джинсы, и куртка, и шапка, и ремень, и рубашки, и ботинки — все, как у всех. А уж походку, прическу, манеру говорить, задавать вопросы, отвечать, смеяться — все это он сам постарается отработать. Он-то уж точно разбирается в этом.

Так кому же он подражает?

Отвечаю: своему поколению. Если разделить детей на возрастные группы, то вот что примерно получится.

Поколение второклассников. О чем-то думающее, пытливо всматривающееся: рот раскрыт от удивления, глаза расширены.

Поколение пятиклассников. Быстрота и натиск; некогда сосредоточиться. За косичку — дерг! По голове — бах! Портфелем — шарах! Уроки не выучил — а черт с ними, успею! Все ему нипочем — этому бездумному, беспокойному, неистовому племени: всадники без головы, команчи, путешественники в туманностях Андромеды и в недрах земли!

Поколение восьмиклассников. Первые признаки важничанья. Контуры чего-то нового, зыбкого, ломкого. Недотроги. Обиды и огорчения: ах, как страдает от того, что слишком худ, от того, что слишком толст, от того, что бледен, румян, от того, что прыщи. И всякие воображаемые ситуации. И придуманные истории. И так хочется подружиться, и нет друга. И так горько от того, что тебя никто не понимает. И учиться надо. Надо и «выглядеть». Так озабочен своей внешностью, что готов с зеркалом спать. И расческа появилась новая, и платочек новый, и зубная щетка изнашивается в пять раз быстрее, чем у взрослых...

Поколение десятиклассников. Был мальчишка, стал мужчина. Когда только и вырос! Уже выше отца. Ботинки 44-го размера! Голос — бас! И знает себе цену, говорит спокойно, рассудительно. И мудрее отца с матерью. Не так он будет жить: и экономнее, и разумнее, и интереснее. И пить не станет, и курить не станет. И такую дорогую вещь не станет покупать — зачем лишние расходы. А вроде бы никто и не учил экономии. И честность абсолютная: «Вот еще десять копеек осталось». — «Возьми себе». — «А зачем мне?» И книжки читает. И с девочками запросто. Так же как с мальчишками. Никаких комплексов. Никаких тревог. Может быть, это лишь со

стороны, внешне? Ну, конечно, внешне. На самом деле все круто замешано. Все на пределе. И с девчонками. И с учителями. И с размышлениями о смысле жизни. Все в ожидании. Все на острие. И ох как нуждаются в помощи!

Каждый в своем поколении уникален. И каждый несет много общего, присущего только этому поколению. Наверное, у каждой возрастной группы есть свой идеал, общая модель такая. Поколение неоднородно. У сельских десятиклассников будет один тип для подражания. У одной группы их городских сверстников — совершенно иной. У другой группы эталоны абсолютно не схожи с первой.

Дети не могут не подражать. Подражая, они приспосабливаются к условиям среды. К тем стандартам, которые доминируют в данной группе. Если все пятиклассники ходят в длинных брюках, то одному ходить в коротких будет ужасно неловко. Он будет настаивать, чтобы ему купили такие брюки, как у всех. И родители обязаны пойти навстречу. Я знаю случай, когда сын надолго обиделся на своих родителей за то, что они ему не покупали джинсы, а покупали хорошие, дорогие шерстяные брюки, которые он измазывал и рвал на следующий день...

Ребенок бессознательно подражает во многом — в выборе книг, одежды, музыки, форм поведения. Скажите ему: «Это очень хорошо, что ты стремишься подражать своему кругу товарищей. Но человек ценен не подражанием, а чем-то своим, особенным. Попробуй задуматься над тем, что тебе на самом деле нравится. И попробуй отличить это «свое» от того, в чем ты подражаешь другим». Пусть поломают голову. Повторяйте почаще в разных вариациях такого рода предложения. Они обязательно что-то оставят в сердце ребенка. Я помню, как мать говорила сыну: «Ну, этому тебя отец научил, этому — я, а этому — учитель. А вот чему ты сам научился?» Прекрасный вопрос!

В селе Прелестном Донецкой области жил третьеклассник Юра Сидоров. Его дедушка Николай Тихонович часто повторял: «Вот ты выучился играть на баяне. А попробуй что-нибудь сам сочинить». И Юра сочинял. Получались у него красивые, грустные мелодии. Пусть он не станет композитором. Но он этим сочинительством открывает для себя совершенно новый мир. И это обязательно скажется в чем-то другом. Придаст ребенку боль-

ше уверенности, разовьет его чувства. И вот в этом пусть все дети подражают друг другу — в поиске наиболее близкого их сердцу и вкусу.

Остерегайтесь «перезащищенности» ребенка

Чувство собственного достоинства ребенка — всегда отражение стиля жизни семьи. Если ребенка дома любят, уважают и по заслугам, не перехваливая, оценивают его поведение, то он растет уверенным в своих силах человеком. Если в семье складывается такой стиль жизни, когда кто-то дискриминируется (дедушка, бабушка, младший брат), то такой стиль отношений непременно отрицательно скажется на воспитании ребенка. Он обязательно вберет в себя эти практикуемые в семье формы неприязни. Если в семье утвердился авторитарный стиль общения (кто-то один безраздельно властвует и злоупотребляет своей властью) или к ребенку относятся как к собственности: «Пусть делает то, что я хочу», такое отношение неизбежно формирует негативные свойства характера — жестокость, неполноценность, равнодушие и неуверенность в себе. Ребенок в семье иной раз усваивает шаблоны поведения, которыми вряд ли ему удастся воспользоваться в общении с друзьями, на улице. А если воспользуется, то ему придется через каждые полчаса бегать в дом и говорить, что с ним играть не хотят, что его опять кто-то ударил.

Тот разрыв, который образуется между воспитанной дома вседозволенностью и непозволительностью в иной среде, рождает неуверенность, неполноценность. И так как ребенок не в состоянии разрешать образовавшиеся противоречия, то он оказывается в крайне критическом положении. С ним случаются частые истерики, развивается мнительность, недоверие.

Мы взяли крайний случай «перезащищенности». Но всякое тепличное (нетрудовое, без должных физических нагрузок и напряжений, без чувства ответственности) воспитание ведет к образованию отрицательных черт характера.

Важно в условиях гарантированной защищенности личности ребенка воспитывать сильного человека — трудолюбивого, бесстрашного, честного, доброго. Можно ли в связи с этим сформулировать хотя бы самые общие правила?

Думаю, да.

Если ребенок, заигравшись, забыл во дворе куртку, а за окном сейчас темно и дождь, и вы предлагаете ему все-таки пойти одному (вопреки страху) и поискать куртку, вы поступаете правильно, ибо вы защищаете ребенка от его же собственного страха. Ему необходимо побороть себя и справиться с этой свойственной всем детям боязнью темноты и т. д.

Если ребенок не выполнил урока и вы разбудили его на час раньше (а ему так хочется поспать, и вам так жалко его будить!), то это не значит, что вы ущемляете его как личность. Напротив, вы боретесь за его защищенность в классе. Он будет знать урок и без страха будет сидеть за партой.

Если в воскресный день вы не разрешаете ребенку пойти в кино до тех пор, пока он не уберет комнату, вы поступаете правильно, поскольку вы воспитываете в нем ответственность и дисциплинированность, которые очень часто являются следствием защищенности.

Диалектика защищенности состоит в том, чтобы ребенок не чувствовал себя в привилегированном положении сравнительно с другими. Чтобы защищенность его складывалась не за счет незащищенности других. Поэтому если от вседозволенности (когда хочу и куда хочу пойду, мне безразлично, что скажут другие) страдаете вы (ребенок ушел, и вам приходится за ним убирать), то в таком случае уже ваша незащищенность непременно дурно скажется на воспитании ребенка.

Учите ребенка деловому расчету и разумной практичности

Деньги тоже воспитывают. Пренебрежительное отношение к проблеме денег часто ведет к двоякому роду просчетов. У детей может воспитаться иждивенчество и нежелание знать о возможных экономических трудностях семьи. И другая крайность — деньги могут воспитать алчность, зависть, стремление к накопительству.

С самого раннего возраста необходимо вводить ребенка в круг хозяйственных забот семьи. Ребенок должен знать семейный бюджет, должен знать «примерную смету» жизни семьи в месяц, в день. Он должен знать стоимость основных продуктов: хлеба, масла, молока, мяса, рыбы, овощей, кондитерских изделий. По мере развития

ребенка надо посвящать в «ценностный мир» вещей (стоимость одежды, обуви, телевизора и т. д.). Он должен быть в курсе того, сколько средств уходит на ремонт квартиры, на проведение отпуска, на пошив отдельных вещей, на различные приобретения.

Если родители берутся за дополнительную работу, ребенок должен понимать, что мама или папа трудятся для того, чтобы всем в семье жилось лучше. Он должен понимать такую логику: каждый обязан вносить свой посильный вклад в улучшение жизни семьи. И чем раньше ребенок станет вам помогать, тем будет лучше. В чем может выразиться эта помощь? В заработках? Не только. Ребенок может научиться своими руками производить ремонт различных вещей (утюг, электроплитка, вешалка, дверной замок, стулья). Он может участвовать в ремонте квартиры: наклейка обоев, шпаклевка окон, покраска дверей, подоконников, побелка стен и т. д.

Ребенок должен знать прожиточный минимум семьи, участвовать в ведении домашнего хозяйства и в случае временного отсутствия или болезни родителей уметь заменить их в выполнении основных домашних функций: закупка продуктов, приготовление пищи, уборка квартиры, маленькая стирка и т. д.

Существует мнение, что детей, напротив, не стоит учить деловому расчету, что они, как правило, и так прекрасно знают, что почем. Это верно. Дети у нас бывают по-своему расчетливы. Но их расчетливость зачастую направлена на удовлетворение своих личных потребностей: они подсчитывают свою карманную мелочь, одалживают деньги друг другу, иногда что-то продают, меняют, одним словом, ведут свое собственное «хозяйство». Но я сейчас говорю о другом. Не о развитии собственнических инстинктов и той излишней расчетливости, которая способна разъединить взрослых и детей. Я говорю о той коллективистской силе, которая заключена в разумном деловом расчете, направленном на улучшение жизни семьи.

Если ваш ребенок заработал летом деньги и ничего не купил своим родителям, а израсходовал все только на себя — это уже сигнал тревоги.

Если ваш ребенок принес заработанные деньги (пусть их будет даже несколько копеек) в семью и отдал их маме, пусть сам этот факт будет маленьким семейным праздником. И когда деньги будут истрачены на дело,

об этом должно быть сказано: «Вот это молоко мы купили на заработанные Колей деньги». Или: «Вот этот пирог испечен на продукты, которые куплены на Танин заработок».

Если ваш ребенок работал летом в колхозе или на почте и заработал сравнительно крупную сумму, надо вместе, сообща подумать, на что истратить эти деньги. Сам факт такого разговора будет иметь большое воспитательное значение.

Стремитесь воспитать сильный характер

Понятие «сильный характер» несколько скомпрометировано тем, что в это определение вкладывался некий суперменовский смысл. Сила ассоциировалась либо с деятельным бездумным невежеством, либо с утонченно-карьеристским делячеством, враждебным нежнейшим струнам человеческих устремлений.

В понятие «сильный характер» я вкладываю как бы два основных содержания. С одной стороны, это способность понимать и чувствовать мир прекрасного (доброту, справедливость, красоту труда), а с другой — готовность и умение защитить этот мир. Способность противостоять злу. Способность побороть зло. Для этого нужны и сила ума, и сила чувств, и сила действия, и сила критического расчета.

Когда мы говорим о сильной личности, мы неизбежно возвращаемся к проблеме здоровья. Если ребенок с детства растет закаленным (не простуживается от того, что ноги промокнул; легко переносит холод, ночует поздней осенью в палатке, совершает походы и т. д.), то эта закалка сделает его мужественным и физически крепким человеком.

Когда мы говорим о сильной личности, мы подчеркиваем и силу духа, и моральную стойкость, и силу убеждений.

Когда мы говорим о сильном характере, мы имеем в виду и остроту ума и взлеты творческих способностей человека, которые делают окружающий мир ярче, а личность духовно богаче. Если ребенок растет умным, пытливым, постоянно «озадачивающим» себя и других, то такая направленность способствует и его собственному росту и меняет к лучшему то окружение, в котором находится этот ребенок.

Я говорил со многими девочками и мальчиками. Со взрослыми говорил. Я спрашивал, какие часы в их детских рабочих буднях доставляли им больше всего радости. И многие отвечали: «Вечерние». Когда уроки сделаны, когда все тревоги дня позади и можно заняться чем-то своим, заветным.

Если нет у ребенка вечеров с теплыми бликами настольной лампы, с негромкими спокойными голосами, с красивой музыкой, с мягкими прикосновениями, с мирными беседами о событиях дня, такой ребенок многое теряет, а воспитание во многом проигрывает.

Что главное в вечере? Интимная сторона? Идиллическая освещенность завершения рабочего дня — такая мягкая акварель в светло-голубых тонах? Отдых после двенадцати часов деятельности (уроки, общение — у ребенка, у вас — труд, семейные заботы)? Приготовление к завтрашнему дню? Без этого не обойтись, но это не главное.

Каковы слагаемые вечера? Наверное, без ответа на этот вопрос не очертить нам контуры трех типов сугубо «вечерних» отношений.

Идеальная модель. Время — с семи часов вечера до десяти: три часа отдыха, любимых занятий, сокровенных бесед... как их провести? Получасовая прогулка на воздухе с отцом, старшим братом или с матерью? Это было бы прекрасно. Во время прогулки можно разобраться во многом. И ответить на вопросы дочери: почему Галя заплакала, когда учительница заподозрила ее в обмане? Почему мальчишки такие вредные: и грубят, и пристают, и не отделаешься от них? Почему не всегда можно говорить правду? Почему Наполеон был такой безжалостный, а его многие боготворили? Почему у Лобачевского параллельные прямые пересекаются? И этих «почему» бесконечно много. Если каждый вечер не отвечать на них, то их скопится больше, чем звезд на небе.

Итак, одно из звеньев идеальной модели: прогулка с ответами на вопросы. Потом ваш ребенок начинает заниматься интересным для него делом: возможно, он дочитывает захватывающий детектив, возможно, разучивает музыкальный этюд, возможно, решает задачку, которую никто не решил на олимпиаде. Глаза его светятся, лицо горит, не надо его сейчас ничем отвлекать. Вы сидите и читаете книгу или газету. И вам спокойно. Вы рады

тому, что ребенок вовремя закончил свои занятия, помог вам в чем-то по дому. Вы успеваете еще поговорить о завтрашнем дне, о том, кто чем займется с утра... Позже вы на несколько секунд задерживаетесь у постели ребенка, гладите его по голове, целуете...

Средняя модель.

— А ну-ка, покажи, как ты сделал арифметику? — спрашивает отец. — Так, опять нацарапал как курица лапой. Что тебе еще осталось сделать?

— Еще географию и стихотворение не выучил...

— Когда же ты будешь учить?

— Сейчас.

Проходит двадцать минут. Отец и мать смотрят телевизор. Ребенок сначала застывает в дверях, потом потихоньку садится на диван рядом с отцом.

Отец спохватывается:

— Когда же будешь учить уроки?

— Сейчас, — отвечает сын и продолжает смотреть фильм. В девять он садится за географию. Мать и отец после чая спрашивают сына про зоны черноземные, про подзолистые почвы, — а сын ничего не знает. Отец сердится, мать расстроена.

Но наконец сын решительно берет учебник. И еще через час уроки готовы. Одиннадцать вечера. Сын ложится спать. Никаких поглаживаний по головке...

Негативная модель. Мать поглядывает на часы: десятый. Дочь в это время в подъезде беседует с подругой.

— Ты чего на секцию не пришла? Ну и дурочка ты!

— А что было?

— А такое было! Мы вышли и стали на улице изображать пьяных. К нам стали приставать даже. Смеху было!

— А чего Катя зареванная пришла?

— Ей сказали кувырок сделать! Ну ты ж понимаешь, на какой она кувырок способна! При ее-то толщине. Она не захотела. А мы стали смеяться. И она сбежала в раздевалку. Чего, спрашивается, реветь? Из-за чего? Ну, пошутили! Что, пошутить нельзя?

Десять тридцать. Дочь осторожно входит в комнату. Мать подымает с подушки голову:

— Где это ты болталась? Уроки небось не сделала...

— Сделала уроки. Чего поесть?

— Сейчас дам... — встает. Разогревает. Кормит дочь. После ужина дочь в постели листает журнал «Вокруг света». Листает, пока не смыкаются глаза. Засыпает во втором часу. Свет остается невыключенным.

Постарайтесь вникнуть в проблему «единственный ребенок — класс»

Опыт показывает, что большинство трудностей возникает в семьях, где единственный сын или дочь. Причины этих трудностей разные.

Иногда ребенок начинает плохо учиться потому, что у него складываются неправильные отношения с учителем, со сверстниками. Как часто по вечерам родители, вникая в детские трудности, делают справедливые выводы: «Да как же так мог учитель? Вместе с классом стал смеяться над растерявшимся первоклашкой!» Или: «А где же коллектив, если ребенка обижают сверстники?!»

Система «единственный ребенок — класс» вбирает в себя многие социально-педагогические проблемы. То, что естественно и обычно для детей из многодетных семей, нередко становится опасным для единственного ребенка.

Ребенок формируется в семье и приходит в первый класс с определенными ценностями. Наблюдения показывают, что в семье, где есть, скажем, старший брат, младшие, привыкшие к домашней компании, легче входят в коллектив класса, более защищенными вступают в контакт с другими детьми. При этом необходимо иметь в виду то неизбежное противоречие между ребенком и классом, которое возникает почти всегда.

Дело в том, что каждый семилетний человек приносит в коллектив свое специфическое мировоззрение. Столкновение внутреннего мира ребенка с общеклассным «Я» вызывает массу проблем, одна из которых наиглавнейшая: смогут ли развиваться индивидуальные способности маленького человека, или они будут подавлены?

Проблема эта волнует педагогов, о ней немало пишут и говорят ученые, но, очевидно, почти в такой же степени она должна заботить и родителей. Единственный ребенок обычно более уязвим, поэтому при столкновении с коллективом он особенно трудно преодолевает еще одно психологическое противоречие — между интересом и страхом. В чем оно заключается? Ребенок испытывает острую потребность не просто в общении, но даже в какой-то демонстрации своих способностей, всего того, что он умеет, чему научился до школы, вне ее стен. Вместе с тем все понимающий семилетний человек боится показаться смешным, поскольку видит, что класс не больно-то щадит чувства каждого в отдельности и легко высмеивает того, кто кажется ему не очень достойным внимания и уважения. Так возникает боязнь открыть

себя, свой внутренний мир, причем опять-таки в первую очередь у тех, кто до школы находился в основном в кругу любящих, уступчивых взрослых.

Попав в мир сверстников, наши дочери и сыновья начинают тянуться друг к другу, но раза два-три обожгутся, попадут в конфликтную ситуацию, к которой в домашней, сугубо взрослой среде они не привыкли, и тут же с детской категоричностью принимают другое твердое решение: «Ну и не надо! Обойдусь без них». А «они» — это класс. Ребенок остается в одиночестве, что чревато самыми неблагоприятными последствиями. Не заполненное деятельностью длительное пребывание ребенка наедине с собой, как правило, ведет к различного рода нарушениям, вплоть до психических.

Что делать? Как быть в такой ситуации? Думается, выход единственный — надо помочь ребенку обрести такое общение, которое будет благотворно действовать на его развитие. Многие родители приглашают к себе в дом на воскресный завтрак или на прогулку (в лес, на пароходе), или в кино, в театр сверстников своих детей. И от этого сверстники начинают несколько по-иному, более уважительно относиться к товарищу, статус которого был низким в коллективе класса или двора.

Желательно, чтобы родители сами ближе познакомились с товарищами своего ребенка. Это даст возможность подсказать сыну или дочери правильную манеру поведения в коллективе сверстников.

Одним словом, если родители захотят, они смогут помочь своему ребенку повысить свой статус в детском коллективе.

Есть и противоположный тип единственного ребенка. Привыкнув к общению со взрослыми, он набирается у них эдакой легкости в обращении с окружающими, излишней фамильярности, даже развязности. При столкновении со сверстниками это ведет к чрезмерному общению — вечным компаниям, сборищам. В конце концов такой ребенок, даже если и имеет хорошие задатки, попусту теряет время и возможность их развивать.

Вам необходимо выработать привычку разрешать главные проблемы детского общения

По вечерам, успокоенный несколькими «домашними» часами, ваш ребенок не очень-то стремится к осмыслению тех неприятных ситуаций, конфликтов, которые произо-

шли с ним в школе. И хотя этого стремления нет, он все равно, может быть в подсознании, занят своими раскладами отношений: «икс» снова лезет к «игреку», а «зет» так и не посмотрела в мою сторону, а «икс» второй «снова стал мне угрожать». И хотя неизвестные вроде бы все известны, лабиринт взаимоотношений настолько сложен, что в нем легко запутаться и совершить ошибки.

Каждый вечер вы обязаны знать, что произошло с ребенком днем, ибо его тревоги могут быть настолько сильными, что в них утонет все: и занятия, и добрые замыслы, и надежды...

Помощь ваша должна быть конкретной.

— Сегодня Сушков опять, — рассказывает сын, — загородил рукой дверь, и каждый должен был выходить из класса, согнувшись...

— И ты тоже согнулся?..

— И я тоже, — признается сын. — У него брат большой...

Что вы должны сделать? Как поступить? Пойти к учительнице или к директору? Это вроде бы самое правильное решение. Но каково мальчику, которого пришла защищать мама? Не ущемит ли это ребячье самолюбие?

Посоветовать сыну, чтобы он обратился в пионерскую организацию? Это тоже правильно. Но не натолкнем ли мы ребенка на самый легкий путь решения проблемы — жалоба!

Конечно, здесь могут быть десятки решений. Но есть одно, которое надо было выполнить и без которого все последующие бесполезны.

Если бы мой сын сказал мне, что он, боясь неприятностей, прошел в дверях согнувшись, я бы выразил свое огорчение. И если бы он спросил у меня: «А что я должен был сделать?» — я бы ответил: «Прорваться! Рискнуть, но не унизиться».

«Вас пятнадцать ребят, которые прошли под рукой Сушкова, — сказал бы я. — Если бы вы все вместе подошли к Сушкову и сказали: «Либо ты перестанешь издеваться, либо тебе здорово достанется», то он был бы вынужден уступить, и никакой бы брат ему не помог».

«Легко рассуждать», — сказал бы мне сын. И все-таки даже если бы он не поступил так, как ему советовали, все равно я заронил бы в его душу то зерно справедливого протеста, без которого не может быть нравственного воспитания.

**Помимо чувствительности вы должны
ориентировать ребенка и на воспитание в себе
душевной стойкости
и чувства собственного достоинства**

Естественно, что по вечерам, в свободные часы, идет не только процесс общения с детьми, но вырабатывается самими родителями как бы своя собственная микротеория воспитания, определяются главные направления семейной педагогики. Один из родителей так сформулировал важнейший воспитательный вопрос: «Как же гармонично совместить в одном человеке силу духа, душевную стойкость, закаленность с душевной же тонкостью, чуткостью, умением сопереживать?»

Конечно, сколько бы каждый из нас ни ратовал за необходимость воопитания доброты, чуткости, мягкости, он все равно по отношению к своему ребенку будет добиваться, чтобы наряду с этими качествами воспитывались еще и разумная практичность, умение постоять за себя и готовность с риском для себя защищать добро от зла. Но, может быть, в таком случае речь идет лишь о мере: немножко жесткости, немножко доброты? Нет, конечно, дело сложнее.

Я знаю, что слишком добрые и чувствительные дети вызывают раздражение у некоторых сверстников. Знаю немало случаев, когда таких ребят били, отбирали у них деньги, шапки и т. д. Я даже знаю девочек, которые однажды не согласившись в чем-то с ними подругу избили до синяков.

Из атмосферы любви, ласки, заботы, которые окружают его дома, ребенок, приходя в школу, попадает в мир динамических проявлений. В мир, где все кипит и где ребенок может столкнуться и с излишней строгостью, и резкостью, и даже жестокостью.

Педагогу предстоит сложнейшая работа по «очеловечиванию» детского общения. В чем она выражается?

В организации этого общения на основе духовных ценностей: взаимответственности, справедливости, доброты, товарищества. В такой организации, когда коллектив способен заявить свое грозное и непримиримое «нет» насилию, неправоте.

В пробуждении и неустанном развитии добрых чувств. В воспитании доброты, но не абстрактной, а непременно проникнутой содержанием гражданственности.

...Передо мною последний план учебно-воспитательной

работы Павлышской средней школы, написанный самим В. А. Сухомлинским. Рабочий документ. План на 1970/71 учебный год. Читаю. Раздел под названием «Воспитание элементарной моральной культуры». Обозначено 300 тем. Каждая развернута в виде афоризма. Вот некоторые из них.

...43. Кладбище — это человеческая святыня. Это не прах прошлого, а вечно живые корни будущего. Умей оберегать человеческую святыню. При виде могил своих предков равнодушным может остаться только негодяй или кретин.

55. Старость не может быть счастьем, радостью. Это невежды выдумали слова «счастливая старость». Старость может быть покоем или горем. Покоем она становится тогда, когда ее уважают. Горем ее делают забвение и одиночество...

173. Ты — будущая мать. Природой и обществом на тебя возложена огромная ответственность. Ты женщина, а подлинная женственность — это слияние нежности и строгости, ласки и непоколебимости.

Я специально выбрал столь, казалось бы, разные темы. Обратите внимание, как в них, в каждой, органически слиты гуманизм и гражданственность, человеческая доброта и общественные, социальные ценности. Это и есть гражданское воспитание, берущее свои истоки от народных традиций.

Надо уметь отличать подлинную коллективность от мнимой, противостоящей ей, вредной

Многие наши просчеты являются, как известно, следствием, продолжением (вернее, искажением) наших достоинств... Стремление к открытости, гласности — вообще говоря, достоинство, признак коллективизма. Но желание, ни с чем не считаясь, непременно коллектив «сколотить» (какое словечко, точно речь идет о ящике из досок!) породило у иных воспитателей целую систему бездумных педагогических действий. И как высшая педагогическая «находка» некоторых воспитателей — коллективные разбирательства и беспощадность ребят. Ученик на середине класса с опущенной головой, руки в карманах, переминается с ноги на ногу. Чей-то окрик: «Да ты стань как положено!», и поощрительный кивок учителя: «А ты помоги ему стать как положено», и резкое движение товарищей: руки вывернули — вот теперь «как положено», привели в норму.

И начинается с учительского одобрения допрос с пристрастием.

Детям присуще стремление проявить свое общественное лицо. Прекрасно! Надо поддержать эту стремительную горячность. И в семье, и в школе. А непереносимое требование порядочности, как бы сплавленное с гражданским порывом, и даст нужный и правильный нравственный результат воспитания.

Одна ученица заявила своим родителям: «Вы мне противны! Вы погрязли во лжи, корысти!» Учителя размышляли над педагогическим значением этого факта. Кто-то высказал мнение: «А не сделать ли этот факт достоянием общности, комсомольского собрания? Бороться — так бороться!» У меня от сердца отлегло, когда я встретился с этой девочкой, которая мне сказала, что она ни за что не оставит родителей, что она жалеет о своей горячности и постарается сделать все, чтобы помочь им стать иными... Запомнились мне и слова классной руководительницы: «У ребенка должно быть чувство сопричастности по крови, то есть он должен чувствовать голос родственной близости. Когда этот голос приглушается, возможны тяжелые последствия. Не случайно в народе говорят как о самом страшном зле: «Отца родного не пожалеет»...»

В данном случае педагоги поступили правильно, не соблазнившись коллективным воспитательным мероприятием. Они позаботились о личности, о ее нравственном здоровье.

Воспитывая доброго и дружественного человека, вы воспитываете хорошего семьянина

Задавая себе вопрос, для чего мы растим своих детей, мы неизбежно отвечаем: для счастья, для труда. И как-то не решаемся еще поставить рядом с нашим ребенком такое большое и емкое понятие, как его будущая собственная семья. Но ведь когда-то придет и ее время.

Если вашей дочери пятнадцать лет, то уже скоро она может иметь свою семью, своих детей. И к этому ответственному назначению вы должны готовить ее. Готовить изо дня в день. Именно поэтому необходимо повседневно воспитывать в ней стремление выполнять любую будничную работу. Вы должны научить ее создавать уют для себя, для детей, для мужа.

Ну, а главное — вы должны научить ребенка любить,

доставлять близким радость, творить добро. Если ваш сын не проявляет заботы о вас, своем учителе, знакомой девочке, с которой он дружит, он вряд ли приобретет опыт того внимания и теплого отношения к человеку, без которых не может быть настоящей семейной жизни.

Если ваши дети растут закаленными и выносливыми, если они готовы всегда, чего бы это им ни стоило, защитить слабого, если они во время вашей болезни заботливо ухаживают за вами, если они интересы семейного коллектива ставят выше своих личных желаний, то можете быть уверенными в том, что эти добрые отношения спроецируются на их собственную семью.

Несколько советов, вынесенных из практики воспитания

Вечер — всегда раздумья о завтрашнем дне. Сделайте максимальное, чтобы грядущее утро стало началом свершения счастливых событий.

Несколько будничных правил.

Нельзя острые этические разговоры с ребенком переносить на самое позднее время. Постарайтесь их закончить к семи-восемью вечера. За два последних часа перед сном ребенок должен успокоиться. Важно научить его обстоятельно готовиться к завтрашнему дню. Пусть он соберет книги, тетради, приготовит карандаши, ручки. Просмотрит одежду и, если надо, пришьет пуговицу или выгладит брюки. И наконец, — вовремя лечь спать. Вечером, разумеется, нельзя допускать никакого перевозбуждения. Так, ребенок не должен смотреть по вечерам остро сюжетные фильмы, в особенности детективного плана, с убийствами и расследованиями. Вообще на телевизор лучше отводить не более часа в день.

Ни в коем случае нельзя перед сном давать ребенку кофе или острые блюда, разрешать играть в азартные игры или рассказывать ему «страшные» истории и сказки. Если в вашей семье назрел конфликт и вам надо его разрешить между собой, подождите, когда ребенок уснет. Если у вас гости, постарайтесь ребенка уложить спать вовремя: он не должен перевозбуждаться от их присутствия и уж тем более быть свидетелем подогретых спиртными напитками откровений взрослой компании.

Самое лучшее перед сном — прогулка на воздухе с разговором о завтрашнем дне, приготовление к новому рабочему утру. И здесь допустима некоторая «игра».

Если вы ребенку скажете: «Ну что, спать? Или еще раз расскажешь мне заданное по географии?», он предпочтет первое — спать. Пусть уж укладывается с мыслью, что ему утром надо еще перед выходом в школу просмотреть этот не вполне усвоенный текст по географии. Пусть его голова будет чуть-чуть озабочена ожиданием завтрашних напряжений. В меру — это не страшно.

Проникновение в сущность детства помогает познавать и преобразовывать мир

В пионерских лагерях я неоднократно встречался с такими явлениями. Девочки не могли уснуть и просили воспитательниц: «Посидите немножко с нами», или: «А меня мама всегда целовала перед сном, и я засыпала...», или: «Расскажите что-нибудь».

В этих словах — не только естественная потребность ребенка в ласке, но и более высокая потребность в духовно обогащающем общении, желание услышать от другого нечто сокровенно-важное, интимно-доверительное, снимающее как дневное напряжение, так и ту тревожность, которая порой колеблет уверенность ребенка в своих возможностях.

И как важно несколькими словами, ласковым прикосновением придать ему новые силы, которые развернутся завтра. Может быть, в этих словах должен прозвучать такой мотив: «Ты сегодня добился очень многого. Я даже поражаюсь, как тебе удалось взять себя в руки... Но, конечно, если бы постарался, ты бы смог еще лучше выполнить задание...»

И желательно, чтобы в ваших действиях чувствовалась такая направленность, которая подводила ребенка к мысли: «Мама всегда понимает меня... Я завтра обязательно постараюсь доказать ей, на что я способен»...

Однажды в пятом классе дети писали сочинение о дружбе, о своем лучшем друге. Миша писал, что он своим настоящим другом считает бабушку, потому что она умеет выслушать, понимает его. Я спросил: «Наверное, бабушка не так требовательна, как мама?» «Нет,— ответил Миша,— мама часто говорит бабушке, что она чересчур требовательна ко мне, ничего мне не спускает. Но я все равно больше дружу с бабушкой, потому что она справедлива и хорошо слушает то, что ей говоришь».

В педагогике неоднократно подчеркивалось, что деятельность, и только деятельность, формирует личность.

Но пусть в понятие деятельности входит и то интимное общение, в котором происходит освоение ребенком нравственных норм, понимание им своего долга перед родителями, школой, постижение умом и сердцем высокого духовного идеала.

Путь к этому идеалу — добрые и требовательные отношения с детьми, вера в творческие возможности ребенка.

В лучших традициях советской педагогики всегда была вера в светлое начало человека, было такое понимание доброты, которое не исключало требовательности, целесообразной строгости и уважения к достоинству ребенка. Эти традиции надо развивать в практике воспитания детей.

О ТРУДОВОМ ПРИЗВАНИИ, ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

(Вместо заключения)

Шарль Фурье, размышляя о гармоничном воспитании, назвал общество будущего обществом социального очарования. Меня поразили эти слова. Я понял их как такой тип взаимоотношений, где все очарованы коллективностью, государственным устройством, добрыми намерениями и поступками каждого.

Раздумывая об идеале современного семейного воспитания, неизбежно обращаешься к наследию прошлого. И убеждаешься, что все прогрессивные педагоги мира на первый план ставили гражданственность и человечность. Например, великий чешский гуманист-педагог Ян Амос Коменский признавал только ту педагогику, которая приносит пользу государству, помогая воспитывать хороших граждан.

В своей педагогике он делал упор на безнасильственный, свободный инициативный труд ребенка, доставляющий радость всем: и школе, и семье, и детям, и в конечном итоге — государству. Он видел в этом основу гражданского воспитания.

Нельзя научить любить Родину, любить труд насильственными мерами. А без любви к труду и к своему отечеству не может быть подлинного воспитания. Это аксиомы прогрессивной педагогики. Если это так, то идеалом гражданского воспитания должен быть человек, способный действительно любить свой народ, свою семью, своих близких и родных, своих товарищей.

Семейное и государственное всегда связано, как всегда связано трудовое призвание человека с общенародными интересами. Когда мы говорим о призвании человека, мы имеем в виду такую форму самоотдачи, при которой труд личности приобретает огромную социальную значимость.

Об этой связи личного и общественного писал в свое

время К. Д. Ушинский: «Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства и вместе с тем и нравственности и счастья».

Ушинский выделяет два плана — любовь к отечеству и любовь к труду. Эти две любви и составляют истинный фундамент нравственности, идейный стержень личности.

Эффективность нашей теории воспитания зависит от того, в какой мере она отстаивает чистоту наших идеалов, бескомпромиссность в утверждении коммунистических нравственных ценностей.

Этим требованиям отвечает, в частности, педагогика В. А. Сухомлинского. Педагогика павлышского учителя как бы вобрала в себя все то лучшее, что присуще было прогрессивным исканиям великих педагогов прошлого, вплоть до А. С. Макаренко. На этой основе В. А. Сухомлинский создал свою систему подходов к воспитанию детей. Эти подходы имеют прямое отношение к семейному воспитанию. Сухомлинский ставил перед собой цель сблизить семейное и школьное воспитание, а сам, как педагог-мастер борясь за то, чтобы педагогические методы были согреты теплом и человеческой лаской, своим собственным примером дал образец педагогического поведения.

В. А. Сухомлинский сочетал в своем творчестве страстную проповедь марксистско-ленинских идей с практической организацией разносторонней деятельности школьников, утверждал идеи единства, воспитания и самовоспитания, коллектива и личности, классового и общечеловеческого. «Найти, открыть, утвердить в человеке его трудовое призвание, добиться, чтобы каждый стал настоящим мастером в какой-то работе, чтобы трудовое творчество навсегда вошло в духовную жизнь и стало самым сильным эмоциональным стимулом деятельности,— писал В. А. Сухомлинский,— в этом состоит единство идейного и трудового воспитания».

В. А. Сухомлинский знакомит детей и с мудрым пасечником, и с хлебопашцами, и с труженицей-крестьянкой, потерявшей на войне своих сыновей, но сохранившей удивительное жизнелюбие. Из уст этих тружеников ребята услышат о заветных мыслях народа: дорожи своей рабочей честью, уважай чужой труд, помогай матери, бабушке, сделай доброе дело для других. Это они подскажут ему темы для этических бесед, которые он афористически формулирует в своем последнем учебно-воспитательном плане

работы школы: «Самое большое счастье для твоих родителей — твоя честная жизнь, твое трудолюбие, твои успехи в учении, в труде. Приноси в дом счастье». В. А. Сухомлинский раскрыл, если можно так сказать, механизм взаимодействия общечеловеческого и классового в нравственном становлении детей. От усвоения общечеловеческих ценностей к защите этих ценностей — вот путь, по которому должен пройти ребенок.

Подлинно гражданское всегда выражает истинно человеческие устремления народа, истинно гуманное отношение к личности, защищает идеи свободы, равенства, братства, добра и справедливости. Трудно воспитать патриота, не воспитав любви к матери, к своему селу, к родной природе. Ребенок чаще всего приобщается к ценностям своего общества и класса через микромир ближайшего окружения. Этот мир для него масштабен и значителен, а для воспитателя любая «мелочь» может оказаться важным условием, средством и методом формирования коммунистических убеждений.

Гуманистическая позиция В. А. Сухомлинского в воспитании доброты, душевной мягкости и гражданственности была до предела четкой и принципиальной. Он писал: «Пусть не поймет меня читатель так, будто я проповедую абстрактную доброту и всепрощение. Речь идет о воспитании ребенка в обществе, которое строит коммунизм. Мир социализма не только живет один на один с миром капитализма, где господствуют жестокие законы человеконенавистничества, но и пребывает в постоянном идейном, духовном, моральном единоборстве с этим миром насилия и порабощения; дети наши должны быть готовыми ко всему: и к тому, чтобы встретиться с врагами на поле боя, и к тому, чтобы переносить испытания нелегкой борьбы... Эти воспитательные цели не только не противоречат необходимости тонкого, отзывчивого духовного мира нового человека, непримиримого к какому-либо насилию, но и подчеркивают эту необходимость. По-настоящему ненавидеть врага и быть беспощадным с ним может только человек большого духовного благородства».

Советская педагогика, мы говорили об этом в самом начале книги, исходит из цели воспитания человека-коллективиста. Не только школа, но и семья захвачены решением задач гражданского воспитания, соединенного с всесторонним и гармоническим развитием личности. Гармония целостности и всесторонности — это и есть тот

самый высокий идеал человека будущего, во имя которого строится коммунистическое общество. Вот почему высшей целью нашего общества становится развитие человеческой личности, развитие гармоничное, в котором, как отмечается в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы, трудовое воспитание на основе участия школьников в общественно полезном и производительном труде соединялось бы с гражданским становлением, нравственным, интеллектуальным и физическим развитием. Важно, чтобы это было хорошо усвоено учащимися, глубоко воспринято учителями, родителями, всей общественностью.

В социалистической педагогике, подчеркивал В. А. Сухомлинский, так определяются существенные грани гармонического взаимодействия коллектива и личности:

— Одна из важнейших основ воспитания коллективизма, дисциплины, ответственности — духовное благородство, которое утверждается в детской душе тогда, когда ребенок больше думает и заботится о других, нежели о себе.

— Духовное благородство невозможно утвердить словесными наставлениями. Оно утверждается в трудовом напряжении.

В труде у ребят зажигаются первые искры гражданского сознания. Этот труд сегодня может быть очень простой и будничный; дети копают ямки, готовясь посадить в них черенки, вносят в землю удобрения, поливают ее. И так несколько лет — все просто и однообразно. Но это не оупляющая физическая работа, нет! Это работа в полном понимании этого слова творческая. Потому ребенок получает от нее большую радость. Непосредственное прикосновение ребенка к героическому и величественному, к бесценным моральным богатствам народа утверждает в сознании привлекательность настоящего добра. Увлеченность коллектива рождает у подростков желание проявить себя, и это желание гармонически сливается с моральным идеалом нашего общества.

Как часто мы огорчаемся тем, что односторонний интерес губительно сказывается на развитии других способностей, уводит ребенка от учения, полезного труда, вредно влияет на здоровье. Как важно во всем соблюсти меру, которая всегда выступает как единство различного, как синтез противоположных достоинств.

Гармоническое развитие личности — это когда в одной способности не теряется связь с другими способностями,

когда одна деятельность обогащает другую, когда одна сформированная потребность становится условием образования других потребностей, когда одно увлечение приводит к становлению разносторонних интересов личности.

Но как практически решать проблему всестороннего, гармонического развития? Школьные программы и так перегружены. Рабочий день школьника значительно превышает рабочий день взрослых.

Снова хотелось бы вернуться к творческому наследию В. А. Сухомлинского, которое ценно целостной системой развития физических и духовных сил ребенка. «Я не боюсь еще и еще раз повторить,— писал он,— забота о здоровье — это важнейший труд воспитателя. От жизнерадостности, бодрости детей зависит их духовная жизнь, мировоззрение, умственное развитие, прочность знаний, вера в свои силы. Если измерить все мои заботы и тревоги о детях в течение первых четырех лет обучения, то добрая половина их — о здоровье».

Развивая детскую самодеятельность, В. А. Сухомлинский постоянно подчеркивал, что труд не должен быть легким. Надо, однако, найти ту меру трудности, чтобы труд был и детским, и нравственно воспитывающим, и духовно-притягательным, напряженным, чтобы он брал за живое, доставлял радость и чтобы от этой радости становилось интереснее жить и учиться самому ребенку.

И школа и семья прежде всего заботятся о всестороннем развитии детей. Девиз — каждому ребенку живое творческое дело — осуществляется в стремлении взрослых развить общие способности. Эти общие способности впоследствии так или иначе скажутся и на выборе профессионального призвания, и на способах овладения профессиональным мастерством. Но параллельно с общим развитием детей независимо от нас происходит и их профессиональное становление. Первые искры профессионального призвания западают в душу, когда наши воспитанники трудятся в мастерских и на опытных участках, в кружках технического творчества, когда они работают в студиях и напряженно размышляют на конкурсах и олимпиадах, когда увлеченно работают над докладами и рефератами, читают книги, посещают заводы и фабрики, музеи и всевозможные выставки. Возникают вопросы: нельзя ли управлять профессиональным становлением и таким образом управлять, чтобы элементы профессионального труда становились средствами гармонического развития личности, средствами формирования коллекти-

визма, гражданственности и человечности? Может ли семья помочь ребенку определить свое трудовое призвание? Какими должны быть контакты семьи, школы и производства, чтобы создать необходимые условия для сознательного выбора профессии? Можно ли придать усилиям семьи, школы, производства, общественности организованный, государственный характер? Каковы психологические факторы выбора призвания?

Разумеется, эти вопросы имеют прямое отношение к воспитанию гражданственности, поскольку связаны с разрешением глобальных задач — определением смысла жизни человека, сферы его труда и увлечений.

Сейчас в ряде регионов страны успешно проводится работа по профессиональной ориентации учащихся. В этой работе принимают участие преподаватели вузов, руководители промышленных предприятий и школ, профессионально-технических училищ и техникумов, представители партийных и советских органов. Активными участниками эксперимента стали и родители.

Одним из главнейших направлений школьного и семейного воспитания становится подготовка детей к самостоятельной жизни, которая так или иначе завершится у многих супружеской жизнью, налаживанием отношений в своей собственной семье, воспитанием уже своих детей. Призвание человека, его способность создать для себя и своей семьи экономические основы имеют прямое отношение к развитию человечности и гражданственности. Не может быть хорошего гражданина, если человек не любит своих детей, своих близких, если не способен позаботиться о своих родителях.

Словом, и работа по формированию профессиональных интересов затрагивает многие стороны гуманистического воспитания.

Здесь особую остроту приобретает проблема формирования сильной, энергичной личности. С одной лишь оговоркой. Энергия, сила личности может быть доброй и злой. Энергия, соединенная с высокой гражданственностью, культурой, человечностью, профессиональным мастерством, — вот идеал психологического состояния, присущий новому человеку. Человеку, способному творить развитые формы общения. Человеку, который всегда сможет защитить высокие нравственные идеалы. Обогатить их новым содержанием. Наполнить светом Добра, Разума, Истины и Красоты.

Энергия рождается в труде. И только в труде. Лю-

бовь к труду, потребность в труде — самое великое наследство, которое мы дарим детям. «Безделие — мастерская дьявола», — гласит английская поговорка. В труде наращивается энергия, способная разрушить мастерскую порочных страстей.

Истоки способностей и дарования детей, как отмечал В. А. Сухомлинский, на кончиках их пальцев. От них, образно говоря, начинаются тончайшие ручейки, которые питают источники творческой мысли. Другими словами, чем больше мастерства в детской ручке, тем умнее ребенок.

Гармоническое развитие есть такое развитие, которое разрешает сложнейшие противоречия и в самой личности, и в конкретном общении данной личности. Гармоническое развитие — это всегда борьба и преодоление трудностей. Борьба за человека. Борьба за лучшее будущее своей Родины. Словом, рождение гармонического человека — это рождение Гражданина, Человека, Мастера в своем деле. Когда мы говорим, что семья должна способствовать гармоническому развитию своих детей, мы приоритет отдаем труду. Труду, наполненному высоким духовным и интеллектуально-эстетическим содержанием. Труду, очищающему душу и решающему основные задачи социального и экономического развития. Труду, создающему условия для всестороннего развития человека нашей страны. Труду, способному сделать счастливыми как детей, так и их родителей.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
ГЛАВА 1. О чем спорят по вопросам семейного воспитания у нас и за рубежом (Диалог с Бенджамином Споком)	5
ГЛАВА 2. Как формируется личность (Основы коллективистского воспитания)	33
ГЛАВА 3. Всестороннее и гармоническое (Проблемы взросления)	99
ГЛАВА 4. Педагогика на каждый час (Правила и приемы воздействия)	165
О трудовом призвании, гражданственности и человечности (Вместо заключения)	231

Азаров Ю. П.

А35 Семейная педагогика.— 2-е изд., переработ. и доп.— М.: Политиздат, 1985.— 238 с., ил.— (Б-чка семейного чтения).

Все родители хотят, чтобы их ребенок рос здоровым, разумным, честным и добрым, чтобы он стал сознательным и активным гражданином своей Родины. Как этого достигнуть? Какова роль родителей в воспитании детей? Какие задачи ставит перед ними школьная реформа?

Этим вопросам посвящена книга, подготовленная доктором педагогических наук Ю. П. Азаровым — автором ряда работ по проблемам воспитания.

Книга адресуется всем, кто занимается воспитанием подрастающего поколения.

А 0302030800—018
079(02)—85 112—85

74.9
371.018

Юрий Петрович Азаров

СЕМЕЙНАЯ ПЕДАГОГИКА

Заведующий редакцией В. Я. ГРИБЕНКО

Редактор Т. Е. ЯКОВЛЕВА

Младший редактор Л. В. МАСЛЕННИКОВА

Художник А. И. АННО

Художественный редактор В. А. БОНДАРЕВ

Технический редактор Е. Ф. ЛЕОНОВА

ИБ № 4925

Сдано в набор 06.08.84. Подписано в печать 05.02.85. А00027. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 13,02. Уч.-изд. л. 13,64. Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ № 425. Цена 55 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

В серии «Библиотечка семейного чтения»
вышли из печати
следующие книги:

И. Печерникова
Вечный пример

Л. Пинчук
Моим детям — вместо завещания

В. Приходько
Приобщение к доблести

Сборник
Добрая сила доверия

П. Соловей
Как удержаться на вершине

И. Кошелева
Храните в памяти своей

